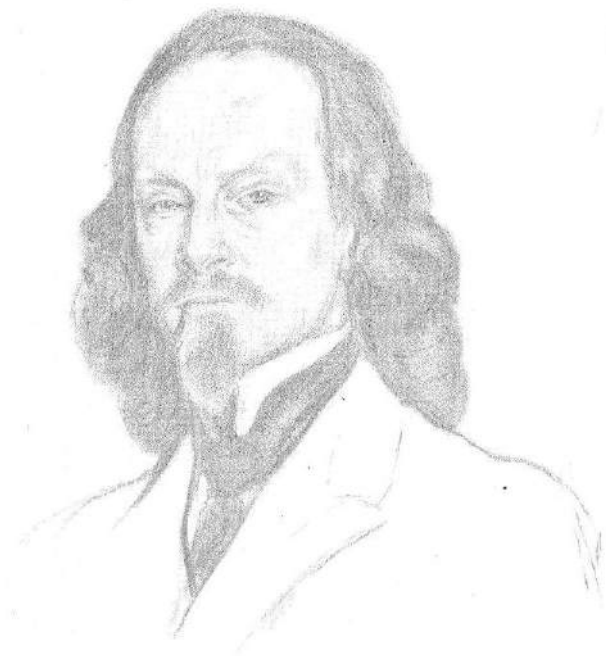

801-13
1247

БИБЛИОТЕКА
ПРОФЕССОРА
Г. В. МУРАКОВСКОГО

Р. В. Ц. Москва 50

Колич. 7500 экземпляров.

20-я Государственная типография (бывшая Кушнерова) Пименовская, 1/16.

Кл. $\frac{10}{64}$

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОЛНЕЧНАЯ ПРЯЖА

ИЗБОРНИКЪ

1890—1918

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1921

Наборники составлены специально
поэтом в июле 1913 года. Поэ-
трымическая с натуры поэзия
же М. В. Святшниковой-Воло-
жиной.

26407-60

2011123146

Я в этот мир пришла, чтобы видеть Солнце,
И синий кругозорь.

Я в этот мир пришла, чтобы видеть Солнце,
И выси горь.

Я в этот мир пришла, чтобы видеть Море,
И пыльный цвет долины.

Я заключила мир в единый взорь,
Я властелина.

Я победила холодное забвенье,
Создав мечту мою.

Я каждый шаг исполню откровенья,
Всегда пою.

Мую мечту страдания пробудили,
Но я люблю за то.

Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришла, чтобы видеть Солнце,
А если день погасет,

Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предвечерний час!

БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ.

Будемъ какъ Солнце! Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злему,
Ярко стремимся мы въ сѣнь золотомъ.
Будемъ молиться всегда неземному,
Въ нашемъ хотѣннн земномъ!

Будемъ, какъ Солнце всегда-молодое,
Нѣжно ласкать огненные цвѣты,
Воздухъ прозрачный и все золотое.
Счастливы ты? Будь же счастливые вдвое,
Будь воплощенъсѣя визанной мечты!
Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
Дальше, еще, до завѣтной черты,
Дальше, насъ манитъ число роковое *
Въ Вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты.
Будемъ какъ Солнце, оно — молодое,
Въ этомъ завѣтъ Красоты!

КЪ СОЛНЦУ.

Люди Солнце разлюбили, надо къ Солнцу ихъ вернуть,
Свѣтъ Луны они забыли, потеряли Млечный Путь.

Развѣчавъ Царицу-Воду, отрекаясь отъ Огня,
Измѣнили всю Природу, замокъ Ночи, праздникъ Дня.

Въ тюрьмахъ думъ своихъ, въ сѣбленіи зданій-склеповъ,
словъ-могиль,

Позабыли о теченіи, Чиселъ Вѣчности, Свѣтилъ.

Но качнулось коромысло золотое въ Небесахъ,
Мысли Неба, Звѣзды-Числа, брызнувъ, свѣтять здѣсь въ
словахъ.

Здѣсь мои избрали строки, пали въ мой журчащій стихъ,
Чтобъ звенѣли въ немъ намеки всѣхъ коледцевъ несем-
ныхъ.

Чтобъ къ стихіямъ, людямъ блѣднымъ, показала я свѣт-
лый путь,

Чтобы вновь, стихомъ побѣднымъ, въ Царство Солнца
всѣхъ вернуть.

СОЛНЦЕ.

Солнце—всемирное пламя,
Окно небесныхъ пировъ,
Круговое желтое знамя,
Надъ битвой и пляской міровъ.

Солнце—яркая чаша,
Зеркало дружныхъ свѣтилъ,
Радость и молодость наша,
Зелень стеблей изъ могилъ.

Солнце—кружащійся геній,
Учавшій ликомъ своимъ,
Пьяность звѣрей и растений,
Рьяность и пьяность сквозь дымъ.

РАЗСВѢТЬ.

Едва озарены вершины горъ.
Еще не вышло гордое Свѣтло,
Въ которомъ всѣмъ земнымъ восторгъ и сила.
Сейчасъ оно начнетъ дневной дозоръ.

Подъ бѣлой дымкой зеркало озеръ.
Цвѣты еще закрыты кадья.
Долины спить. Но тьма ужъ уступила.
И только знака ждешь старинный боръ.

Купавы словно дремлющія луны.
Все шире свѣтъ. Все ярче горный храмъ.
Расплавленный рубинъ по ледникамъ.

Весь міръ земной натянутыя струны.
Скорѣй. Скорѣй. Мы снова будемъ юны.
И токъ огня ударилъ по струнамъ.

СОЛНЦЕ ВСТАЛО.

Богъ вездѣ, куда ни глянь,
Всюду видитъ, всюду слышитъ,
Богу все приноситъ дань,
Слонъ, пчела, и левъ, и лань,
Богомъ все живетъ и дышетъ.
Разрывая ночи грань,
Солнце встало. Вѣрный, встань.
И молись. И вѣрь. И глянь,
Какъ воля волну колышетъ.

ПОДСНѢЖНИКЪ.

Въ зеленомъ перелѣскѣ
Подснѣжный колокольчикъ.
Раскрывшись раннимъ утромъ,
Тихонько позвонилъ.
Сказалъ: „Молитесь, травки!“
Шепнулъ: „Молитесь, звѣри!“
Прошѣлъ: „Молитесь, птицы!“
Господь дастъ намъ силу*.

И бѣлая березка
Курилась благовожно,
И заячья капуста
Молилась въ тишинѣ.
И сѣрый мохожелѣзникъ,
Упавши на колѣнки,
Шепталъ благоговѣно:—
„Дай ягодъ, въ срокъ, и мнѣ!“

А бѣлочка, желтѣя,
Съ брюшкомъ пушисто-бѣлымъ,
Скакнувъ отъ вѣтки къ вѣткѣ,
Искала, что поѣсть.
И протрубилъ комарикъ,
Свои расправивъ крылья,
Въ предлинную свирѣлку:—
„Въ лѣсу богатствъ не счастье!“

БРОНЗОВКА.

У бронзовки, горячаго жука,
Блестящаго въ дни майскаго горѣнья,
Полдневнѣй, чѣмъ у майскихъ, власть влюбленья,
И цвѣтъ зеленыхъ крыль—какъ ясть цвѣтка.

Въ немъ краска изумруда глубока,
Съ игрою золотого огтѣненья.
Здѣсь Солнцемъ и Землею завлеченье,
Здѣсь долгая влюбленность въ свѣтъ листка.

Сознаніе гармоніи окраски,
Упорно ощущаемое тѣмъ,
Кто пламенно живетъ, хоть съ виду нѣтъ.

Внушаемость теченьемъ общей сказки.
Такъ у дѣтей горять какъ звѣзды глазки:—
Вѣдь духъ дѣтей открыть созвѣздьямъ всегды.

ПАВЛИНЪ

Какъ испанскій вѣеръ, хвостъ павлина,
Съ большимъ числомъ изящнѣйшихъ зрачковъ,
Раскроется какъ розсыпь синихъ ковъ,
Чаруетъ какъ лазурная картина.

Самецъ, съ покорнымъ ликомъ властелина,
Бросающаго множество даровъ,
Быть красочнымъ еще и вновь готовъ,
Чтобъ породить съ царицей дочь и сына.

Но въ таинство рожденія вступить
Черезъ таинство любовнаго слиянья.
Таинственная чувствъ и мыслей нить.

Порабощенье волею снѣнья.
Созданье красокъ, грезъ, и расцвѣтанья,
Чтобы одинъ глотокъ любви испить.

РАДУГА.

Ты встала меж мною и Солнцемъ,
Ты стала моимъ Новолуниемъ,
Я вижу сияющій призракъ,
Въ глазахъ многозвѣздится соль.
Персты въ ослѣпительныхъ кольцахъ,
Въ душихъ перегудныхъ струяхъ,
Одежды твои словно ризы,
Люблю я, вѣчно влюбленъ.

Съ тобою весной быть и лѣтомъ,
И въ осени быть многоспѣлой,
А Сербъ загорится ущербный,
Мы вмѣстѣ измѣнимъ мечты.
Хочу я быть бабочкой свѣтлой,
Хочу я быть птичкой загвѣшей,
Хочу быть сережкой на вербѣ,
А верба душистая—ты.

ЧТО СО МНОЮ.

Что сдѣлалось со мною? Я весь пою.
Свиваю мысли въ тонкій строй сонета.
Ласкаю зоркимъ взоромъ то и это,
Всю Вѣчность принимаю какъ мою.

Изъ черныхъ глыбъ я бѣлое кую.
И похвѣсть чувства въ сталь и свѣтъ одѣта.
Во всемъ я ощущаю только лѣто,
Вѣтровъ пьянящихъ теплую струю.

О, что со мною? Я счастливъ непонятно.
Вѣдь боль я знаю—такъ же, какъ и всѣ.
Хожу босой по стекламъ. И въ ростѣ

Ищу душой того, что невозвратно.
Я знаю. Это—Солнце ароматно
Во мнѣ поеть. Я весь въ его краѣтѣ.

ПОЛДЕНЬ.

Съ утра до полдня въ духѣ я пѣвучемъ,
Со всѣмъ земнымъ я все же не земной.
Я восхожу съ растушею волной,
До полдня, къ Солнцу, къ тѣмъ горниламъ жгучимъ.

Найдемъ, сверкнемъ, полюбимъ, и замучимъ,
Загвѣжимъ семицвѣтной пеленой.
Къ чертѣ расцвѣта. Къ музыкѣ. За мной.
Ванесемъ дары, и приобщимъ ихъ къ тучамъ.

Но вдругъ въ душѣ означится изломъ.
Пронзить предѣлъ восторженности сгоранья.
Двѣнадцать. Солнце кончило игранье.

Хоть вы придите, молнія и громъ.
До завтра мгла и ошупь собиранья.
Но завтра утро вновь качнетъ крыломъ.

ЧАСТЬ ПОЛДНЯ.

Часть полдня кошачьи сжимаетъ зрачки,
И птицамъ велитъ замолчать.
Недвижно глядятся въ зеркальность листки
Вѣтвей, доходящихъ до глади рѣки,
Гдѣ вечеромъ звѣзды говорятъ огоньки,
Ивию слабая печать.

Часть иодня всю тѣнь выпиваетъ, и зной
Влечетъ въ кодовское звено.
Въ крови возжеланье подъятой волной,
Набатные зовы отъ грани земной.
Отъ дола до Солнца одною струной
Обвѣчаны небо и дно.

ЗЕЛЕНЫЙ ЗМѢЙ.

Отъ края лѣснаго до края лѣснаго
Молчанье полдневнаго зноя, и ллать
Дрожатъ изумруды, и синяя, снова,
За глуби лѣсныя кѣшляется тишь.
Насыщенный Солнцемъ сѣдой можевелъникъ,
Сквозной березникъ, пересвѣты осинь.
И гдѣ-то какъ будто за чашами пчельникъ,
Вепѣвающій звукъ не смокаетъ одинъ.
Невѣрная греза. Изъ зыбкаго крова,
Соткавшихъ завѣсу, вершинъ и вѣтвей,
Отъ края лѣснаго до края лѣснаго
Баюкаетъ шелесты лиственный змѣй.
Мелькая и тая такъ смутно и дико,
Онъ все оживляетъ, что было мертво.
И въ красные гроздья свои костяника
Вливаетъ всю кровь, чтобы тѣшить его.

ОНО ПРѢКРАСНО.

Оно прекрасно ласкою привѣта.
Всегда слѣпше смотреть на него.
И чувствуютъ. И любятъ. Оттого,
Что въ немъ огонь есть иѣжный, кромѣ свѣта.

Оно въ сознаньи расцвѣчаетъ лѣто.
Кто счастливъ здѣсь, онъ счастливъ черезъ него.
Лишь имъ живое въ мирѣ не мертво.
Лишь съ нимъ мечта рубинами одѣта.

Я опускаю вѣки и смотрю.
Я вижу. Сказка крови бьется ало.
Въ молкъ глазахъ я чувствую зарю.

Какое слово въ Вѣчность побѣждало?
Я съ тѣмъ, предъ кѣмъ не властны ядъ и жало.
Отъ Солнца къ Солнцу я свѣчой горю

НА СТАРЫХЪ КАНАТАХЪ.

На старыхъ канатахъ, извѣдавниихъ бурю и брызги со-
леной волны,
Сижу я, гляжу я, а Солнце нисходитъ на скатахъ своей
вышины,
Одѣтое въ пурпуръ, въ свѣтлѣйшій, чѣмъ Тирскій, до-
битый царямъ, багрянецъ,
Оно поспѣшаетъ, въ разлитии блесковъ, дать вечеру
пышный конецъ.
И темныя мачты, и сѣрый мой парусъ, и слѣдъ по
водѣ отъ руля,
Облиты горѣньемъ, въ пожарѣ минуты, торопящей бѣгъ
корабля,
По водамъ, покрывнямъ отроги Лемурий и банни бы-
лыхъ Атлантидъ,
Багряное Солнце, въ кифѣни лавы, въ сверканьи мно-
венья, горить.

ГОЛОСЬ ЗАКАТА.

1.

Вот и Солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рѣкой.
И послѣдній блескъ по воздуху разлить,
Золотой пожаръ за являми горить.

А развѣснстая лины, всё въ цвѣту,
Затаили многоцвѣтную мечту.
Льютъ лѣтнительно медвяный аромать,
Этой пряностью приветствуютъ закатъ.

Золотой пожаръ за тканями вѣтвей
Измѣняется въ нарядности своей.
Онъ горитъ какъ пламя новыхъ пышныхъ чаръ
Лиловато-желто-розовый пожаръ.

2.

Я отошедшій день, какижъ немного было
На памяти твоей, мечтающій мой братъ.
Я предвечернее свѣтало,
Побѣдно-огненный закатъ.

Всѣ краски, сколько ихъ сокрыто въ свѣѣ свѣта,
И въ мысль одну вложилъ, которая горитъ,
Въ огонь рубиновый одѣта
И въ нѣжно-дымный хризолитъ.

Мультиразличныя созвучія сиянья
По небу разбросавъ, я всё ихъ слилъ въ одно:—
Въ восторгъ предсмертнаго сознанья,
Что мнѣ блаженство суждено.

Такъ пышно я горю, такъ радостно-тревожно,
Въ воздушныхъ облакахъ такъ пламенно сквозь,
Что быть прекраснѣй—невозможно,
И быть блаженнѣе—нельзя.

Глади же на меня, о, духъ мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:—
Я блескъ бездонности зеркальной
Роскошно гаснущаго дня.

Любите ваши сны безамѣрно любовью,
О, дайте вспыхнуть имъ, а не безсилно тлѣть,
Сознавъ, что теплой алой кровью
Вамъ нужно ихъ запечатлѣть.

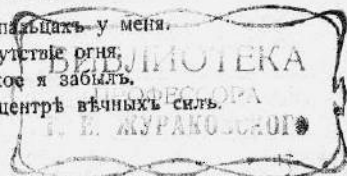
ДЛЯ ЧЕГО.

— Для чего намъ Солнце засвѣтилось сегодня?
— Для радости зрѣнія лица Господня.
— Для чего же оно горѣло вчера?
— Для радости зрѣнія лица Господня.
— А завтра зачѣмъ?—Чтобъ воскликнуть: Пора!
Будемъ въ радости зрѣнія лица Господня.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на миръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ.

Какъ лучъ горять на пальцахъ у меня.
Какъ сладко мнѣ присутствие огня.
Смѣялось все. Людское я забылъ.
Я въ мировомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать.
Какъ весело мгновения сжигать.
Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

ГОРОДЪ ЗОЛОТЫХЪ ВОРОГЪ.

Сонъ влюбленный. Мнѣ приснился древній Городъ Воль,
Что иначе звался—Городъ Золотыхъ Ворогъ.

Въ незапамятное время, далеко отъ насъ,
Люди Утра въ немъ явили свой пурпурный часъ.

Люди Утра, Дѣти Солнца, Духи Страсти, въ немъ
Объясняли Дѣву-Воду съ Золотымъ Огнемъ.

Дѣву-Воду, что, зачавши отъ лучей Огня,
Остается вѣчно-свѣтлой, дѣвственностью храня.

Дѣти страсти это знали, строя Городъ Воль,
Воздвигая стройный Городъ Золотыхъ Ворогъ.

Яркость красокъ, мощность заданій, валь, надъ валомъ валь,
Блескъ цвѣтовъ, глядящихъ въ воду, въ эту глубь зеркаль.

Городъ-Сказка. Съ нимъ въ сравненіи людной Вавилонъ
Быль не такъ похожъ на пышный предрасвѣтлый сонъ.

Съ нимъ въ сравненіи Аены, Бенаресь, и Римъ
Взоръ души не поражаютъ обликомъ своимъ.

Это—сказки лѣтъ позднѣйшихъ, отрезвленныхъ дней,
Лѣтъ, когда душа блѣднѣетъ, дѣлаясь умнѣй.

Въ нихъ не чувствуешь нежданныхъ очертаній сна,
Ужъ не сердце въ нихъ, а разумъ, дѣто, не весна.

Въ нихъ не чувствуешь безумья утренней мечты,
Властелинской, исполнинской, первой красоты.

Въ тѣхъ забытыхъ созиданьяхъ царствовала страсть,
Ея, желанной, предается, вольно, все во власть

Оттого-то Дѣти Солнца, въ торжествѣ своемъ,
Башней гордою вѣнчали каждый храмъ и домъ.

Оттого само ихъ имя—золото и сталь,
Имя гордое Атланта—Тольтекъ, Рмозгаль.

Въ будни жизнь не превращая, мѣръ любви, они
Яркой краской, жаркимъ чувствомъ наполняли дни.

До монѣтъ не унижая золото, они
Изъ него ковали входы въ царственные дни.

Входъ Огнемъ обозначался въ древній Городъ Воль,
Что иначе звался—Городъ Золотыхъ Ворогъ.

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

1.

Жизни податель,
Свѣтлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Слѣлай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и создатель,
Страшный сжигающій Свѣтъ!
Дай мнѣ—на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,
Лучшаго въ Мирѣ
Счастіи нѣтъ!

2.

О, какъ, должно быть, было это Утро
Единственно въ величьи своемъ,
Когда въ рубинахъ, въ нѣтъ перламутра,
Зажгло ты первымъ творческимъ лучомъ.

Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность,
Все было Да, не возникало Нѣтъ.

Въ ликующемъ и пьяномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты загло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.

Дѣйствительность была равна съ мечтою,
И такъ же близъ была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотю,
Не надо было въ нихъ впадать печаль.

Все было многолико и едино,
Все вѣжнко и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.

Потомъ, вспоивъ столѣтъя, миллионы
Горячихъ, огнедытннихъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ выси и уклоны,
Но въ каждый взоръ вливалось блескъ огня.

И много разъ ликъ міра измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко гомосъ Солнца раздавался,
И пѣсню крови слышала человѣкъ.

«О, дѣти Солнца, какъ они прекрасны!»—
Тотъ возгласъ перешелъ изъ устъ въ уста.
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.

То въ Мексикѣ, гдѣ въ танствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красные цвѣты,—
То въ Индіи, гдѣ въ душахъ свѣтлоокныхъ
Сложился блескъ ума и красоты,—

То тамъ, гдѣ Аписъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ авѣзду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду,—

То между сновъ изванной Элады,
Гдѣ Діонисъ парилъ и Аполлонъ,—
Вездѣ ты лило блескъ въ яюдскіе взгляды,
И разумъ міра въ Солнце былъ влюбленъ.

Какъ не любить Свѣтило золотое,
Надежду запредѣльную Землю.
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью вѣжныхъ строкъ моихъ внемли!

3.

И все в тебѣ люблю. Ты намъ даешь цвѣты,
 Гвоздики алыя, и губы розъ, и маки,
 Изъ безразличья темноты
 Выводишь мѣръ, томившійся во мракѣ,
 Къ красивой цѣлности отдѣльной красоты,
 И въ слитномъ Хаосѣ являються черты,
 Во мглѣ, что предъ тобой, варугъ дрогнувъ, подается
 Встануть—они и мы, глядятъ—и я и ты,
 Растеть, поеть, сверкаетъ и сбѣется,
 Ликуеть празднично все то,
 Въ чемъ лучъ горячей крови бьется,
 Что ночью было какъ ничто.

Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
 Внѣ пониманія, что есть лучистый день,
 Но самоцвѣтными камнями
 Теперь мечты горятъ, намъ зрима свѣтъ и тѣнь
 Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
 Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утѣсь,
 Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
 Они воздушнѣй дѣтскихъ грезъ,
 Нѣжныѣй, чѣмъ мысли мелодыя.
 Ты не взойдешь еще, а мѣръ уже поеть,
 Надъ соснами гудитъ звенящій вѣтеръ мая,
 И влагой синюю поймъ ты небосводъ,
 Всю мглу Безбрежности лучами обнимаю.
 И вотъ твой яркѣй дискъ на Небеса взошелъ,
 Превыше вѣчныхъ горъ, горнишь ты надъ богами,
 И люди Солнце пьютъ, ты льешь вино струями,
 Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть доль,
 На Солнце лишь глядѣть орель,
 Когда летитъ надъ облаками.

Но, не глядя на ликъ, что ослѣпляетъ всеѣхъ,
 Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ нѣмой былинкѣ,
 Когда, желанный намъ, услышимъ звонкій смѣхъ,
 Когда увидимъ лучъ, средь чаши, на троникѣ.
 Мы чувствуемъ тебя въ рѣкѣ полночныхъ звѣздъ,
 И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозю,
 Когда межъ нихъ горитъ, манящей полосюю,
 Воздушный семицвѣтный мостъ.
 Тебя мы чувствуемъ во всемъ, въ чемъ блескъ алмазный,
 Въ чемъ свѣтъ коралловый, жемчужный, пль иной.
 Безъ Солнца наша жизнь была бѣ однообразной,
 Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
 Но болѣе всего ласкаешь ты—весной.

4.

Свѣжей весной
 Все-озаряющее,
 Насъ опьяняющее
 Цвѣтомъ, лучомъ, новизной,
 Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,
 Ты, пребывающее
 Съ нимъ, неизбѣстнымъ, съ тобою, любовью, и со мною!
 Ты теплое въ радостно-грустномъ ширѣлѣ,
 Когда на зарѣ
 Играютъ свирѣли,
 Горячее въ лѣтней порѣ,
 Въ пальцѣмъ юлѣ,
 Родящемъ зернистый и сочный приливъ
 Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
 Что въ свѣтѣ лучей утонули.
 Ты жгучее въ Африкѣ, свѣтъ твой горитъ
 Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ
 И въ зыбяхъ песчаныхъ Сахары.

Гы страшное въ нашей Россіи лѣсной,
Когда, воспринявши палашій твой зной,
Рокоцуть лѣсные пожары.

Гы въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
Гдѣ бѣлюю смертию одѣтъ Океанъ,
Что люди зовутъ Ледевитымъ,—
Гдѣ стелются версты и версты воды,
И вѣчно звенять и ломаться льды,
Бѣляя подъ вѣтромъ сердитымъ.
Въ Норвегій блѣдной—полночное ты,
Сіянемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
Горишь въ сочетаньяхъ неожиданныхъ.
Ты тусклое тамъ, гдѣ взрастаютъ лишь мхи,
Цѣпляются въ тундрахъ, глядятъ какъ грѣхи,
Въ краяхъ для тебя нежеланныхъ.
Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльнѣеи нѣтъ,
Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
И, если есть черныя страны,
Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
Тамъ день есть межъ днями, когда небосводъ
Мигъ правды даетъ за обманы,
И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
Въ мигъ правды богаче избранныковъ дней.

5.

Я тебя воспѣваю, о, яркое жаркое Солнце,

Но хоть знаю, что я и красиво, и нѣжно пою,
И хоть струны поэта звончѣй золотого червонца,

Я не въ силахъ исчерпать всю властность, всю
чару твою.

Если бъ я родился не пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
Если бъ быть я звенящей блестящей свободной волной,

Я украсялъ бы берегъ жемчужиной—искрой морской—
Но не зная бы я, сколько сокрыто ихъ въсѣхъ
глубиной.

Если бъ я родился не стремящимся жаднымъ поэтомъ,
Я расцвѣлъ бы какъ ландышъ, какъ бѣлый влюб-
ленный цвѣтокъ,

Но не зная бы я, сколько цвѣтовъ раскрывается лѣтомъ,
И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ тебя воспѣвая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частью слышу ликующій жизненный смѣхъ,
Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда—молодое,
Но сбывае всего то, что въ жизни горишь ты—
для всѣхъ.

6.

Люблю въ тебѣ, что ты, согрѣвъ Франциска,
Воспѣваго тебя, какъ я пою,
Ласкаешь тѣмъ же свѣтомъ василиска,
Лелѣешь нѣжныхъ птичекъ и змѣю.

Мнѣяень безконечно сочетанья
Людей, звѣрей, планетъ, почей, и дней,
И насъ ведешь дорогами страданья,
Но насъ ведешь къ Безсмертію Огней.

Люблю, что тотъ же самый свѣтъ могучій
Что насъ ведетъ къ немеркнущему Дню,
Струить дождя, порвавши сумракъ тучи,
И приобщаетъ нѣжныхъ дѣвъ къ огню.

Но, если, озаряя и цѣлуя,
Касаешься ты мыслей, губъ, и плечь,
Въ тебѣ всего сильнѣе то люблю я,
Что можешь ты своимъ сіянемъ—сжечь.

Ты явственно на стоны отъѣдаешь,
Что выборъ есть межъ сумракомъ и днемъ,
И ты невѣсту съ пламенемъ вѣнчаешь,
Когда въ душѣ горишь своимъ огнемъ.

Въ тотъ яркій день, когда владыки Рима
Въ послѣдній разъ вступили въ Карфагенъ,
Они на пирѣ пламени и дыма
Разрушили оплотъ высокихъ стѣнъ,—

Но гордая супруга Газдрубалъ,
Наперекоръ побѣдному врагу,
Взглянувъ на Солнце, про себя сказала:—
„Еще теперь я побѣдить могу!“

И, окруживъ себя людьми, конями,
Какъ на престолъ взошедши на костеръ,
Она сдилась съ блестящими огнями,
И былъ триумфъ—несбывшійся позоръ.

И вспыхнуло не то же ли сіянье
Для двухъ, чья страсть была сильнѣй, чѣмъ мѣръ,
Въ любовникахъ, чьи жаркія лобзанья
Черезъ вѣка почувствовалъ Шекспиръ.

Плѣнительна, какъ солнечная сила,
Та Клеопатра, съ пламенемъ въ крови,
Плѣнительнѣе, предъ этой Зифѣйкой Нила,
Антоній, сжегшій умъ въ огнѣ любви.

Полубогамъ великаго Заката
Ты вспыхнуло въ вѣкахъ пурпурнымъ днемъ,
Какъ намъ теперь, закатностью богато,
Сияешь алымъ красочнымъ огнемъ.

Ты ихъ сожгло. Но въ свѣтлой мглѣ забвенья
Землѣ сказало: „Снова жизнь готова!“
Надъ ихъ могилой—легкій звонъ мгновенья,
Пылаютъ маки, красные, какъ кровь.

И какъ въ великой грезѣ Македонца
Царилъ надъ всею Землею умъ одинъ,
Такъ ты одно царишь надъ міромъ, Солнце,
О, міровой закатный нашъ рубинъ!

И въ этотъ часъ, когда я въ нѣжномъ звонѣ
Слагаю грѣсь высокому Царю,
Ты жжешь костры въ глубокомъ небожлонѣ,
И я свѣтло, сжигая жизнь, горю!

7.

О, Мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты въ полиогласной
Сказкѣ прекрасной
Сдѣлало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и создатель,
Мудро сжигающий—Свѣтъ!
Радъ я на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,
Лучшаго въ мѣрѣ
Счастія нѣтъ!

КЪ НОЧИ.

Вспоенная соленой морскою глубиной,
Вся дышащая влагой, мечтой, и тишиной, —
О, Ночь, побудь со мной,
О, Ночь, побудь моею,
Дай мнѣ побыть во снѣ,
Въ бездонной глубинѣ,
Гдѣ скрыты зерна дней.

Окутанная дымомъ сожженныхъ вечеровъ,
Дочь Хаоса нѣмая, любимица вѣковъ, —
О, Ночь, пошли мнѣ сновъ,
Мою печаль развѣй,
О, Ночь, люби меня,
Я такъ усталъ отъ Дня,
Хотя я жажду дней.

Ты, капище видѣній, свобода вѣсхъ рабовъ,
Колдунья преступлений и самыхъ нѣжныхъ словъ, —
О, Ночь, сгужи покровъ
Своихъ густыхъ тѣней,
Чтобъ мнѣ забыть себя,
Чтобъ слова жить, любя
Рожденье новыхъ дней.

Въ одеждѣ изъ созвѣздіи, гдѣ каждая звѣзда
Живеть тысячелѣтѣя, и вѣчно молода, —
О, Ночь, живи всегда,
О, Ночь, свой мракъ лелѣй,
Чтобъ въ блескѣ красоты
Еще цвѣли цвѣты
Не мнѣ цвѣтушихъ дней.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣсяца не видно. Свѣтитъ Млечный Путь.
Голову съдую свѣсивши на грудь,
Спать ямникъ усталый. Кони чуть идутъ.
Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ.
Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
Звѣзды прославляютъ Господа Творца.
„Господи“, спросонокъ презентая ямникъ,
И, крестясь, зѣваетъ, и опять поникъ.
И опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скривить полозья. Убѣгаетъ путь.

НЕБЕСНАЯ РОСА.

День погасъ, и ночь пришла.
Въ черной тѣмѣ душа свѣтла.
Въ смерти жизнь, и таесть смерть.
Неба гаснущая твердь
Новой вспыхнула красой: —
Тамъ серебряной росой,
Въ самой смерти жизнь любя,
Ночь уснула себя.
Ходятъ Ангелы во яглѣ,
Слезы счастья шепчутъ землѣ,
Славятъ свѣтлаго Творца,
Любятъ, любятъ безъ конца.

ЗВѢЗДА ВЕЧЕРНЯЯ.

Е.

Она была мечтой одѣта,
Свѣтилась въ новолунныхъ снахъ.

И въ мѣрной зыби менуэта
Плыла какъ лебедь на волнахъ.
Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
Съ его узорностью крыла.
А въ тотъ же часъ, въ выси надгорной,
Звѣзда Вечерняя плыла.

2.

Она была изъ Вальтеръ-Скота,
Она была и въ этихъ дняхъ.
И въ зыби мѣрнаго гавота
Плыла какъ лебедь на волнахъ.
Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
Съ его узорностью крыла.
А въ тотъ же часъ, въ выси надгорной,
Звѣзда Вечерняя плыла.

3.

Она была изъ сказокъ свѣта,
Изъ сказокъ сумрака въ лучахъ.
И какъ зима вступаетъ въ лѣто,
Вступила въ вальсъ, кружилась въ снахъ.
Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
Съ его узорностью крыла.
А въ тотъ же часъ, за мѣрь надгорной,
Звѣзда Вечерняя зашла.

ПЯТЬ ЗВѢЗДЪ.

Я предавался чувствамъ въ ихъ игрѣ,
Я знаю пятеричность увлеченья.

Заря въ ионѣ свѣтится зарѣ,
Рѣка съ рѣкою рада слить теченье.

Пять нашихъ чувствъ есть путь предназначенья.
И древній знакъ, застывшій въ янтарѣ,
Есть тайный знакъ высокаго ученья,
Какъ быть безсмертнымъ въ жизненной порѣ.

Всей оцупью своей огнь жила на древѣ,
Лысая, свѣтила для близкаго листа,
Впивала росу, и съ вѣтромъ была въ напѣвѣ.

Ниспала въ смолу. Застыла какъ красота.
Другой намъ вѣщій знакъ отъ Духа къ Дѣвѣ: —
Пять звѣздъ блестящихъ Южнаго Креста.

ВСЕЛЕНСКИЙ СТИХЪ.

Мы каждый часъ не на Землѣ земной,
А каждый мигъ мы на Землѣ небесной.
Мы дѣяности не чувствуемъ чудесной,
Не видимъ Моря, будучи волной.

Я руку протянулъ во мглѣ ночной,
И оцупить не стѣны кельи тѣсной,
А нѣкій мѣръ, огромный, безтѣлесный.
Горитъ мой разумъ въ уровень съ Луной.

Поднявъ лицо, я Солнцу шлю моленье,
Склонивъ лицо, колюсь душой Землѣ.
Весь Звѣздный мѣръ — со мной какъ въ хрусталѣ.

Мѣры поютъ, я голосъ въ этомъ пѣньѣ.
Пловецъ я, но на звѣздномъ кораблѣ.
Изъ радугъ лѣтся звонъ стихотворенья.

ПРИЧАСТІЕ.

Нашъ день оконченъ въ огненномъ закатѣ,
Нашъ свѣтъ уходитъ въ ночь, гдѣ свѣжій гроздь
Разсыпанныхъ по небу дружныхъ звѣздъ
Насъ причаститъ высокой благодати.

Придите миротворческія рати
Алмазныхъ думъ. Означься къ небу мость.
Я какъ дитя растроганъ здѣсь и простъ.
Я прямъ какъ бѣлый цвѣтъ на горномъ скалѣ.

День утонулъ, въ которомъ я любить.
Заря съ зарей переглянулись взглядомъ,
Одна другой добросивъ водопадомъ, —

Огни, лучи, цвѣты, всю мысль, весь пылъ.
Сегодня Богъ прошелъ цвѣтущимъ садомъ,
И часъ одинъ я полубогомъ былъ.

ТИШИНА.

Какъ тихо проплываютъ вереницы
Воздушной мглы, тамъ въ зеркалѣ, токъ въ токъ
Такой же, какъ сверху уходитъ прочь,
До тучевой цѣпляясь станицы.

Какъ шелестъ тихъ прочитанной страницы.
Душа, забыть тоску уполномочь.
Я слышу, какъ идетъ чуть слышно Ночь,
Тѣнь медленной мнѣ пала на рѣсницы

Всѣ пронасти закрылись синей мглой.
Все, бывшее желанію искомымъ,
Въ душѣ безгласной строитъ аналой.

Весь міръ сомкнулся храмовымъ объемомъ.
Святая Ночь. Я братъ. Будь мнѣ сестрой.
Дай млечность сновъ. И въ Вѣчность путь открой.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ.

Престолы душъ, которыя когда-то
Прошли пути страданія и надеждъ,
И отошли отсюда безъ возврата,
И тамъ глядятъ въ огнѣ застывшихъ вѣждъ.

Печати душъ, которыя созвонно
Являютъ взору грамоту небесъ,
И говорятъ, что все, что было тѣбно,
Живеть вѣвѣкъ, и кто былъ мертвъ, воскресъ.

Несчетность душъ, горѣнье изумруда,
Мериданъ небесныхъ жемчужовъ,
Да буду я межъ васъ, уйдя отсюда,
Звѣздой межъ звѣздъ, надъ сонмами вѣковъ.

И пусть тотъ храмъ, все больше возрастая,
Обниметъ всѣхъ, многовершинный дѣлъ,
И всѣхъ и все та Истина святая, —
Все звѣздность душъ, — взнесетъ въ просторъ Небесъ.

ОТЧІЙ ДОМЪ.

Забудь обманно-жаркое богатство
Надменныхъ словъ, высокобрынкъ дѣлъ.
Для каждаго означенъ здѣсь предѣлъ,
Его же не преидешь безъ святотатства.

Нѣтъ правды тамъ, гдѣ есть хоть тѣнь злорадства.
Но истинно прекрасенъ тотъ и смѣлъ,
Что пониманье выбрать какъ удѣлъ,
И всѣхъ живыхъ прочесть уюмъ какъ братство.

Не спи въ ночахъ. Пролетѣй въ Млечный Путь
Всей силою духовныхъ устремленій.
Ты слышишь, какъ вольнѣ дрыветъ грудь.

Любовь сильна. И можетъ протянуть
По всѣмъ путямъ и мракамъ гроздя рдѣній.
Тамъ Отчій Домъ. Лишь это не забудь.

ПОСТЕЛЬ.

Ты островъ сновъ, пустыня голубая,
Въ которой лишь густой вѣтвятся хмѣли,
Моя благословенная постель,
Гдѣ начинаю жить я, засыная.

Сказительница вѣщаго слѣпая,
Стрѣлой безцѣльной, вѣчно быющей въ цѣль,
Ты въ сердцѣ заставляешь пѣть свирѣль,
И мысль свѣтлѣетъ, въ тайнахъ утопая.

Въ тебѣ когда-то былъ я здѣсь рождень.
Въ тебѣ узналъ восторгъ самозабвенья,
Гдѣ кровь уводитъ въ Вѣчность черезъ мгновенье.

Съ тобой мой самый крайній мигъ сплетень.
Я сплю. И темный мой ковчегъ желѣзный
Сталъ золотымъ, плывя совѣздной бездною.

СТРАДА.

Не страдаешь, а страда,
Снопъ сверканій—звѣзда,
Травъ небесныхъ крѣпкій стогъ,
Духомъ созданный чертогъ.

Дремлютъ въ яркихъ снахъ Косцы,
Духъ и тѣло—Близнецы,
И стрѣла-алмазъ Стрѣльца
Въ безднахъ мчится безъ коня.

Воронъ, Волкъ, Драконъ, и Левъ,
Взяты въ огненный напѣвъ,
Бѣгъ ихъ—пламенный исаломъ,
Яркій узелъ за узломъ.

Въ звѣздномъ Тамъ все наше Занеъ,
Съ небомъ умъ уравнивъсь,
И свершай, какъ ликъ звѣзды,
Геркулесовы труды.

Кругъ свершений очертивъ,
Смѣло кинешся за срывъ,
И тебя, сверкнувъ, возьметъ
Огневой водоворотъ.

ЗВѢЗДОЛИКІЙ.

Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ когда Солнце
въ зенитѣ,
Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ какъ сорвать-
ся съ Небесъ,
И краски изъ радугъ служили—какъ ткани, узоры, и нити,
Для пышныхъ его одѣяній, въ которыхъ онъ снова воскресъ.

Кругомъ него рдннлись громы, въ обрывныхъ разнѣван-
ныхъ гучахъ,
И семь золотыхъ семизвѣздій—какъ свѣчи горѣли предъ
нимъ,
И гроздья пылающихъ молній—пвѣтами раскрылись на
кручахъ.
„Храните-ли слово?“ онъ молвилъ,—мы крикнули съ во-
племъ: „Хранимъ!“
„Я первый“, онъ рекъ, „и послѣднй“, и гулко отвѣтили
громы.
„Часть жатемъ“ сказала Звѣздолики. „Серпы пригото-
те. Аминь“.
Мы вѣрной топаю возстали, на Небѣ алѣли изюмы,
И семь золотыхъ семизвѣздій вели насъ къ предѣламъ
пустынь.

ОСАННА.

—Что было у васъ за пирами?
—Цветочныя чаши, любовь.
—Что выше?—Всѣ звѣзды надъ нами.
—Что въ чашахъ?—Поющая кровь.
—Своя иль чужая?—Смѣшались.
—А пѣсни?—Всегда объ одномъ,
—Въ какой же странѣ вы остались?
—Осанну, Осанну поемъ.

ЗВѢЗДНАЯ ПЛЯСКА.

1.

Баю-баю-баю-баю.

Я слышу пѣсенку родную,
Все горе мысли затаяю.

Всю боль сознанья зачарую.
Я въ безднѣ звѣздъ узнаю мою.
Нашель въ ней арфу золотую.
Баю-баю-баю-баю.

2.

Пламень тонкй
Я воронкой
Передамъ.
Я мелькаю.
Возникаю
Здѣсь и тамъ.

Я пьянщй,
Веселщй
Метеоръ.
Вѣра раю,
Я играю,
Зыблю хоръ.

Много было
Огнекрыло,
Млѣла мгла
Много было.
Что погила
Висель взяла.

Много будетъ,
Кто забудеть
Свой исходъ.
Мчись, мгновение,
Черезъ пѣнье,
Въ хорошодъ.

Въ вихрь счастья,
Сладострастья,
Крайней чась.
Въ межъ-планетныхъ
Снахъ несмѣтныхъ
Мой разскавь.

Въ мигъ сладимый
Я незримый
Проскользну.
Я качаю,
Расцѣляю,
Жгу весну.

Радость глазу,
Я алмазу
Пламень дамъ.
Врину въ льдины
Я рубины
Здѣсь и тамъ.

Въ сумракъ красный
Духъ согласный
Мчить зарю.
Надъ мірами
Я громами
Говорю.

Ходомъ молній,
Въ жаркомъ чолѣ
Проплыву.
Чась веселья,
Сонъ и хмѣль я
Наяву.

Я ребенокъ,
Смѣхъ мой звонокъ,
Цвѣтъ мой аль.
Ты ли, ты ли
Этой были
Не узналъ?

3.

Солнце вспыхнуло. Подобень лучъ мечу.
На лихомъ конѣ лечу, лечу, лечу.

Степь звенящая. И нѣтъ нигдѣ станицъ.
Птишь ли хочется? Какъ много въ мірѣ птицъ.

Звѣрь ли яростный безстрашнаго зоветъ?
Мчи скорѣй къ нему. Впередъ, впередъ, впередъ.

Конь мой огненный. Нѣтъ равнаго ему.
Онъ промчалъ меня сквозь бархатную тьму.

Видитъ за сто версть, Ушами сторожить.
И какъ жизнь сама, бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ.

Конь мой знающій. Узда его звѣзда.
Не споткнется, не падеть онъ никогда.

Я куда съ конемъ? Хоть знаю, умолчу.
Степь извѣдать всю хочу, хочу, хочу.

4.

Ахъ, какъ длинны эти тѣни. Тѣ косыя. Тѣ кривыя. Безъ
конца.

Были длинны. Все длиннѣе. Все темнѣе. Не размотришь
ихъ лица.

Солнце было. Грѣло жаромъ. Краснымъ шаромъ заката-
лось тамъ вдали.
Все-ль изжито? Звонъ подковы. Стукъ копыта. Путь
далекій. Путь въ пыли.
Ахъ, какъ востъ этотъ вѣтеръ. Пыль наносить. Пылью
кружить. Пыль мететь.
Сколько ихъ, песчинокъ малыхъ. Сосчитать ли? Разгадать
ли? Жуткій счетъ.
Бду. Бду. Кто я? Что я? Гдѣ я? Сплю я? Взоръ мой
ищетъ по степямъ.
Изнутри себя я вижу. И не знаю, здѣсь ли я или вонъ тамъ.
Странный свистъ несется сверху. Сонмы малыхъ. Еле
зрнмыхъ смутный бѣгъ.
Шелестъ. Шопотъ. Окаймленье. Паутина. Зовъ. Покровъ.
Постель. Ночлеги.
Гдѣ я? Что я? Конь мой бѣлый. Самъ я въ свѣгъ. Ахъ,
не все ли мнѣ равно?
Я въ безбрежномъ. Я въ бездонномъ. Въ озаренномъ.
Засыпаю. Утопаю. Тихе. Дно.

Б.

Многосозвонную звѣю
Созвѣздя дружныя сковали.
Изъ грани въ грань по Бытню.
Какия легкія вуали
Струять въ вѣкахъ свою струю.
Какъ звѣзды дышутъ безъ печали
Баю-баю-баю-баю.

КЪ ЛУНѢ.

Ты—въ живомъ заостреннѣмъ ладлѣ,
Ты—развязанный поясъ изъ снѣга,

Ты—чертогъ золотого ковчега,
Ты—въ волнахъ Океана змѣя.

Ты—изломанный съ края шатерь,
Ты—кусокъ опрокинутой кровли,
Ты—наемъ на минувшій ловля,
Ты—пробѣгъ черезъ полный просторъ.

Ты—вулканъ переставшій нмѣ быть,
Ты—погибшаго міра обломокъ,
Ты зовешь—проходить средь потемокъ,
Чтобъ не спать, тосковать, и любить.

СЕРПЪ.

Живущій раною въ колдуньяхъ и поэтахъ,
Снѣжистый Новолунъ явился и погасъ.
Тогда въ тринадцатый, и значить въ первый, разъ,
Зажегся огонь двухъ свѣчъ, преградой иглы задытыхъ.

Съ тѣхъ поръ я вижу все въ блесловатыхъ свѣтахъ,
Мнѣ снится смертный свѣгъ—тамъ за улыбкой глазъ.
И въ мирѣ солнечномъ ведетъ полднениый часъ
Людей, не въ золото, а въ серебро одѣтыхъ.

Кто знаетъ, тотъ пойметъ. Что правду говорю,
Тотъ все жъ почувствуетъ, кто не пойметъ, не зная.
Снѣжистый Серпъ магичъ и алую зарю.

Во вьюжномъ декабрѣ, въ цвѣтистыхъ играхъ мая
Какъ инокня я со взоромъ внутри, блѣдна.
Серпомъ прерѣзала мнѣ сердце вышина.

ОБЕЛИСКЪ.

Когда и шумъ, и ревъ, и вой, и крикъ, и пискъ
Себя исчерпаютъ съ зашестьемъ свѣтила
Дневныхъ свершенностей, иная зрѣть сита,
Встаетъ изъ-за морей сребро-снѣжистый дискъ.

На влагу рушенный трепещетъ обелискъ.
Сяніе Луны. Вскрываются кадила
Сладимой бѣлены, цвѣтка, что возросило
Изъ вышнихъ пропастей паденье лунныхъ брызгъ.

Всепобѣдительно широкое молчанье
Встаетъ изъ нѣдръ земли, объемлетъ кругозоръ
До синихъ областей продвинувшихся горъ.

Теперь, душа, иди до радости вѣчанья,
Надѣвъ, какъ мѣръ надѣвъ, свѣжительный уборъ
Изъ грезъ, лучей, росы, спокойствія, и знанья.

ВСТРѢЧА.

Она приподнялась съ своей постели,
Не поднимая тѣневыхъ рѣсницъ,
Съ лицомъ бѣлѣе смертью взятыхъ лицъ,
Какъ бы слыша дальній звонъ свирѣли.

Какъ-будто сонныя къ блѣдной сияющей пѣли.
И зовъ дошелъ отъ этихъ вереницъ.
Туда, туда. До призранныхъ станицъ.
Туда. Туда. До древней колыбели.

Густыхъ волосъ эмѣнная волна
Угала на незабнущія плечи.
И вся она тянулась какъ струна.

Звала непобѣдимо вышина.
Душа ушла къ своей вѣчальной встрѣчѣ.
Все видѣла глядящая Луна.

ВѢЧАННЫЕ.

Когда плывутъ надъ лугомъ лунозвоны,
Влѣяня, которымъ мѣры нѣтъ,
Въ душѣ заѣздозлатится страстоцвѣтъ,
И сладостной онъ ищетъ обороны.

Высоты облакъ вѣще амвоны,
Струится притягательный съ нихъ свѣтъ.
О, сколько древнихъ тысячъ прежнихъ лѣтъ
Связаются имъ юности и жены.

Вѣчается Господняя раба,
Встрѣчается съ душою обрученной,
Ручается, что счастье — быть сожженной.

Вѣчается со всѣмъ, что дастъ Судьба.
О, чайные. Ты будешь вѣкъ со мною:—
Ты вѣчана съ замѣченнымъ Луною.

ЛУННЫЙ ЛУЧЪ.

Я лунный лучъ, я другъ влюбленныхъ,
Смѣнивъ вечернюю зарю,
Я ночью ласково горю
Для всѣхъ, безумьемъ озаренныхъ,
Полуживыхъ, неутоленныхъ,
Для всѣхъ тоскующихъ, влюбленныхъ
Я свѣтомъ сказочнымъ горю,

И о восторгах полусюяных
Невнятной рѣчью говорю.

Мой свѣтъ скользитъ, мой свѣтъ змѣится,
Но я тебѣ не измѣню,
Когда оглашься ты огню,
Тому огню, что не дымится,
Что въ тѣсной комнатѣ томится,
И все сильнѣй горѣть стремится
Наперекоръ иѣмому дню.
Тебѣ, въ чьемъ сердцѣ страсть томится,
Я никогда не измѣню.

ЛУННАЯ СОНАТА.

1.

Моя душа озарена
И Солнцемъ и Луной,
Но днемъ въ ней дышетъ тишина,
А ночью рѣбеть зной.

И странно такъ, и странно такъ,
Что Солнце холодить.
И учить ласкамъ полумракъ,
И страсть во тьмѣ горить.

Сверкая, ширятся зрачки,
И льнутъ уста къ устами,
За радость сладостной тоски
Я все, о, все предаю.

А глнеть Солнце, я опять
И холодегъ и тихъ,

Чтобъ ночью снова повторять
Влюбленный въ ласки стихъ.

Моя душа увлечена
Не Солнцемъ, а Луной.
Побудь во мглѣ, и будь нѣжна,
Ты все поймешь со мной.

2.

Луннымъ лучомъ и любовью слянные,
Блѣдные, страстные, нѣжные, странные,
Оба мы замерли, счастьемъ скованы,
Сладостнымъ, радостнымъ сномъ зачарованы.

Въ Небѣ—видѣня облачной млечности,
Тайное пѣние—въ сердцѣ и въ Вѣчности,
Тамъ, въ безконечности—свѣтъ обаяннн,
Праздникъ влннн правды сляннн.

Это Луна ли съ покровами бѣлыми,
Быть намъ вѣтла влюбленными, смѣлыми?
Мы ли, сердцами влюбленными нашими,
Небо наполнили пирными чашами?

Чашами радости, свѣтлыми, пирными,
Лунною сказкой, цвѣтами всемирными,
Сердцу лишь слышными звонкими струями,
Блескомъ зрачковъ, красотой, поцѣлуями.

Какъ я узнаю и какъ я развѣдаю?
Знаю, что счастлива я нѣжной побѣдою,
Знаю, ты счастлива мною, желанная,
Вольной Луною со мною вѣчанная.

3.

О, мигъ плѣнительный, когда всемірно дышетъ,
 Невозмутимая лѣсная тишина,
 И мы съ тобой вдвоѣмъ, и сердце, дрогнувъ, слышитъ,
 Какъ льетъ тебѣ и мигъ свой нѣжный свѣтъ Луна.

Успокоительно бѣлѣя надъ холмами,
 Рождаетъ свѣжестю росу для травъ лѣсныхъ,
 Глядитъ, безстрастная, и ворожитъ надъ нами,
 Вушая мысли намъ, пѣвучія какъ стихъ.

Мы зачарованы, мы, нѣжно холодѣя,
 Другъ съ другомъ говоримъ воздушностью мечты,
 Лелѣя тишину и, чуткіе, не смѣя,
 Нарушить ласкою безгласность Красоты.

4.

Вечерній часъ потухъ. И тѣнь ростетъ все шире.
 Но сказкой въ насъ возникъ иной неясный свѣтъ,
 Мигъ чудится, что мы съ тобою въ звѣздномъ мірѣ,
 Что мы среди нѣмыхъ загрозившихъ планетъ.

Я такъ тебя люблю. Но въ этотъ часъ предлунный,
 Когда предчувствіемъ волнуется волна,
 Моя любовь ростетъ, какъ рокотъ многострунный,
 Какъ многопѣвная морская глубина.

Миръ отодвинулся. Надъ нами дышетъ Вѣчность.
 Морская ширь живетъ вліяніемъ Луны.
 Я твой, моя любовь—бездонность, безконечность,
 Мы отъ всего съ тобой свѣтло отдѣлены.

ВЪ ЛУЧѢ.

Лунный лучъ меня повель
 Мимо ветель, мимо сель,
 Васильками между ржи,
 Длинно длинно вдоль межи.
 Подъ шумящею листвою,
 Подъ березой надъ травой,
 И еще къ цвѣтамъ въ водѣ,
 И еще не знаю гдѣ.

Лунный лучъ. Лунный лучъ.
 Я заснулъ, и я пѣвучъ.
 Лунный лучъ, погоди,
 До любимой проводи.

Лунный лучъ ко мнѣ прильнулъ,
 Я услышала тихій гулъ,
 За черту двойныхъ преградъ
 Я вступила въ цвѣтущій садъ.
 Поцѣлуемъ темноты
 Дышутъ свѣжіе цвѣты,
 Лепестокъ до лепестка
 Слово бѣлая рѣка.

Лунный лучъ. Лунный лучъ.
 Я заснулъ, и я текучъ.
 Лунный лучъ, помогай.
 Дай съ любимой стать за край.

Лунный лучъ меня облекъ,
 Край зеленый палъ въ потокъ,
 Край—отъ каждаго листка
 Приняла въ себя рѣка.

Я въ серебряной волнѣ,
Я съ любимой на днѣ,
Двѣ мы раковины тамъ,
Двѣ мы рыбки по пескамъ.

Лунный лучъ. Лунный лучъ.
Я заснулъ, какъ мѣдь горючъ.
Лунный лучъ, дай горѣть.
Стала золотомъ вся мѣдь.

ЧАРЫ МѢСЯЦА.
МЕЛЕННЫЯ СТРОКИ.

1.

Между скаль, подъ властью мглы,
Снять усталые орлы.
Вѣтеръ въ пропасти уснулъ,
Съ Моря слышенъ смутный гулъ.

Тамъ, надъ блѣдною водой,
Глянулъ Мѣсяцъ молодой,
Волны темныя воззвалъ,
Въ Морѣ вспыхнулъ мертвый валь.

Въ Морѣ вспыхнулъ свѣтлый мость,
Ярко дышутъ брызги звѣздъ.
Мѣсяцъ ночь освободилъ,
Мѣсяцъ Море побѣдилъ.

2.

Сводъ небесъ похолодѣлъ,
Мѣсяцъ міромъ овладѣлъ,

Жаднымъ свѣтомъ съ высоты
Трогнулъ горные хребты.

Все безмолвно захватилъ,
Вызвалъ духовъ изъ мечей.
Въ стѣнхъ башняхъ, вдоль стѣнъ,
Встали тѣни старины.

Встали тѣни и глядятъ,
Страненъ ихъ недвижный взглядъ,
Странно небо надъ водой,
Властенъ Мѣсяцъ молодой.

3

Возлѣ башни у стѣнъ,
Гдѣ чуть слышенъ шумъ войны,
Отдѣлился въ полумгнѣ
Бѣлый призракъ Джамилъ.

Призракъ царственной кивжи
Вспоминать счастье, вспоминъ сны,
Все, что было такъ свѣтло,
Что ушло — ушло — ушло.

Тотъ же воздухъ былъ тогда,
Та же блѣдная вода,
Тамъ, высоко надъ водой,
Тотъ же Мѣсяцъ молодой.

Все слялось тогда въ одно
Лучезарное звено.
Какъ-то странно, какъ-то вдругъ
Все заминулось въ яркій кругъ.

Надъ прозрачною мглой земли
Небеса произнесли,
Измѣняяся едва,
Незабвенныя слова.

Море пѣло о любви,
Говоря: „Живи! Живи!“
Но хотѣ вспыхнуть въ сердцахъ свѣтъ,
Отъѣчало сердце: „Нѣтъ!“

5.

Возлѣ башни, въ полумглѣ,
Плачетъ призракъ Джамилѣ.
Смотрять тѣни вдоль стѣны,
Свѣтитъ Мѣсяцъ съ вышины.

Все сильнѣй илеть прибой
Отъ равнины голубой,
Отъ долины быстрыхъ водъ,
Вѣчно мчащихся впередъ.

Волны яркія шивутъ,
Волны къ счастью зовутъ.
Вспыхнетъ легкая вода,
Вспыхнувъ, гаснетъ навсегда.

6.

И еще, еще идутъ,
И одни другихъ не ждутъ.
Каждой данъ одинъ лишь мигъ,
Съ каждой есть волна-двойникъ.

Можно только разъ любить,
Только разъ блаженнымъ быть,
Впитъ въ себя восторгъ и свѣтъ,
Только разъ, а больше—нѣтъ.

Камень падаетъ на дно,
Дважды жить намъ не дано.
Кто жъ придетъ къ тебѣ во мглѣ,
Бѣлый призракъ Джамилѣ?

7.

Вотъ ужъ съ яркою звѣздой
Гаснетъ Мѣсяцъ молодой.
Меркнетъ жадный свѣтъ его,
Исчезаетъ колдовство.

Скучнымъ утромъ дышетъ даль,
Старой башнѣ ночи жаль.
Камни сѣрые глядятъ,
Неподвиженъ мертвый заглялъ.

Вѣтеръ въ пронасти встаетъ,
Нѣсно скучную поетъ.
Между скалъ, появ влагой млы,
Просыпаются орлы.

МѢСЯЦЪ ВСТАЛЪ.

—Мѣсяцъ всталъ?—Мѣсяцъ всталъ.
—Ты опять его счастливый
Увидать надъ лѣсомъ, нивой,
Надъ прибрежной сонной швой.

Надъ узоромъ дальнихъ скалъ.
Расскажи мнѣ, онъ красивый?
—Онъ какъ роза кругль и аль.
—Мѣсяцъ тутъ?—Мѣсяцъ тутъ.
—Не ушелъ еше за горы?
—Нѣтъ онъ только входитъ въ боры.
—Да я слышу. Точно хоры.
Тихо шелесты идутъ.
Въ соснахъ духовъ разговоры.
Тѣни съ свѣтомъ сказку ткутъ.
—Мѣсяцъ тамъ?—Мѣсяцъ тамъ.
Онъ проходитъ надъ горами.
—Онъ проснитъся хочетъ съ нами?
Свѣтъ его задержанъ рвами.
Ключья свѣта по кустамъ.
Тусклый отблескъ въ водной ямѣ.
Сердце вновь пойдетъ по льдамъ.
—Онъ какъ мѣль?—Онъ какъ вѣль.
Какъ ты знаешь все, галая?
—Сердцемъ боль и тьму читая.
Быть онъ чаша золотая.
Блескъ растратить, посядѣль.
—Ты вѣщуныя.—Я слѣпая.
—Мѣсяцъ бѣль?—Мѣсяцъ бѣль.

ЦАРА.

Я дамъ тебѣ обломокъ Мѣсяца,
Въ немъ будетъ зеркало для сновъ,
И тѣни вѣющія свѣсатся
До камышей отъ облаковъ
Изъ дальней мглы до близи, около,
Къ тебѣ я птину позову,

Съ глазами видящими сокола,
Какъ сонъ, что брызнулъ маяву.

Она сверклетъ очами острыми
Въ родникъ зарницъ, въ твои глаза.
И обѣ будете вы сестрами,
И разольется бирюза.

Вы полетите, вы измѣрите
Неизмѣримости небесъ,
Вы тайны звѣздныя провѣрите,
Черезъ насъ я умерь, въ васъ воскресъ.

Вотъ мы трети несемъ птицами.
И вновь насъ двое. Тишина.
И лишь надъ нами, блѣдноточими,
Плыветъ высокая Луна.

ЛУНА.

O sovereign mistress of true melancholy.
Shakspere.

Луна богата силою внушенья,
Вокругъ нея всегда витаетъ тайна.
Она намъ вторить: „Жизнь есть отраженье,
„Но этотъ призракъ дышетъ не случайно“.

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
Она ласкаетъ, странно какъ волнуя,
И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
Влаяньемъ рокового полѣбуя.

Своимъ уцербомъ, смерью двухнедѣльной,
И новымъ полновластнымъ возсяньемъ,

Она твердит о тугости не безцельной,
О томъ, что свѣтъ насъ ждетъ за умнѣнсьемъ.

Но насъ маня надеждой незабвонной,
Сама она уснула въ блѣдной дали,
Красавица тоски безперемѣнной,
Верховная владычица печали!

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ, онъ уснулъ между
горъ величавыхъ,

Поражающихъ правильной формой своей.

Это—мысль, заключенная въ стройныхъ октавахъ,

Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвиж-
ныхъ лучей, —

Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и лежащихся отблес-
комъ страннымъ

На долины, что спятъ у подножія горъ,

Между кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтло-
тканыхъ,

Вѣчно-тихихъ, нетронутыхъ тьмой, и ничей не ласкаю-
щихъ взоръ.

Эти страшныя горы горятъ неподвижностью вѣчнаго свѣта,
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизненныхъ

сновъ.

Это—ужасъ мечты, это—дума вѣковъ,

Заиррафѣнная жизнь Красоты, беспощадная ясность
Поэта.

ЛУННОЕ БЕЗМОЛВІЕ.

Въ лѣсу безмолвіе возникло отъ Луны,

Но ясно чудится дрожаніе струны,

И свѣтъ властительный исходитъ съ вышины.

Какая сонная надъ лѣсомъ красота,
Какъ четко видится мельчайшая черта,
Какъ станеть скованно вопъ та сосна и та.

Воздушно-бѣлая недвижны облака,
Зеркально-царственна холодная рѣка,
И даль небесная во влагль глубока.

Непрерываемо дрожаніе струны,
Ненарушаема воздушность тишины,
Неисчерпаемо вліаніе Луны.

ВОСХВАЛЕНІЕ ЛУНЫ.

псаломъ.

1

Восхвалимъ, братья, царствіе Луны,
Ея лучомъ ниспосланные сны,
Владычество великой тишины.

Восславимъ, сестры, блѣдную Луну,
Лучистую полюбимъ глубину,
И тайну словъ, ее, ее одну.

2.

Мнѣ страшно, страшно: Какъ сумѣю
Царицу сердца восхвалить?
Какъ рабъ влюбленный, я предъ нею
Блаженно гасну, цѣпнѣю,
И мысли лучшия не смѣю
Соткать въ серебряную нить.

Да не сочтешь за дерзновенье
Царица пышная, Луна,
Что, вѣрѣ въ яркое мгновенье,
Въ безумномъ снѣ самозабвеннѣ,
Поеть ей рабъ свое хваленье,
И да звенить его струна

О, души блѣдныя, шемлите,
Я стройный гимнь пою Лунѣ,
Со мной душой своей сплетите
Непогасающія нити,
Мечты влюбленные храните,
Любовь любите въ сладкомъ снѣ.

3.

Наша царица вѣчно мѣняется,
Будемъ слагать перелѣтные строки,
Славя ее.
Духъ мой дрожащій любить, склоняется,
Въ лунномъ сияннѣ—мы грезы, намекы,
Счастье мое.

Наша царица, блѣдная, ясная,
Свѣтитъ сияньемъ зеленыхъ очей.
Какъ же люблю я тебя, о, прекрасная,
Вѣчно-нежданная, стройная, властная,
Въ самомъ безразсуднѣ пламенно-страстной,
Тайну познавшая лунныхъ лучей.

Какъ это чувство, какъ называется?
Только тебя я вездѣ замѣчаю,
Только одну.
Это лишь чувство не забывается,

Взорами взоры твои я встрѣчаю,
Славя Луну.

Наша царица, блѣдная, снѣжная,
Гаснетъ, какъ ты, озаряется виномъ.
Какъ называется боль безнадежная,
Сладкая пытка, мучительность вѣжнѣ,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
Милая! Милая! Это любовь!

4.

Луна велитъ слагать ей восхваленья,
Быть вѣжными, когда мы влюблены,
Любить, желать, ласкать до изступленья,
Итакъ, восхваляемъ царствіе Луны.

Она глядитъ изъ свѣтлой глубины,
Изъ ласковой прохлады отдаленья,
Она велитъ любить намъ зыбь волкъ,
И даже смерть, и даже преступленья.

Ея лучи какъ зѣфи къ намъ скользятъ,
Объясненья своимъ замедлѣваютъ,
Въ нихъ вкрадливый неуловимый ятъ.

Отъ нихъ безумнымъ дѣлается взглядъ,
Они, блестя, всѣ мысли убиваютъ,
И намъ въ безконечномъ говорить.

5.

Она мѣняется опять,
И намъ такъ сладко повторять
Созвучно-стройные напѣвы.

Она возникла надъ водой,
Какъ призракъ сказки золотой,
Какъ блѣдный ликъ невѣрной дѣвы.

Она опальная мечта,
Она печальна и чиста,
Она олинѣ намекъ на нѣжность.
Но вотъ сейчасъ, но вотъ сейчасъ
Огнемъ своихъ зеленыхъ глазъ
Она разрушитъ безмятежность.

Она холодный свѣтъ прольетъ,
И волю чарами убьетъ,
Она сибилла и колдунья.
Въ душѣ разъялась глубина,
Душѣ судьба ея видна,
Въ очарованьи Новолунья.

6.

О, вновь ролаясь, она пьянитъ сердца,
Внушая мысль, что жизнь — одна влюбленность,
Когда же мы достигнемъ до конца,
Погаснувъ, мы находимъ обновленность.

Ущербная, уставъ лучомъ плѣнять,
Она наводитъ ужасъ на поэта,
И, слазивъ душу, ей даетъ понять,
Что можно все, что нѣтъ ни въ чемъ запрета.

Когда же закружится по краямъ,
Она горитъ какъ чаша золотая,
Въ которой боги пить даютъ богамъ,
Тамъ, гдѣ любовь бессмертно-молодая.

Еще, и вотъ — она какъ рдяный шестъ,
Какъ полнота пылающаго нира,
Къ болотамъ, къ топямъ, внизъ, сѣвннть, сѣвннть,
Горитъ за лѣсомъ заревоиъ пожара.

Волнуеть жабъ, мѣняетъ видъ живыхъ,
Ихъ дѣлаеть похожими на мертвыхъ,
И въ омутахъ двонтся роковыхъ,
Въ затонахъ, западями распростертыхъ.

Пугаетъ безпредѣльной тишиной,
Вадываетъ безграничность океановъ, —
И вновь горитъ блистательной Луной,
Въ одеждѣ изъ серебряныхъ тумановъ.

7.

Итакъ, попавши въ плѣнь земной,
Возлюбимъ, братья, миръ иной,
Слѣдя за царственной — Луной.

Внемлите вкрадчивой струиъ,
И присягните молча мнѣ
Въ повиновенн — Луниъ.

Возславимъ, сестры, глубину,
Любовь къ любви, любовь-волну,
Восхвалимъ ласки и — Луну.

Она одна, она одна
Для всѣхъ влюбленныхъ намъ дана,
Непобѣдимая — Луна!

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ—мечта расцвѣтшаго растенья,
Пробывшаго свой путь изъ тьмы земли,
Цвѣтокъ—костеръ, что духи намъ зажгли,
Верховный знакъ творящаго хотѣнья.

Веселыхъ красокъ, въ пляскѣ, восхождение,
Побѣда грезы въ прахѣ и въ пыли,
Блескъ радугъ, пронизавшихъ хрустали,
Путь въ Вѣчность черезъ минутное видѣнье.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ ведетъ душнѣтый споръ,
Волнуя, убѣждая, и влюбляя,
Цвѣтокъ цвѣтку—планета молодая.

Таинственный о счастья разговоръ.
И вѣстники цвѣтовъ, въ ихъ звѣздномъ храмѣ,
Лишь существа съ авенящими крылами.

ЗЕРНО.

Двуликий знакъ,—взглянувъ, переверни,
Въ ладони полержавъ,—зерно ржаное.
Двѣ ипостаси. Тайные здѣсь двѣе.
Несчетное въ себѣ таятъ они.

Чуть зримый ротъ, пьявищій искони.
Начало ласкъ. Горнило вѣковое.
Другой же обликъ—жельтъ, что въ тайномъ зноѣ
Пронзитъ вѣдка, и донесетъ огни.

А вмѣстѣ—лишь зерно. И если тайный
Тотъ подблудъ—земной не приметъ лѣтъ,
Иссохнетъ самъ въ себѣ, безъ пережвѣтъ.

А лишь сойдешь, къ чертѣ необычайной,
Узнаешь смерть въ любви, и дѣлу, и пѣнью.
И выйдешь къ Соднику—нивою безкрайной.

НАУКА.

Я ласково учусь зеленой тишиной,
Смотря, какъ царственны, сто лѣтъ проживши, ели,
Онѣ хранять свой цвѣтъ, пріема въ мѣтели,
И жалобы въ нихъ нѣтъ, и жалобъ нѣтъ во мнѣ.

Я голубой учусь у неба вышинѣ,
У истре въ камышахъ учился я свирѣли.
Отъ облаковъ узналъ, какъ много сновъ въ кудели,
Какъ вольно, сѣбя создавъ, ихъ въ бурю смѣлъ
огнѣ.

Я красному учусь у пламениаго мака.
Я золото беру у солнечныхъ лучей.
Хрустальности меня училъ меня ручей.

А если мышь мелькнетъ, и въ ней ниу я знака.
Зима скуетъ порывъ и сблизитъ берега.
И бѣлый мнѣ псаломъ споютъ безъ словъ снѣга.

МІРЪ.

Какъ какій листъ, свѣтлѣе, живеть отлѣкаемымъ
Восторгомъ влаги, воздуха, тепла,
И радъ, когда за зносомъ льется мгла,
Но съ дровомъ слить существованьемъ вѣчнымъ,—

Такъ я одинъ въ пространствѣ безпредѣльномъ,
Но съ міромъ я, во мнѣ ему хвала,

Ему во мнѣ поютъ колокола,
Черезъ него я сталъ пѣаномъ свирѣлымъ.

Въ теченіяхъ причинностей плыву,
Какъ степь плыветъ подъ вѣтромъ ковылями.
Молюсь въ ночахъ въ многозвѣдистомъ храмѣ.

Пью жадными глотками синеву.
И стволъ растетъ изъ звѣздъ, умноженъ нами,
Любовью, дѣломъ, подвигомъ, и снами.

ЖУЖЖАНІЕ МУХЪ

Жужжанье мухъ. О свѣтлое стекло
Упрямое ихъ тонкое биеше.
И странная прозрачность раздѣленья.
Все это вмѣстѣ мысль мою влекло, —

Въ тѣ дни, когда въ полуверстѣ село
Являлось чѣмъ-то въ дымкѣ отдаленья,
Гдѣ буду вновь я только въ воскресенье,
Когда звучать колокола свѣтло.

Съ тѣхъ поръ ужъ скоро минетъ полстолѣтѣмъ,
Но мнѣ дано быть долго молодымъ,
И въ пламени. Меня не тронетъ дымъ.

Еще желаю цѣлый мѣръ пролѣтъ я.
И не съ людьми я въ это лихолѣтѣе.
Я, звѣздъ, и птицъ, и мошекъ — побратимъ.

ДРЕВОСТУКЪ

Древо стукъ, иначе дятель,
Въ рошѣ весной застучалъ.

Много дѣръ законопатилъ,
Много новыхъ означалъ.
Длиннымъ клювомъ по деревьямъ,
Червяковымъ шелъ путемъ,
Многимъ былъ концисъ кочевьямъ,
Стуки, звуки, шумъ, погромъ.
У жучка опочивальней,
Полазъ испуганный червякъ,
И звучало въ рошѣ дальней
Таки-тукъ и тики-такъ.
„Ужъ какой несносный дятель!“
Прожужжали комары.
„Всѣ стволы оны размохнатилъ.
Убирайся до поры!“
Комаражъ не послушалъ,
Длинноклювий древостукъ
Веселился, отбивая
Таки-такъ и таки-тукъ.

Я ВОЛЬНЫЙ ВѢТЕРЬ

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
Волную волны, ласкаю ивы,
Въ вѣтвяхъ вздыхаю, вздохнувъ, шмыгаю,
Лелѣю травы, лелѣю ивы.

Весною свѣтлой, какъ вѣстникъ мая,
Цѣлую ландышъ, въ мечту влюбленный,
И всмелгь вѣтру лазурь пѣмая, —
Я вѣю, мяю, воздушный, сонный.

Въ любви невѣрный, расту циклономъ,
Заметаю тучи, взрываю Море.

Прячусь въ равнинахъ протяжныхъ стономъ,
И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.

Но снова легкой, всегда счастливый,
Нѣживъ, чѣмъ фѣя ласкаетъ фѣю,
Я лѣну къ деревьямъ, лѣну надъ нивой,
И, вѣчно вольный, забвенемъ вѣю.

ОСЕНЬ.

Вы умрете, стебли травъ,
Вы вершинами встрѣчались,
Въ легкомъ вѣтрѣ вы качались,
Но, блаженства не видавъ,
Вы умрете, стебли травъ.

Въ роищѣ шелестъ, шорохъ, свистъ
Тихій, ровный, заглушенный,
Отдаленно-приближенный.
Умираетъ каждый листъ,
Въ роищѣ шелестъ, шорохъ, свистъ.

Сонно падаютъ листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы и осины.
Съ измѣненной высоты
Сонно падаютъ листы.

СѢНА.

Сѣна вѣтвей, зеленая сѣна,
Для грезы изумрудами свѣтила,
Шуршаньемъ, какъ дремящая сила,
Гудѣнемъ пчель, какъ пыльная весна, —

Изваянной волной, какъ тишина, —
Но, свѣтлинъ соизъ зеленый, измѣнила,
И быстро цвѣтъ нивой въ себя вронила,
Вѣшь, Осень тамъ у желтаго окна.

Окно круглымъ свѣтится тоназомъ.
И будетъ возрастать оно тенерь.
Расширить кругъ. Въ листьяхъ проломить дверь.

За каждымъ утромъ, съ каждымъ новымъ разомъ,
Какъ встанетъ Солнце, будетъ день потерь.
И плянеть все совиннымъ желтымъ глазомъ.

ЛЕБЯЖИЙ ПУХЪ.

Трепещетъ листъ забвенно и устало,
Одинъ межъ черныхъ линовыхъ вѣтвей.
Ужъ скоро бѣлый духъ густыхъ завѣй
Качнетъ лебязини пухомъ опухала.

Зима идетъ, а лѣта было мало.
Лишь разъ весной звенѣлъ мнѣ соловей.
О, вѣтеръ, въ сердце вольности навѣй.
Быль скудеетъ медь. Пусть отдохнетъ и жало.

Прощай, черезъ меня пропѣвшій садъ,
Поля, лѣса, луга, рѣка, и дали.
Я съ вами видѣлъ въ творческомъ кристаллѣ

Игру и соответствие громадь.
Есть часъ, когда цвѣты и звѣзды сняты.
Зеркальный токъ тайкомъ крѣпнеть скрижали.

ПАЛАЯ

О, палая! Ты бѣлыми клубами
Несешь и мечешь вздутые сѣга.
Льешь океанъ, гдѣ скрыты берега.
И вьешься, пляшешь, помыкаешь мамн.

Смѣешься дикимъ свистомъ надъ конями,
Велишь имъ всюду чувствовать врага.
И страшны имъ оглобли и дуга.
Они хрываютъ дрожками ноздрями.

Ты съешь снѣгъ воронкою, какъ пыль.
Морозъ крѣпчаетъ. Сжался ледъ упруго.
Какъ будто холодеъ расцвѣтилъ ковыль.

И цвѣтъ его влюбилъ верченне круга.
Дорожный посохъ—сломанный костыль,
Коль забавляться пожелаешь—Вьюга!

ВЕСЬ КРУГЪ.

Весна—улыбка сердца въ ясный май
Сквозь изумрудъ застѣнчивый апрѣля.
Весенний сонъ—Пасхальная недѣля.
Намъ сиянщійся въ минутѣ древній Рай

И лѣто—праздникъ. Блескъ и деть за край
Мгновений, чрезъ откровенне хибья
Пей, пей любовь, звеня, блеста, свирѣя.
Мигъ радостный вдругъ вымолвить: „Прощай“.

И торжество, при сборѣ винограда,
Узнаешь ты въ роскошной полнотѣ.
И, грозды выжавъ, станешь на чертъ,—

Заклыша स्वाдь, что завеза прохлада.
И будетъ вьюга, въ бѣлой снѣготѣ,
Кричать сквозь мѣрь, что больше сновъ не надо.

ВЪТЕРЬ.

Вѣтеръ доносится съ горъ,
Тамъ онъ, и вѣсь, и ниждѣ,
Мчится къ землѣ и къ звѣздѣ,
Роетъ просторъ,
Смятъ, наклоня къ водѣ,
Ины плакучей уборъ.

Плянеть въ древесной тѣни,
Рябь закрутитъ по рѣкѣ,
Нрячется замъ вдалекѣ,
Гаситъ огни,
Снова дохнулъ въ тростникѣ,
Подезь пощель... Догоми!

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО.

Я дошелъ до эжемангата дерева,
Тамъ вѣтви слагались въ храмъ.
Благовоинное алое марево,
Огонь и жертва богамъ.
Я стоялъ у поющаго дерева,
Быль братъ я именьягъ и жукамъ.
И съ ичелой устремився я въ зарено,
Быль пономаръ мотылькамъ.
Я стихами
И мечтою,
Молодою,

Имъ звоняъ.
Подъ вѣтвями,
Межъ цвѣтами,
Быль въ томъ храмѣ
Звонъ кадилъ.
Я съ Весною,
Какъ струною,
Къ свѣту, къ зною
Говорилъ.
Были взоры,
Разговоры,
Были хоры
Нѣжныхъ силъ.
Я съ осюю
Полосою
Нижнихъ воздухонъ летѣлъ,
Я смѣялся,
Расцѣлялся,
Забавлялся,
Какъ хотѣлъ.

Вотъ съ пчелою отягченной
Въ улей сонный я лечу,
Въ улей звонный, отдаленный,
Держимъ путь мы по лучу.
Вотъ и бронзовка, съ крылами
Какъ амазонскій изумрудъ,
Зеленѣя надъ цвѣтами,
Потонула въ гулкоемъ храмѣ,
Радость въ вѣснѣ, Солнце съ нами,
Здравствуй, бронзовка, я тутъ.

И въ этихъ чашахъ,
И въ этихъ кушакъъ
Вѣтвей поющихъ,
И пчель звенящихъ,

Въ благоуханьи,
И въ озареньи,
Въ одѣяньи,
И расцвѣтаньи,
Упившись медомъ,
Первичнымъ мискомъ,
Я съ вѣшнимъ голодомъ,
Нечеловѣкомъ, —
Нечеловѣкомъ,
По тайнымъ всходамъ,
Лечу и рѣю,
И разумѣю,
Мечтой моею
Всхожу къ порогамъ
Иного сада,
Иного лада,
Иного строя,
Гдѣ заодно и
Съ Всенянымъ Богомъ,
Мы Вѣчность мѣримъ .
Весенней пищей,
Веселымъ зѣремъ,
Ихъ веренищей,
Лучомъ, зарницей, —
Средь снова текущихъ,
Съ пчелой, летящей
Сквозистой чащей
Вѣтвей цвѣтущихъ,
Я въ райскихъ кушакъъ,
Въ веснѣ маящей
Я стихъ звенящій.

ЗЕМЛЯ.

1.

Земля, я не земной, но я съ тобою скованъ
 На много долгихъ дней, на бездуу быстрыхъ лѣтъ.
 Зеленый твой просторъ мечтою облюбованъ,
 Земною красотой я сладко заколдованъ,
 Ты мнѣ позволила, чтобъ жить я какъ поэтъ.

Межъ тысячи умовъ мой мозгъ образовала
 Въ такихъ причудливыхъ сплетеньяхъ и узлахъ,
 Что все мнѣ хочется, „Еще“ твержу я, „Мало“,
 И пытку я люблю, какъ упоенье бала,
 Я быстрый альбатросъ въ безбрежныхъ облакахъ.

Не страшна смѣлому безмѣрная усилъя,
 Шута перелечу я изъ страны въ страну.
 Но въ томъ весь ужасъ мой, что, если эти крылами
 Во влагъ омочу, исполненный безснъяля,
 Воздушный, неземной, я въ Морѣ утону.

Я долженъ издали глядѣть на эти воды,
 Въ которыхъ жадный клювъ добычу можетъ взять,
 Я долженъ надъ землей асать не дни, а годы,
 Но я блаженстаю, я лучший сонъ Природы,
 Хоть какъ я мучаюсь, мнѣ некому сказать.

И рыбы бѣдныя, ибныя черепахи,
 Быть можетъ, знаютъ мѣръ, безвѣстный для меня,
 Но мнѣ такъ радостно застыть въ воздушномъ вѣмахъ,
 Въ ненасытности, въ послѣдности и страхъ,
 Надъ пропастью почей я надъ проваломъ дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
 Сама велѣла ты, чтобъ здѣсь я былъ такимъ,
 Ты въ пропастяхъ летншь, и я лечу, послушный,
 Я страшенъ, какъ и ты, я чуткій и бездушный,
 Хотя я весь—душа, и мнѣ не быть другимъ.

Зеленая звезда, планета изумруда,
 Я такъ въ тебѣ люблю безжалостность твою,
 Ты не игрушка, ибтъ, ты ужасъ, блескъ, и чудо,
 И ты сѣдншь—туда, хотя идешь—оттуда,
 И я тебя люблю, и я тебя пою.

Въ раскинутой твоей роскошной панорамѣ,
 Въ твоей, нестинушей и въ декабрѣхъ, веснѣ,
 Въ вертепѣ, въ мастерской, въ тюрьмѣ, въ семьѣ, и
 въ храмѣ

Мнѣ вѣчно чудится картина въ дивной рамѣ,
 Я съ нею, въ ней и внѣ, и этотъ сонъ—во мнѣ.

Сказать, и болѣе я повторять не стану,
 Быть можетъ, повторю, я властенъ повторить.—
 Я предаю жизнь мою лучистому обаянью,
 Я въ бездняхъ мировыхъ нашель свою Свѣтлану
 И для нея кручу бнстающую ннѣ.

Моя любовь—Земля, я съ ней сплетенъ—для мира,
 Легенду мы поемъ изъ звуковыхъ примѣтъ.
 Въ кошмарныхъ звѣздностяхъ, въ безмѣрныхъ безд-
 нахъ Мира,

Въ амазной плотности безсмертнаго Эмира—
 Сонъ Жнзни, Изумрудъ, Весна Зеленый Свѣтъ!

2.

Станный мѣръ противорѣчя,
 Каждый атомъ здѣсь иной,

Беззащитность, безсердечье,
Лютый холод, свѣтъ съ весной.

Каждый мигъ и каждый атомъ
Инутъ счастья вездѣ,
Другъ за другомъ, братъ за братомъ,
Моягя, жаждутъ. „Гдѣ же? Гдѣ?“

Каждый мигъ и каждый атомъ
Вдругъ съ себя свергаютъ грусть,
Любятъ, дышатъ ароматомъ,
Шепчутъ: „Гибнемъ? Что же! Пусть!“

И мечтаютъ, расцвѣтаютъ,
Нѣтъ предѣла ихъ мечтѣ.
И внезапно пропадають,
Вдругъ исчезнуть въ пустотѣ.

О, безпутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Какъ тебѣ себя не жалко?
Кровью дышатъ всѣ поля.

Кровью дышатъ розы, маки
И дневная дѣя заря.
Вѣчно слышенъ стонъ во мракъ, —
„Въ гробъ тѣсно! Отвори!“

„Помогите! Помогите!“ —
Что за странный тамъ мертвецъ?
Взялъ я нити, сплелъ я нити,
Рау я нити, есть конецъ.

Если вѣчно видѣть то же,
Кто захочетъ видѣть сонъ?

Тамъ онъ лучше, тамъ дороже,
Что мгновенно зыблетъ онъ.

Ярки маки, маки съ кровью,
Ярки розы, въ розахъ кровь.
Лыни безстрашно къ изголовью,
Сни смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же — мракъ забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы въ зеркалѣ мгновенья
Ты красивымъ быть опять.

Люди, травы, камни, звѣри,
Духи высше, что здѣсь,
Хоть въ незримой, въ близкой сферѣ, —
Миръ земной прекрасенъ весь.

Люди блѣдныя и травы,
Камни, звѣри и цвѣты,
Всѣ въ своемъ явленьи правы,
Всѣ живутъ для красоты.

Всѣ въ великомъ сложномъ Чудѣ —
И творенье, и творцы,
Служать страсти звѣри, люди,
Жизнь идти во всѣ концы.

Всюду звѣри, травы, камни,
Люди, люди, яркій сонъ.
Нѣтъ, не будетъ никогда мнѣ
Жаль, что въ Мирѣ я рожденъ.

Всѣ вражды и всѣ нарѣчя —
Буквы свитка моего.

Я люблю противорѣче, —
Какъ сверкнуть мнѣ безъ него?

3.

Небо — сверху, Небо — снизу,
Небо хочетъ быть двойнымъ.
Я люблю святую ризу,
Я люблю огонь и дымъ.

Небо каждое мгновение
На Земль и вокругъ Земли,
Близокъ праздникъ просвѣтленья,
Пусть онъ минется намъ вдали.

Небо такъ же вѣчно съ нами,
Какъ доступная Земля.
Здѣсь мы слиты съ облаками,
Въ небѣ — здѣшнія поля.

Звѣзды вѣчно съ нами слиты,
Хоть небесный сводъ вдали.
Звѣзднымъ свѣтомъ перевиты,
Всѣ мечтанія Земли.

4.

Мѣрно, размѣрно земное страданіе,
Хоть безпримѣрно по виду оно.
Вижу я въ зеркалѣ сновъ и мечтанія,
Вижу глубокое дно.
Вѣчно есть вечеръ, съ нимъ свѣтъ обаяннй,
Въ новомъ явленіи мечты и огни.
Въ тихіе лѣтніе дни
Славнѣе въ воздухѣ теплою мужжицею,

Гудѣ толосовъ.
Звонъ и гудѣше, какъ будто бы иѣше
Тысячъ, о, иѣтъ, миріадъ комаровъ.
Иѣтъ ихъ межъ тѣмъ въ глубинѣ отдаленч,
Иѣтъ и вблизи. Это сонъ? Навожденъ?
Это подвѣтье воздушныхъ столбовъ,
Полосы воздуха вверхъ убигаютъ,
Полосы воздуха иѣжно сверкаютъ
И непрерывность гудѣня слагаетъ,
Улей воздушный въ садахъ облаковъ.

Мука долга, но короче, короче, —
Души предчувствуютъ лучшіе дни.
Въ свѣтлыя зимнія ночи
Въ небо взгляни.
Видишь созвѣзды и ихъ постоянство?
Видишь ты эту бездонность пространства?
Въ этихъ моряхъ есть свои жемчуга.
Души тамъ носятся въ пляскахъ навѣки,
Вихри тамъ просека въ звѣздная рѣки,
Всплески созвѣздная бьютъ въ берега.
Чу, лишь сознанію внятыя струны,
Съ солнцами солнца и съ лунами луны,
Моря планетнаго мчатся буруны,
Твердость Эвѣра лучами сверля, —
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны.
Вотъ! между ними — Земля!
Гдѣ же всѣ люди? Ихъ нѣтъ. Все пустынно.
Все такъ духовно, согласно, причинно,
Нѣтъ человѣковъ нигдѣ.
Только твоя гениальность сознанья,
Сердца бездоннаго съ сердцемъ слѣпнѣ,
Иѣсны звѣзды къ отдаленной звѣздѣ,
Полосы, полосы вѣчнаго Свѣта.

Радостной габною Небо одето,—
Близко такъ стало, что было вдаль.
Непостижимо прекрасное чудо:—
Мчимся туда мы, исплавиши оттуда,
Въ глыбахъ безцвѣтныхъ — восторгъ изумруда,
Майская сказка Земли

5.

Въ зеленомъ и бѣломъ туманѣ
И въ дымкѣ свѣтло-голубой
Земля въ мировомъ караванѣ
Проходитъ, любуясь собой.

Растенья земныя качаются,
Ночью опьяняемихъ цвѣты,
И ночь мировая вѣщаетъ
Невѣсту небесной мечты.

Сплетае въ союзѣ небесномъ
То съ Солнцемъ ее, то съ Луной,
Съ Венерой въ содружествѣ тѣсномъ,
Съ вечерней своей тишиной.

Всѣхъ любить Земля молодая,
Ей разныхъ такъ сладко любить,
Различностные свѣтовъ блистая,
Стожизненнымъ можешь ты быть.

И вотъ половиною шара,
Въ которомъ Огонь безъ конца,
Въ горѣны дневного пожара
Земля опьяняетъ сердца.

И въ это же самое время
Другой половиной своей
Чаруетъ влюбленное племя
Внушеньями лунныхъ лучей.

И страшно-желанно сливнѣе
Съ Землею двухъ свѣточей въ три.
Люби—говорить обаянье,
Бери—мы съ тобою цари.

Качаетъ насъ Вѣчность, качаетъ,
Пьянятъ земные цвѣты.
И Полночь, и День отвѣчаетъ
Невѣстѣ небесной мечты.

6.

Земля, ты такъ любви достойна за то, что ты все-
гда нидя.

Какъ убѣдительно и стройно все въ глуби глазъ,
вся жизнь земная.

Поля, луга, долины, степи, равнины, горы, и лѣса,
Болота, прерии, мареммы, пустыни, Море, Небеса.
Улыбки, шопоты и ласки, шурианье, шелестъ,
шорохъ, травы,

Хребты безмѣрныхъ горъ во мракѣ, какъ исполнин-
скіе удавы,

Кошмарность ходовъ подъ землею, разсѣлянъ, виа-
дингъ и пещеръ,

И храмы въ страшныхъ подземельяхъ, чей стра-
нень сказочный размѣръ.

Дремотный блескъ зарытыхъ кладовъ, цѣлебный
ключъ въ творимъ гранита,

И слепковъ золота сократость, что будетъ саи-
ми открыта.

Паденье въ пропасть, въ мракъ и ужасъ, въ руд-
никъ, гдѣ рабъ — какъ властелинъ,

И горло горнаго потока, и рядъ овраговъ межъ
стремнинъ.

Въ глубокихъ безднахъ Океана — дворцы погнбшей
Атлантиды,

За сномъ потопа — вноль подъ Солнцею — ковчегъ
Атлантовъ, Пирамиды,

Землетрясенія, ужасность тайфуна, взрытости зы-
бей,

Усвоительная ясность вчера лишь вспаханныхъ
полей.

7.

Земля научаетъ глядѣть — глубоко, глубоко,
Тѣлесные дремятъ глаза, незримое свѣтлится око.

Пугаясь, глядитъ

На тайну земную,

Земля между тѣмъ говоритъ:—

Ликуй — я ликую.

Гляди предъ собой.

Есть голосъ въ веселомъ Сегодня, какъ голосъ есть
въ темномъ Вчера.

Подпочва во впадинѣ озера — глина, рухлась, пере-
гною,

Но это поверхностный слой. —

Тамъ дно, а надъ дномъ глубина, а надъ глубокою
волна за волной.

И выбится вѣчно игра

Хрустала, бриллантовъ, сафира, жемчуговъ, янтарей,
серебра,

Порождаемыхъ Воздухомъ, Солнцемъ, и Дувой, и
Землей, и Водой.

Слушай! Пора!

Будь — молодой!

Все на Землѣ — въ перемяхъ, слагай же черту
за чертой.

Мысли сверкають,

Память жива,

Звучны слова.

Дни убѣгаютъ, —

Есть острова.

Глубочайшія впадины синихъ морей
Неизмѣнно вблизи острововъ залегаютъ.

Будь душою своей —

Какъ они,

Тѣ, что двойственность въ единность слагають,

Ночи и дни,

Мракъ и огни.

Мысли сверкають,

Память жива,

Не забудь острова.

Въ дикой пустынѣ, надъ пропастью водъ,
Нѣжный оазисъ цвѣтеть и цвѣтеть.

Сномъ золотымъ

Нѣжить игра,

Ниче — какъ дымъ —

Станеть вчера.

Духомъ святымъ,

Будь молодымъ.

Время! Скорѣ! Пора!

8.

Слышу я, слышу твой голосъ, Земля молодая,
Слышно и видно мнѣ все: Я — какъ ты.
Слышу, какъ дышутъ починяе цвѣты,
Вижу, какъ травка дрожитъ, расцвѣтая.
Только мнѣ странно какой-то влезавшей въ души
пустоты.

Что же мнѣ въ томъ, что возникнуть черты?
То, что люблю я, бѣжить, пропадая.
Звучецъ твой голосъ, Земля молодая,
Ты многовѣтна навѣкъ.
Вижу я цвѣтъ твой и тайные взоры,
Слышу я стройные струнные хоры,
Голосъ подземныхъ и солнечныхъ рѣсь,—
Только мнѣ странно, что рвутся узоры,
Странно, Земля, мнѣ, вѣдь я Человѣкъ.
Что жь мнѣ озера, и Море, и горы?
Вѣчно ли буду съ одною мечтой!
Юноша страшень, когда онъ сѣдой.

9.

Явственно съ горнаго склона я
Вижу, что ты
Не только зеленая.
Въ пурпуръ такъ часто ты любишь рядить
Нѣжность своей красоты,
Красную въ ткани проводишь ты нить.
Ты предстаешь мнѣ какъ темная, жадная
И неогладная,
Странно огромная, съ этими взрывами скрытыхъ
огней,

Вся еще только—наместь и рожденіе,
Вся—заблужденіе
Быстрыхъ людей и взревай,
Вся еще—алчность и крики незнанія,
Непониманіе,
Бѣшенство дней и безумство ночей,
Только сгораніе, только капнутъ просвѣтленія,
Еле намѣченный стихъ пѣснопѣнія
Блесковъ святыхъ откровенія,
Съ царствомъ такого блаженства, гдѣ стоить не
раздастся ничей.

10.

Да, я помню, да, я знаю запахъ пороха и
дыма,
Да, я видѣть сланикомъ ясно: Смерть, какъ Жизнь,
непобѣдима.
Вотъ столкнулась гряда съ грудой, туча съ тучей
саранчи,
Отвратительное чудо, ослѣпительны мечи.
Человѣкъ на человѣка, ужасъ бѣшеной погони,
Почва вырыта, стукъ копыта, мчатся люди, мчатся
коши,
И подъ тяжестью орудій, и подъ яростью копытъ
Звукъ хрустѣнья, дышутъ люди, счастливы, кто
совсѣмъ убитъ.
Запахъ пороха и крови, запахъ пушечнаго мяса,
Изуродованныхъ мертвыхъ сумасшедшая гримаса.
Новой жертвой возникаютъ для чудовищныхъ бой-
ницъ
Вереницы пыльныхъ, грязныхъ, безобразныхъ, пот-
ныхъ лицъ.
О, конечно, есть отрада въ этомъ страхѣ, въ
этомъ знаніи:—

Благородство безразсудныхъ, въ смерти свѣтлые
герои.

Но за ними, въ душномъ дымѣ, палъ за темнымъ
рядомъ рядъ

Противъ воли въ этой бойнѣ умирающихъ сол-
датъ.

Добыванье недобитыхъ, разстрѣлянье дезертира, —
На такой мена зовешь ты праздникъ радостнаго
пира?

О, Земля, я слышу стоны оскверненныхъ лѣвъ и
женъ,

Побѣжденъ мой врагъ заклятый, но побѣдой я
сраженъ.

11.

Помню, помню и другое. Ночь. Неаполь. Сонъ
счастливый.

Какъ же все переѣнилось? Люди стали смертной
нивой.

Отвратительно красивый отблескъ лавы клокотала,
Точно чѣмъ-то былъ поддѣланъ между этихъ чер-
ныхъ скалъ.

Въ страшной жадности кипѣла точно чуждая при-
краса,

Какъ разорванное тѣло, какъ растерзанное мясо.
Точно пинія вздымался расплазующійся паръ,
Накопился и вметался ужасающій пожаръ.
Красный, стрый, темно-стрый, бѣлый паръ, а
снизу лава, —

Такъ чудовищный Везувій забавлялся величаво.
Изверженье, изверженье, въ самомъ словѣ ужась
есть,

Въ немъ уродливость намековъ, всѣхъ отбѣнокъ
имѣть не счастье.

Въ немъ размахъ и внятность, рьяность огневого
водопада,

Убѣдительность потока, отвратительность распада.
Тамъ въ одной спаленной грудѣ — звѣри, люди, и
дома,

Пепель, болѣе губящая, чѣмъ Азійская чума.
Свѣтъ некустала, слово мысли, губы въ первомъ
нощлудѣ,

Замели, сожгли, застигли лавно-пепельная струя.
Менасытнаго удава звеня сжали цѣлый мѣръ,
Здѣсь хозяинъ пьяный — Лава, будутъ помнить
этого пиръ.

12.

Что же, что тамъ шелеститъ?

Точно шорохъ тихихъ водъ.

Что тамъ грезитъ, спать не спать,

Нарастаетъ и поеть?

Безглагольность. Тишина.

Мѣръ полночень. Все молчить.

Чья же тамъ душа слышна?

Что такъ жизненно звучитъ?

Голосъ вѣчно-молодой,

Хоть почти-почти безъ словъ.

Но прекрасный, но святой,

Какъ основа всѣхъ основъ.

Перекатная волна.

Но не Море. Глубоко.

Дышетъ жизнь иного сна.

Подъ Луной ей такъ легко.

Это нива. Ночь глядеть.
Ласковъ звѣздный этотъ взглядъ.
Нежный колось шелеститъ.
Всѣ колосья шелестятъ.

Отгибаются, поютъ.
Наклоняются ко сну.
Соки жизни. Вѣчный трудъ.
Кротко льнетъ зерно къ зерну.

Что тамъ дальше? Цѣлый строй
Неживыхъ-живыхъ стволотъ.
Гроздь ягодъ надъ землей,
Вновь основа всѣхъ основъ.

На тычиночкахъ небольшихъ
Затаенная гроза,
Звонкій смѣхъ и звонкій стихъ,
Мигъ забвенія, лоза.

Радость свѣтлая лица.
Звѣзды ласково глядятъ.
Зрѣть, сибеть безъ конца
Желтый, красный виноградъ.

Эти ягоды сорвутъ,
Разомнутъ ихъ, выжмутъ кровь.
Весель трудъ. Сердца поютъ.
Въ жизни вновь живетъ любовь.

О, побѣдное Зерно,
Гроздь ягодъ Бытія!
Будетъ бѣлое вино,
Будетъ красная струя!

Протечетъ за годомъ годъ,
Жизнь не можетъ не спѣшить.
Только колось не пройдетъ,
Только грозда будутъ жить.

Не окончатся мечты,
Всѣмъ засвѣтится Весна!
Дитургія Красоты
Есть, была, и быть должна!

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково мѣтеть прохлада.
„Милый! Мой милый!“—Свѣтло,
Сладко отъ бѣлаго взгляда.

Лебедь уплыть въ полумглу,
Вдаль, подъ Луною бѣтѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“—
Полночь глядеть съ небосклона.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ОКЕАНУ.

Океанъ, мой древній прародитель,
Ты хранишь тысячелѣтній сонъ.
Свѣтлый сумракъ, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедшій, небосклонъ!

Зеркало предвѣчныхъ начинаній,
Видѣвшее первую зарю,
Знающее больше нашихъ знаній,
Я съ тобой, съ безсмертными, говорю!

Ты никѣмъ не скованная цѣльность.
Миръ земли для сердца мертвъ и пустъ, —
Ты же вѣчно дышешь въ безпредѣльность
Тысячами юно-жадимыхъ устъ!

Тихій, бурный, пѣжный, стройно-важный,
Ты какъ жизнь: И правда, и обманъ.
Дай мнѣ быть твоей пылинкой влажной,
Каплей въ вѣчномъ... Вѣчность! Океанъ!

СТРУЯ.

Наклонись надъ колодеземъ, увидишь ты тамъ
Словно грязная яма чернѣется,
Пахнетъ гнилью, и плѣсени растутъ по краямъ,
И прозрачной струи не видѣется.

Но внизу, въ глубинѣ, среди гнили и тьмы,
Тамъ, гдѣ пропасть чернѣется млистая,
Какъ въ суровыхъ объятьяхъ утробной тюрьмы,
Робко бѣтся струя серебристая.

РУЧЕЕКЪ.

Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты какъ ниточка идешь.
Подъ тобой блеститъ песокъ,
Веселъ ты, хоть неглубокъ,

Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты уходишь и поешь.

Словно дѣвушка-дѣтя,
Въ маломъ зеркальцѣ твоемъ,
Кудри въ косы заплетя,
Травка смотрится, блестя,
Съ ней журчаніемъ шута,
Ты идешь своимъ путемъ.

Вьются пчелы межъ стеблей,
Прогудитъ мохнатый шмель.
Ты бѣжишь скорѣй, скорѣй,
Вдругъ nevoла—среди камней,
Вспѣваясь, звонче, веселѣй,
Зажурчишь ты: „Мель, мель, мель!“

Нѣтъ, не смогутъ голыши
Въ мель сложиться ручейку.
Въ траваной, въ лѣсной глуши,
Онъ, исполненный души,
Самъ себѣ поетъ: „Слѣши!“
И зѣбится по песку.

Можетъ, онъ упадетъ въ рѣку,
Съ ней до Моря дотечетъ,
Будетъ лнуть тамъ къ челноку.
Можетъ, онъ въ своемъ лѣску
Будетъ течь подъ крикъ: „Ку-ку“,
Что кукушка людямъ шлетъ.

Можетъ, къ мельницѣ придетъ,
Но ужъ ниточку свою
Онъ до цѣли доведетъ,

Онъ не медлитъ, онъ не ждетъ,
Къ колесу, блеснувъ, полететь,
Закрутить свою струю.

Не широка ты, ручеекъ,
Не глубока ты,— ну такъ что жъ!
Всѣмъ—свой разумъ, всѣмъ—свой срокъ,
Ты прекрасенъ былъ, чѣмъ могъ.
Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты бѣжишь и ты поешь.

ЗАРОЖДЕНЕ РУЧЬЯ.

На вершинѣ скалы, гдѣ поткомъ лучей
Солнце жжетъ горячѣй, гдѣ гнѣзятся орлы,
Изъ тумановъ и мглы зародился ручей,
Все звончѣй и звончѣй по уступамъ скалы
Онъ волной ударялъ, и гранитъ повторялъ
Мѣрный отзвукъ на звукъ, возникавшій вокругъ.

Какъ прозрачный кристалль, какъ сверкающій лучъ,
Перемѣнчивый ключъ межъ камней трепеталъ,
На гранитъ блистать, и краснѣть, и пѣвучъ,
Жаждой жизни могучъ, онъ отъ счастья рыдалъ,
И кричали орлы, на уступахъ скалы,
У истоковъ ручья, въ торжествѣ бытїа.

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
Взволнованнаго Моря!
Какъ сводъ Небесъ угрохъ,
Какъ бьются тучи, споря!

О чемъ шумитъ волна,
О чемъ протяжно стонетъ?
И чья тамъ тѣнь видна,
И кто тамъ въ Морѣ тонетъ?

Гремитъ морской прибой,
И дологъ вой упорный:—
„Идемъ, идемъ на бой,
На бой съ Землею черной!“

Разрушимъ грань Земли,
Покроемъ все водою!
Внемли, Земля, внемли,
Нашъ крикъ грозитъ бѣдою!“

„Мы все задемъ, возьмемъ,
Поглотимъ жадной бездной,
Громадой воли плеснемъ,
Взберемъ въ мѣрь назвѣздный!“

„Шуми, греми, прибой!“
И стонуть всплески свѣта.
„Идемъ, идемъ на бой!“—
„На бой!“—грохочетъ эхо.

ЛУЧЕИЗЛОМЪ.

О, бравная изломность линий,
Военный станъ пучины силей;
Хоть жизни, жаждущихъ череды;
Качаніе морской вѣжды;
Игрянки, живоросли, жгучки,
Существовъ лучистыхъ мѣрь; ряды

Звѣре-растений; борозды
Разорванность; пловучесть тучки;
Глубинный небосводъ воды;
Лучистый камень, роговая
Обманка, сложный строй хоромъ,
Гдѣ лучъ расходится съ лучомъ;
Вся хоть морей, всегда живая,
Гдѣ слизъ цѣлуетъ, жизнь свивая,
И волны крутятся узломъ;
И изъ одной страны прозрачной
Къ другой—свѣтильникъ бивуачный—
Прошедшій лучъ—лучеизломъ.

ЗОЛОТИСТЫМЪ АМЕТИСТОМЪ.

Золотистымъ аметистомъ,
Словно выжженное блюдо,
Раскалившаяся мѣдь,
Расцвѣченнымъ, пламенистымъ,
Золотистымъ аметистомъ,
Но съ оттѣнкомъ изумруда,
Съ успокоенной зарею,
Отдыхъ давъ себѣ и зною,
Дышитъ дремлющее Море,
Полюбившее не въ спорѣ,
А въ великомъ разговорѣ
Въ грани дымныя гремѣть.

ПЕСОКЪ.

Ровный, плоскій, одноцвѣтный,
Безглагольный, безпредметный
Солнцемъ выжженный песокъ

Быль когда-то въ безднахъ Моря,
И надъ нимъ, о силѣ спора,
Шкваль со шкваломъ биться могъ.

И чудовища морскія,
Межъ стихій морскихъ стихія,
Съ выбкимъ празлникомъ въ крови,
Въ неземной глубинной дали,
Трепетали, сочетали
Узы грузныя любви.

Но надъ царствомъ тѣмъ зеленымъ,
Милліонъ за милліономъ,
Минулъ токъ текущихъ лѣтъ,
И чудовища устали
Трепетать въ глубинной дали
И любви ихъ больше нѣтъ.

И другая даль, нѣмая,
Въ безпредѣльность убѣгая,
Молча свой проводитъ срокъ.
Спать—не спать въ безвѣстной чарѣ,
Въ утомительной Сахарѣ,
Нескончаемый песокъ.

ДОЖДЬ.

Въ углу шуршали мыши,
Весь домъ застылъ во снѣ.
Шель дождь, и капли съ крыши
Стекали по стѣнѣ.

Шель дождь, лѣнивый, вялый,
И маятникъ стучалъ,

И я душой усталой
Себя не различалъ.

Я слился съ этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забитый, обдѣленный,
Я весь былъ тьмой ночной.

А бодрый, какъ могильщикъ,
Во мнѣ тревожа мракъ,
Въ стѣнѣ жутокъ-точильщикъ
Твердилъ: „Тикъ-такъ. Тикъ-такъ“.

Равня звуки точкамъ,
Началу всѣхъ началъ,
Онъ токамъ молоточкомъ
Стучалъ, стучалъ, стучалъ.

И атомы нѣбѣ
Сплетаюсь въ тишинѣ,
Спокойно и безъ гнѣва
„Умри“ твердили мнѣ.

И мертвый, бездыханный,
Какъ трувь задутыхъ свѣчь,
Я слушалъ въ скорби странной
Възвѣстную рѣчь.

И тише кто-то, тише,
Шептается обо мнѣ.
И капли съ темной крыши
Стекали по стѣнѣ.

МЕЖЬ ПОДВОДНЫХЪ СТЕБЛЕЙ.

Хорошо межъ подводныхъ стеблей.
Блѣдный свѣтъ. Тишина. Глубина.
Мы замѣтимъ лишь тѣнь кораблей,
И до насъ не доходить волна.

Неподвижные стебли глядятъ,
Неподвижные стебли растутъ.
Какъ спокоенъ зеленый ихъ взглядъ,
Какъ они безтревожно цвѣтутъ.

Безглазольно глубокое дно,
Безъ шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земныя слова.

Самоечные камни. Песокъ.
Молчаливые призраки рыбъ.
Миръ страстей и страданій далекъ.
Хорошо, что я въ Морѣ погибъ.

ГРЕБЕЦЪ.

На главѣ его смарагдовый вѣнецъ.
Пѣсьнъ потасная.

Мнѣ привидѣлся корабль, на кораблѣ сидѣлъ гребецъ,
На главѣ его златистой былъ смарагдовый вѣнецъ.
И въ рукахъ своихъ онъ бѣлыхъ не держалъ совсѣмъ
весла,

Но волна въ волну втекала, и волна его несла.
А въ рукахъ гребца, такъ видѣлъ я, лазоревый былъ
цвѣтъ,

Этот цвѣтъ произрастшемъ былъ не нашихъ зимъ и лѣтъ
Онъ съ руки своей на руку перекидывалъ его,
Переманивалъ онъ души въ кругъ вліянья своего.
Въ кругъ сіянія смарагда и лазоревыхъ цвѣтовъ,
Измѣнявшихъ нѣжной чарой синеву безъ береговъ.
Съ снѣговыми парусами тотъ корабль по Морю плывъ,
И какъ будто съ каждымъ мигомъ въ Солнцѣ болѣе
было силъ.

Будто Солнцу было любо разгораться безъ конца,
Было любо синю Морю уносить въ просторъ гребца.

ВОДА.

1.

Вода, стихія сладострастія,
Вода, зеркальность нашихъ думъ,
Бездонность сновъ, безбрежность счастья,
Часовъ бѣгущихъ легкой шумъ.

То недвижимо-безглагольная,
То съ неудержною волной,
Но вѣчно легкая и вольная,
И вѣчно дружная съ Луной.

И съ Солнцемъ творческимъ слянная,
То—гулъ, то—плескъ, то—блески струй.
Стихія страстная и странная,
Гвой голосъ—влажный пошлудуй.

2.

Ручей ласкаетъ слухъ, влечетъ насъ въ отдаленье,
Ручей журчитъ, звучитъ, баюкаетъ, поетъ.

Рѣка лелѣетъ глазъ, даетъ успокоенье
Движенемъ медленнымъ безмолвующихъ водъ.

Ручей какъ чаровникъ, дремотно шепчетъ, манитъ,
Ручей гадаетъ намъ, и вкрадчиво зоветъ.
Рѣка нашъ зыбкій духъ яснитъ, а не туманитъ
Успокоительнымъ теченемъ свѣтлыхъ водъ.

Ручей намъ говоритъ: „Люби! Люби! Люби же!“
Но въ немъ не отраженъ глубокий небосводъ.
Кто въ рѣку заглянулъ, тотъ небо видитъ ближе,
Лазури хочется безмолвующихъ водъ.

3.

Я помню въ далекіе дѣтскіе дни
Привидѣлся странный мнѣ сонъ.
Мнѣ снилось, что бѣлше въ Небѣ огни,
И ими нашъ садъ озаренъ.

Сверкаютъ далеко холодные льды,
Струится безжизненный свѣтъ,
Звѣзда отражаетъ сіянье звѣзды,
Сплетаются гроздыя планетъ.

Сплетаются тысячи крупныхъ планетъ,
Блестятъ, возростаютъ, рѣснутъ.
Но въ этомъ сіяньи мнѣ радости нѣтъ,
Цвѣты предо мной не цвѣтутъ.

Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ ленистка,—
Иначе зажжется ли взглядъ
Но нѣтъ предо мною въ саду ни цвѣтка,
Весь—бѣлый безжизненный садъ.

И сталъ я тихонько молиться въ бреду,
И звѣзды дрожали въ отвѣтъ.
И что-то какъ будто мѣнялось во льду,
И таяли грозды планетъ.

И, въ свѣтлой по новому, въ той полумглѣ
Возникли потоки дождя.
Они прикоснулись къ далекой Землѣ,
Съ высокаго Неба идя.

Полю-міра окутать блистающій мостъ,
Въ немъ разные были цвѣта.
Въ немъ не было блѣдности мертвенныхъ звѣздъ,
Живая была красота.

О, чудо! О, радость! Вблизи, предо мной,
Вдругъ ожилъ мой сказочный садъ,
Цвѣты расцвѣтали живой пеленой,
Быль свѣтель младенческой взглядъ.

Раздвинулись полосы ровныхъ аллей,
Свѣтло заигралъ изумрудъ.
Подъ частою чащей зеленыхъ вѣтвей
Цвѣты голубые цвѣтуть.

Багряныхъ и алыхъ и желтыхъ цвѣтовъ
Росла золотая семья.
Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестковъ,
И это такъ чувствовать я.

И въ ландышахъ бѣлыхъ, отъ капель дождя,
Иначе заиглась бѣлзна.
И дождь прекратился. И, съ Неба идя,
Струналась лишь музыка сна.

Мы видимъ въ младенчествѣ вѣщіе сны,
Такъ близко мы къ Небу тогда.
И этого сна, и цвѣтовъ пелены,
Не могъ я забыть никогда.

Съ звѣздою, блистая, сплеталась звѣзда,
Тнулась звѣзда до звѣзды.
Я помню, я понималъ впервые тогда
Звѣздительность свѣтлой Вояж.

4.

Но минули дѣтскіе годы,
Иного хотѣла мечта.
Хоть все же я въ царствѣ Понроды
Любилъ и шуты и цвѣта.

Блаженно, всегда и повсюду,
Мнѣ чудились рокофы струнъ.
Я шелъ къ неизвѣстному чуду,
Мечтателенъ, нѣженъ, и юнъ.

И ночью плѣнительной мая,
Да, въ первую четверть Луны,
Мнѣ что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я увѣровалъ въ сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожилъ старинный нашъ домъ.
И музыка сладко звучала
Въ мечтающемъ сердцѣ моемъ.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанныя сердцу черты.

Мгновенно сляпанные взоры,
Цветы и мечты Красоты.

Все было вот здесь, в настоящем,
В воднѣ нарастающих силъ.
Съ желанною, въ залѣ блестящемъ,
Я въ вальсѣ старинномъ скользилъ.

И чудилось мнѣ, что столѣтій
Надъ нами качался полетъ,
Но мы проносились какъ дѣти,
И полъ озарялся какъ ледъ.

И близкое тѣло скользило,
Я нѣжно объятіе длю.
„Ты любишь?“ душа говорила,
Глаза говорили: „Люблю“.

Дривъ другу сказали мы взоромъ,
Что тотчасъ мы спустимся въ садъ.
И связаны тѣмъ договоромъ,
Скользили, какъ тѣни скользить.

Лишь нѣсколько быстрыхъ мгновений,
И мы отошли отъ огней,
Мы въ сумракъ цвѣтущихъ сиреней
Съ знакомыхъ сошли ступеней.

И стройная музыка бала,
И вальса стариннаго звонъ,
Какъ дальняя сказка звучала
И душу качала, какъ сонъ.

Но ближе другое вдѣянье
Слагало свой властный напѣвъ.

Всѣ думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло, сторѣвъ.

Въ саду, въ томъ старинномъ, пустынномъ,
Гдѣ праздникъ цвѣтовъ быть мнѣ данъ,
Подъ свѣтомъ планетъ наутиннымъ
Журчаль неумолчно фонтанъ.

О, какъ быть узячивъ тотъ сонный
И вѣчно живой водоемъ,
Онъ полонъ былъ мысли бездонной
Въ журчаньи безсмертномъ своемъ.

Изъ раковинъ звонкихъ сбѣгая,
И влагу въ лобзанняхъ дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Онъ лился въ себя — изъ себя.

И снова какъ въ дѣтствѣ свѣтили
Созвѣзды съ нѣмой высоты,
И въ сладостно дышущей силѣ
Цвѣли многоцвѣтно цвѣты.

Но прякости ихъ аромата
Сказали намъ, съ пѣніемъ водъ,
Что къ прошлому нѣтъ намъ возврата,
Что новое новымъ живеть.

И пѣли такъ слажко свирѣли
Въ себя убѣгающихъ струй,
Что мы колебаться не смѣли
И влажный возникъ поцѣлуй.

И радостныхъ звѣздъ чарованье
Свѣтилось такъ странно въ тотъ часъ,

Что влажное это слиянье
Навѣкъ пересоздало насъ.

Я видѣлъ такъ ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планетъ,
И чьи-то безсмертные взоры
Хранили немеркнуцій свѣтъ.

Лелѣя цвѣты міровые,
Межъ звѣздъ проходила Весна.
Въ той ночи прозрачной, впервые,
Я понималъ, какъ Блага нѣжна.

5.

Боль, какъ бы ни привала, приходитъ слишкомъ рано.
Прошла, въ теченіи лѣтъ, еще года.
На шепчущемъ пескѣ ночного Океана
Я въ полночь былъ одинъ, и пѣнилась вода.

Вставала и упадала прибой живой пустыни,
Рождала отклики на сушѣ глубина.
Былъ тотъ же Океанъ, отъ вѣка и доннынѣ,
Но я не зналъ, о чемъ постъ его волна.

Въ моемъ сознаниіи ниня волны плѣли,
Припоминанія всего, что видѣлъ я.
И чудилась мнѣ мать у дѣтской колыбели,
И чудился мнѣ гробъ, любовь, и смерть моя.

Въ предѣльность точную замкнутыя стремленья,
Паденье, высота, разорванный узоръ.
Все тѣхъ же вѣчныхъ силъ все новыя сцѣпленья,
Моей души ночной качанье и просторъ.

Но за разорванной и многоцвѣтной тканью
Я чувствовалъ мою — или не мою — мечту.
Въ концѣ-концовъ я радъ, всему, я радъ страданью,
Я нити яркія въ живой узоръ плету.

Но мнѣ хотѣлось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы всѣ идемъ?
Скажите, звѣзды, мнѣ, вы замыслы и числа,
Вы, волны вѣчная, чьихъ влажныхъ ласкъ мы ждемъ!

На Небѣ облака, пѣжибѣ мечтаній лѣтомъ,
Въ холодной ясности ночного сентября,
Дышали призрачнымъ неувловимымъ свѣтомъ,
Какъ бы сознаниемъ прошедшаго горя.

Отъ воды вставала мгла волнистаго тумана,
И долго я смотрѣлъ на синій небосклонъ.
И вотъ въ мои зрачки — отъ выбѣй Океана
И отъ высотъ небесъ — возникъ безсмертный сонъ.

Такъ глубока вода подъ небомъ безъ предѣла,
Такая тайна въ двухъ живетъ, всегда дыша,
Что можетъ утонуть въ ихъ снахъ не только тѣло,
Но и глубокая всезрящая душа.

Изъ легкой водной мглы и изъ сіяній звѣздныхъ,
Изъ нѣжно-зыбнаго воздушнаго руна,
Межъ двухъ бездонностей, и въ двухъ зеркальныхъ
безднахъ,

Возникла призрачно блаженная страна.

Миръ, гдѣ ни мукъ, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Гдѣ всѣ, плетя узоръ, въ узорность сплетены.

Какъ будто города погибшей Атлантиды,
Преображенные, возстали съ глубины.

Домовъ прекраснѣйшихъ возникли мириады,
Среди невиданныхъ фонтановъ и садовъ,
Я зналъ, что въ тѣхъ стѣнахъ всегда лучисты взгляды,
И могутъ все сказать глаза живыхъ—безъ словъ.

Здѣсь каждый новый день былъ сказкой какъ вчерашней,
Созданій мысленныхъ, дрожа, росля лѣса.
Здѣсь каждый стройный домъ кончался легкой башней,
И все, что на землѣ, всходило въ небеса.

Весь блѣдный, Океанъ слился съ небосклономъ,
Нѣтъ нежеланнаго, ни въ чемъ, ни гдѣ-нибудь.
Весь миръ наполнился однимъ воздушнымъ звономъ;
Вселенная была—единный Млечный Путь.

И этихъ блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
Сказали молча мнѣ, какой удѣлъ намъ данъ.
И въ тотъ полночный часъ я сталъ инымъ навѣки,
И понималъ я, о чемъ поетъ намъ Океанъ.

КОСТЕРЬ.

Дынно-огненный туманъ
Былъ основой миру данъ.
Изъ туманнаго огня
Жизнь возникла для меня.

Солнце въ атомъ заключивъ,
Я упалъ на горный срывъ,
Выросъ, крылья распростеръ,
И зажгъ надъ тьмой костеръ.

Мой костеръ на высотѣ,
На верховной онъ чертѣ.
И вошли въ его объемъ
Вѣтеръ, молнія, и громъ.

ЧТО МНѢ ПРАВИТСЯ.

Что мнѣ больше нравится въ безднахъ мировыхъ,
И кого отмѣтилъ я между всѣхъ живыхъ?

Альбатреса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и пѣвца огня.

Альбатросъ мнѣ нравится тѣмъ, что онъ крылатъ,
Тѣмъ, что онъ врѣзается въ грозовой раскатъ.

Въ коршунѣ мнѣ нравится то, что онъ могучъ,
И, какъ камень, падаетъ изъ высокихъ тучъ.

Въ тигрѣ то, что съ яростью мягкость сочеталъ,
И не зная раскаянья, Бога не видалъ.

И въ другихъ желанно мнѣ то, что—ихъ вполне,
Нравится отдаленностью всѣ созданья мнѣ.

Жаворонокъ—пѣніемъ, быстротою—конь,
Бабочка—воздушностью, красотой—огонь.

Да, огонь красивѣе всѣхъ иныхъ живыхъ,
Въ искрахъ—ликование духовъ мировыхъ.

И крылатъ и властенъ онъ, въ быстротѣ могучъ,
И поетъ дождями онъ изъ громовыхъ тучъ.

По землѣ онъ ластится, жаждетъ высоты,
Въ красные слагается страстные цвѣты.

Да, огонь красивѣе между всѣхъ живыхъ,
Въ искрахъ ликование духовъ мировыхъ.

Въ пламени ликующемъ—самый яркій цвѣтъ.
Въ жизни — смерть и въ смерти — жизнь. Всѣмъ живымъ—привѣты!

ОГНЕННЫЙ МІРЬ.

Тамъ факелы, огневзнесенія, пятна,
Тамъ жерла пламенныхъ котловинъ.
Сто дней пути—расплавленный рубинъ.
И жизнь тамъ только жаркимъ благодатна.

Они горять и дышутъ исповатно.
Взростаютъ лѣсъ. По пламени всринишь
Несется токъ пылающихъ лавинъ.
Вся жизнь огня сгущенно-ароматна.

Какъ долженъ быть тамъ силенъ аромать,
Когда, чрезъ миллионы верстъ отсюда,
Огонь весны душистое заѣсъ чудо.

Какъ тамъ горить у Огнеликихъ взглядъ,
Коль даже мы полны лучей и гуда,
И даже люди, полюбивъ, горятъ.

НА ОГНЕННОМЪ ПИРУ.

Когда я думаю, что предки у коня,
Въ безчисленныхъ вѣкахъ, чьи густы вереницы,

Являли странный ликъ съ размѣрами лисины,
Во мнѣ дрожить восторгъ, пронзающій меня.

На огненномъ пиру творящаго Огня
Я червь, я хитрый змѣй, я быстрокрылость птицы,
Умъ человѣка я, чья мысль быстрѣй зарницы,
Сознаніе міровъ живетъ во мнѣ, звеня.

Природа отошла отъ своего апрѣля,
Но наслоенными записаны слова,
Мѣняется разиѣръ, но пѣсня въ немъ жива.

И Божья новая еще насъ ждетъ недѣля.
Не такъ ужъ далеки предъ ликомъ Божества
Акульки плавники и пальцы Рафаэля.

ЖЕРТВА

Когда зажглась кроваво, свѣтъ взвивая,
Полчеба охватившая, заря,
Казалось, на высотахъ алтаря
Небеснаго, тамъ жертва есть живая.

Быль зноенъ день. Всю влагу исполнила,
Жара дымилась, дѣланье творя.
И каждый лнсетъ работою былъ для царя
Единого, чья воля—огневая.

Озеръ и рѣкъ обильный водосемъ,
И каждая росинка отъ побѣга
Поникшихъ травъ, веномли хлопья снѣга,—

Потокъ лавинъ въ объемъ тучевомъ.
Весь міръ застыль. Въ той душевной пылкѣ нѣга.
И огонь, вѣдая ливень, рунимъ громъ.

ПИРЬ.

Пирь огненный сверху уже готовь.
Горячій токь дошелъ до нижнихъ далей.
Повѣсилъ по вѣтвямъ нарядъ вуалей,
Такъ скоро послѣ дней разлома льдовъ.

На вербѣ кучки пахнувшихъ цвѣтовъ.
Зима разбила скрѣпы всѣхъ скрижалей.
Взаимну вьюгъ, взаимнъ свинца печатей,
Качанье золотыхъ колоколицъ.

Мой лютикъ. Лютикъ. Ты совсѣмъ не лютикъ.
Купальница. Бубенчикъ. Ты звенишь.
Ущераюсь ласковой минутой.

Предъ иврешествомъ торжественнѣя тишь.
Синѣ синь. И съ громомъ, въ тучѣ вздутой,
Расцвѣлъ Огонь, лозою перегнутой.

ОГНЕБАГРЯНКА.

Расцвѣла въ лѣсу огнебагрянка,
Цѣлый день сверкаетъ какъ свѣтлянка,
Къ ночи затеиается свѣтяжъ,
И въ ночи онъ пьетъ, листьями, мракъ.

Но едва за гранью кругозора
Горныя засвѣтятся озера,
Отдаленность воспріявни чарь,
Вновь живетъ, горитъ цвѣтокъ пожарь.

ПЛАМЯ.

Если пламя голубое
Ты зажжешь на алтарѣ,
Вась, дельфинныхъ, въ храмѣ—двое,
И лицо свое живое,
Весь сия, какъ въ зарѣ,
До лазури наклоняя,
Отгнѣня ту зарю,
Пламя синее вливая,
Богъ вѣщаетъ:—Я горю.
Я съ тобою, земножитель,
Мой модельникъ, мой святитель,
Я съ тобою говорю.
Если ты зажжешь молитву,
Искры въ пляску устремляя,
На горячую ловитву
Я схожу подъ звонъ кацель.
И ловлю я это пламя,
И вздымаю дымъ какъ знамя,
И вдыхаю жаръ души,
Этотъ синій-синій ладань.
Мигъ загаданъ и разгаданъ
Къ свѣтлой цѣли посыланъ.
Что задумалъ, то случится,
Счастье—вѣрное твоё,
Ибо синій пламень лится,
Выпрямляясь какъ копьё.

ВОРОЖБА.

Въ часъ полночный, въ чащѣ лѣса, подъ ущербною Луной,
Тамъ, гдѣ лапчатая ель перемишилась съ сосной,
Я задумалъ, что случится въ близкомъ будущемъ со мной.

Это было послѣ жаркихъ, послѣ полныхъ страсти, дней,
Счастье сжегъ я, но не зналъ я, не жажду ль еще
сильнѣй,

Это было—это было въ Ночь Ивановыхъ Огней.

Я нашелъ въ лѣсу поляну, гдѣ скликалось много совѣ,
Тамъ для смѣлыхъ были слышны звуки странныхъ го-
лосовѣ,

Точно стоны убивенныхъ, точно плѣвныхъ къ вольнымъ зовѣ.

Очертивъ кругомъ завѣтный охранительный узоръ,
Я развелъ на той полянѣ дымно-блещущій костеръ,
И взиравъ я, обращая я на огни упорный взоръ.

Краснымъ вѣтромъ, желтымъ вихремъ, предо мной воз-
никъ огонь.

Чу! въ лѣсу невнятный шорохъ, дальній топотъ, мчатся
ковъ.

Вѣдьма пламени, являйся, но меня въ кругу не тронь!

Кто жь тамъ скачетъ? Кто тамъ плачетъ? Гулкой шумъ
въ лѣсу сильнѣй.

Кто тамъ стонетъ? Кто хоронитъ память бывшихъ мерт-
выхъ дней?

Вѣдьма пламени, явись мнѣ въ Ночь Ивановыхъ Огней!

И въ костръ возникла Вѣдьма, въ ней и страхъ и
красота,

Длины волосы сѣдые, но огнемъ горятъ уста,
Хоть сѣдая—молодая, красной тканью обвита.

Странно мнѣ знакомъ злорадный жадный блескъ зеле-
ныхъ глазъ,

Ты не въ первый разъ со мною, хоть и въ первый—
такъ заглясь,

Хоть впервые такъ тебя я вижу въ этотъ мертвый часъ.

Не съ тобой ли я подумалъ, что любовь—безсмертный
рай?

Не тебѣ ли повторялъ я: „О, гори и не стора!“?

Не съ тобой ли сжегъ я утро, сжегъ свой полдень,
сжегъ свой май?

Не съ тобою ли узналъ я, какъ сознание пьютъ уста,
Какъ душа въ любви сдѣветъ, холодѣетъ красота,
Какъ душа, что такъ любила, та же все—и вотъ не та?

О, знакомъ мнѣ твой влюбленный блескъ зеленыхъ жад-
ныхъ глазъ,

Жизнь любовью и враждою навсегда сковала насъ,
Но скажи мнѣ, что со мною будетъ въ самый близкій
часъ?

Вѣдьма пламени качнулась, и сильнѣй блеснулъ костеръ,
Тѣни дружно заплясали, отъ костра иля въ просторъ,
И змѣнной красотою заирала отливный взоръ.

И на пламя показала Вѣдьма огненная мнѣ,
Вдругъ увидѣлъ я такъ ясно,—какъ бываетъ въ вѣчномъ
сѣ,—

Что возниканъ чья-то личи въ каждой красной головнѣ.

Каждый ликъ—мечта бѣлая, то, что зналъ я, то, чѣмъ
былъ,

Каждый ликъ—сестра, съ которой въ бракъ святой—
душой—вступилъ,

Передъ тѣмъ какъ я съ проклятой обниматься полю-
бить.

Кровью каждая горѣла предо мною головня,
Догорѣла и истлѣла, почернѣла для меня,
Какъ безжизненное тѣло въ пасти дымаго огня.

Ты мѣняешься вѣчно,
 Ты повсюду—другой,
 Ты красный и дымящий
 Въ клочкотаньи костра.
 Ты какъ страшный цѣтокъ съ лепестками изъ пламени,
 Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
 Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
 Съ его голубымъ основаньемъ.
 Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницы.
 Ты, застывши, горюшь въ грозовыхъ облакахъ,
 Фиолетовыхъ, аспидно-синихъ.
 Ты среди шума громовъ и напѣва дождей
 Возникаешь невѣрностью молній,
 То изломомъ сверкнешь,
 То сплошной полосой,
 То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
 Золотой, огневой,
 Съ перемѣнными красными пятнами.
 Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометы.
 Ты отъ Солнца идешь, и какъ солнечный свѣтъ
 Согрѣвательно входишь въ растенья,
 И буди, и мѣнишь въ нихъ таинную влагу,
 То засвѣтишься алой гвоздикой,
 То зашепчешь какъ колючъ пушистый,
 То протанешься пьяной лозой
 Ты какъ искра встанешь
 Изъ глухой темноты,
 Долго ждешь, стережешь.
 Кто пришелъ? Это ты!
 Черезъ мигъ ты уйдешь,
 Но пока ты живешь,
 Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страшнѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

Не устану тебя восхвалять,
 О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
 На тебѣ расплавляются металлы.
 На тебѣ создаютъ и куютъ,
 Много тяжкихъ подкозовъ,
 Много косъ легковозвонныхъ,
 Чтобъ косить, чтобъ косить,
 Много колецъ для пальцевъ лилейныхъ,
 Много колецъ, чтобъ жизни сковать,
 Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, голы долгіе быть,
 И устами остывшими слово Любить
 Повторять.
 Много можешь ты странныхъ вещей создавать.
 Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
 Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
 И отточенный ножъ, чтобъ убить!

Бездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
 Я такой же, какъ ты.
 О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
 Ты живешь, ты живешь!
 Въ старину ты, какъ Змѣя, прилеталъ безъ конца,
 И невѣсть покинулъ отъ вѣнца.
 И какъ огненный гость много разъ, въ старину,
 Ты утѣшля чужую жену.
 О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!
 Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
 Ты горюшь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
 Весь согрѣтый измѣняемымъ золотомъ, праздникъ осен-
 ныхъ листовъ.

Ты блестяще как двенадцативертный алмазь,
Как колючая ласкательность женских влюбляющих
глаз,

Как восторг изумрудный волею Окееана,
Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожитъ
и качается,

Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажатые свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ
и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигала ты меня,
Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня,
Насъ терзала за то, что мы видѣли тайное,
Сожигала за радость полкочного шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Была не страшна Огонь.

Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межъ невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы гласали хваленя Даятелю силъ.
Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.
Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ

Предъ безвѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.
Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многовѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихій, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Заквѣтила мнѣ — Смерть!

АГНИ.

Красные кони, красные кони, красные кони — кони мои,
Ярки ихъ гривы, вьются извивы, пламенные взрывы,
ржутъ въ забытыя.

Ржутъ, что есть ночи, дрогнули ночи, конскія очи —
могилный свѣтъ.
Святъ козюмы, будутъ имъ громы, рухнутъ хоромы
вышнихъ примѣтъ.

Жаркіе кони, яркие коня, жаркіе кони — кони мои.
Тонуть в камень — тонуть — и пламень выросъ и взвился
пророчій змѣи.

Звонки подковы, златы и новы, пашны покровы крас-
ныхъ попоны.
Въ Мирѣ — вѣшанье, капель жуужанье, рѣзвое ржанье,
хохотъ и стонъ.

Бѣлый — рождаясь, красный — взметаясь, весь расцвѣчаясь
въ пронастихъ дна,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь
меня?

ПАРЧА.

Служанкамъ и слугамъ,
Вѣтрамъ изъ-за кручи,
Въ стремленихъ упругомъ
Довѣрены тучи.

Служанки качаютъ
Своимъ опахаломъ,
И слуги вѣчаютъ
Ихъ отблескомъ алымъ.

И тучи-парщи,
На горныхъ престолахъ,
Отъ ласкъ огневины
Всѣ въ краскахъ веселыи.

И дождь, столь желанный,
Сбѣгаетъ лавиннымъ,
Парчей сребротканной,
Тканьемъ паутиннымъ.

ПО ТРОПИНКѢ.

Отъ яблоки розово-бѣлой,
Отъ вишеня цвѣтомъ бѣлой,
Отъ звоновъ пчелиныхъ, со смѣлой
Игрою гуляющихъ шмелей, —

Въ душѣ первоутренне-чистой
Раскрылся невидимый цвѣтъ,
Въ немъ воздухъ и звонъ серебристый,
Ему же названія нѣтъ.

Качается часть съ лепестками,
Срываясь, летять лепестки,
И легкими кто-то ногами
Танцуетъ надъ гладью рѣки.

И легкою кто-то рукою
Туманъ разбросалъ во верхамъ,
Гдѣ овцы идуть къ водою
Черезъ пламень по синимъ путямъ.

Гдѣ бѣлая туяна коровы,
Гдѣ красный свирѣлитъ быкъ,
Гдѣ вдругъ изъ безгласной основы
Взметается громкѣй языкъ.

Гдѣ манятъ фиалки все въяне,
Зовутъ незабудки меня,
До солнечной двери и крыши,
Но вазетной тропинкѣ огня.

СЕРЕБРО ИЛИ ЗОЛОТО.

Серебро или золото? Серебро или золото?
Ты увидишь сейчасъ, ты узнаешь отъ насъ.
Мы стучимъ, и гора острыми расколота.
Загорается глазъ многоцвѣтныхъ прикрасъ.

Тихина ли застывшая? И Луна ли холодная?
Или Солнце горитъ, и, горя, говоритъ?
Всеокружно готовится празднество водное.
Между яшмовыхъ плитъ замелькалъ хризолитъ.

Помынутно пожарами оживляетъ излучина.
Мы стучимъ долотомъ, мы смѣемся притомъ.

Древесины горящей так много здесь сжучено.
Мы гремишь молоткомъ, отколкается громъ.

Серебро или золото? Серебро или золото?
Это въ пѣни чаръ, разрѣшить нашъ ударъ.
Вотъ вознесся размахъ захмельнаго молота,
Золотистый пожаръ серебришь крутояръ.

ВЕРХОВНЫЕ КОНИ.

Въ небесахъ серебряные кони,
Бѣшено несутся табуны,
Вѣтромъ вознесимыя погони
Отъ земли до верхней вышины.

На землѣ обильны водосмы,
Иалучила влага лишекъ силъ,
И желаютъ будущіе громы,
Чтобъ изломомъ пламень ихъ пронзилъ.

У коней замѣдлели гривы,
Бронзовыми стали табуны,
И одни изъ нихъ упрямо снывы,
И другіе потемнѣть должны.

А еще другіе, съ гривой красной,
Съ гривой рыжей, рыанье другихъ,
Обглодаютъ всѣхъ стезей опасной,
Искрометный зрѣть въ небѣ стихъ.

Ближе закрѣпляющійся шорохъ
Призрачныхъ несчитанныхъ копытъ,
Развернулся хлопьевъ дымный ворохъ,
Каплями надземный воздухъ зрѣть.

Завершились рдьяны погони,
Добѣжалъ табуны до табуна,
И заржали бронзовые кони,
Раздробивъ оплотъ изъ чугуна.

КОНИ БУРЬ.

Ржали кони по лазури,
Разоржались кони буръ,
И, дождавшись громкой бури,
Разрумянили лазурь.

Громы, рдѣя, разрывали
Крѣпость мраковъ, черной кругъ,
Въ радость радуги играли,
Воздвигали ряность дугъ.

Завершивъ свой подвигъ трудный,
Ливень струй освободивъ,
Миръ растений изумрудный,
Весь прикрыли мглою гривъ.

И промчался въ небѣ верытомъ,
Арку радуги дождли,
И ушла, гремя копытомъ,
Чу, послѣдній громъ адали.

НЕБЕСНЫЙ БЫКЪ.

На золотыхъ рогахъ
Небеснаго быка,
Въ снѣжинныхъ облакахъ,
Гдѣ вѣчная рѣка, —

Въ лазури высоты,
Слились живымъ вѣнкомъ
Багряные цвѣты
Надъ сумрачнымъ быкомъ.

Возрадовался быкъ,
Возликовалъ, стена,
Любить онъ не привыкъ
Безъ громаго огня.

Онъ туго возопилъ,
И прокатился громъ.
Какъ будто омутъ сить
Взыгралъ своимъ жерломъ.

Прорвался облака,
Небесный глянуть луть,
Три сотни для быка
Коровъ стоять вокругъ.

И въ праздникъ огня
До каждой есть прыжокъ,
И каждая, стена,
Любовный знаетъ срокъ.

И сладостень разрывъ
Отъ острія любви,
И много влажныхъ нивъ
Въ заоблачной крови.

А къ вечеру вдали
Зажглась въ выси звѣзда,
И на ночлегъ пошли
Небесная стада.

ПЕРУНЪ.

У Перуна ростъ могучій,
Ликъ пріятный, усь золотой,
Онъ владѣеть влажной тучей,
Словно дѣвой молодой.

У Перуна мысли быстрые,
Что захочеть—такъ сейчасъ,
Сыплеть искры, мечеть искры
Изъ зрачковъ сверкнувшихъ глазъ.

У Перуна знойная страсти,
Но, достигнувъ своего,
Что любилъ онъ—рветъ на части,
Тучу сжегъ—и иѣтъ его.

БОГИНЯ ГРОМОВНИЦА.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
Моя полюбовница
Лежала въ гробу.
И вѣтры весенніе плакали жалостно,
И съ волнами, яростно,
Играли на флейтахъ и дули въ трубу.

Покройница юная—о, съ косами русыми
И съ рдяными бусами
На шеѣ своей—
Бѣла застылая, словно дремотная
Купава болотная,
Что еле раскрылась среди камышей.

Дѣвица волшебная, богиня-Громояница,
Душа-Полобовница,
Ты крѣпко ли спишь?
Ужели ты вновь не исполнишься силою
Предъ богомъ Ярлюю,
Не вспрянешь со смѣхомъ, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молньями раяными
Взмахнулъ надъ туманами,
О, слава мечу!
Какая ты свѣтлая съ этими маками,
Ты мчишься надъ мраками,
Ворчатъ твои громы, рычатъ они. Чу!

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОМЪ.

Красной каменной покой свой убравъ,
Принеся въ него много лѣсныхъ, стрѣловидныхъ, какъ
будто отлеченныхъ, травъ,

Я сиотрю, хорошо ли убрана моя хата,
И горить ли въ ней сѣребро, ярко ли злато.
Все какъ и нужно кругомъ.
Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, цвѣтятся огнемъ,
Сердце колдуетъ—

Что это? Что это тамъ за окномъ?
Дрогнула молнія въ небѣ! Темнѣетъ оно. Негодуешь?
Или довольно, что въ этомъ вотъ сердцѣ пожаръ?
Вѣтеръ прерывисто дуетъ.

Громъ.
Гулко гремитъ за ударомъ ударъ.
Длится размахъ громового раската.
Свѣтится золотомъ малая хата.

И, опоясанъ огнемъ,

Въ брызгахъ, въ изломахъ червленого злата,
Въ рокотахъ струнъ,
Съя алмазы продолжнымъ дождемъ,
Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ ваврата,
Мчится—Перунъ.

ПОГОНЯ.

Чей это тонотъ?—Чей это шопотъ?—Чей это свѣтится
глазъ?
Кто это въ кругѣ—въ бѣшеной вьюгѣ—пляшетъ и
путаетъ насъ?
Чьи это крылья—въ дрожи безсилья—бьются и снова
летятъ?
Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блестящій
взглядъ?
Чье это слово—вѣчно и ново—въ сердцѣ поетъ какъ
гроза?
Чьи неоступно—можетъ, преступно—смотреть и смо-
трать глаза?
Кто измѣнялся—кто это сваяся—въ полный згнѣности
жгутъ?
Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—бѣгутъ?

РЫЦАРЬ.

Кто ты, летящій за чертой?
— Вонзель бури молодой,
Зажгу свѣчу, проснется громъ.
И сломить тучу мой изломъ.

Мой мечъ—огонь. Мой красный конь—
Въ неутомимости погонь.

Лечу, свѣчу,—и токь пожда
Играеть, тучу бороздя.

Мой круглый щитъ, семи цвѣтвъ,
Горитъ на чашечкахъ цвѣтвъ
Въ ростъ—мой обликъ молодой,
Я рыцарь Молнии златой.

ГРОМОВЫМЪ СВѢТОМЪ.

Меня крестить несли весной,
Весной, нѣтъ, раннѣе лѣтомъ,
И дождь пролился надо мной,
И громъ гремѣлъ при этомъ.
Предъ самой церковью моею,
Свѣтлыней деревенской,
Цвѣли цвѣты, бѣжали ручей,
И смѣхъ струился женскій,
И прежде чѣмъ меня внесли
Въ притихшій мракъ церковный,
Крутилась молнія вдали,
И градъ плясаль неровный.
И прежде чѣмъ меня въ купель
Съ молитвой опустили,
Пастушка нѣла мнѣ свѣрѣлъ
Надъ снѣгомъ водныхъ лили.
Я раньше былъ крещень дождемъ,
И освященъ грозою.
Уже священникомъ потомъ,
Слѣвою и слезою.
Я въ дѣтствѣ дважды былъ крещень,
Крестомъ и громнымъ лѣтомъ,
Я буду вѣчно видѣть сонъ,
Навѣкъ съ громовымъ свѣтомъ.

ОГОНЬ.

1.

Огнепоклонникомъ я прежде былъ когда-то,
Огнепоклонникомъ останусь я всегда.
Мое Индѣйское мышление богато
Разнообразіемъ разсвѣта и заката,
Я между смертными—падучая звѣзда.

Средь человѣческихъ безвѣстныхъ привидѣній,
Межъ этихъ будничныхъ безжизненныхъ тѣней,
Я вслѣшка яркая, блаженство изступленій,
Играю красочной свѣтло въичанный геній,
Я праздникъ радости, разсвѣта и огней.

Какъ обольстительна въ провалахъ тьмы комета!
Она пугаетъ мысль и радуеть мечту.
На всемъ моемъ пути есть свѣтлая примѣта,
Мой взоръ—блестящій кругъ, за мною вихри свѣта,
Изъ тьмы и пламени узоры я плету.

При разрѣшенности стихійнаго мечтанья,
Въ начальномъ хаосѣ, еще незнавшемъ дня,
Не гномомъ роющимъ я былъ средъ мірозанья,
И не уединю морского тренетанья,
А саламандрою творянатаго Огня.

Подъ Гималаями, чья высь—въ блескахъ рай,
Я повѣялъ яркость думъ, среди долинной мглы,
Горѣла въ темнотѣ моя душа живая,
И людямъ я свѣтилъ, костры имъ зажигаа,
И Агни свѣтлому слагать свои хвалы.

Съ тѣхъ поръ, какъ интъ одинъ, прошли тысячелѣтя,
Смѣшались языки, содвинулись моря,
Но все еще на свѣтъ не въ силахъ не глядѣть я,
И знаю явственно, пройду еще столѣтя,
Я буду все свѣтить, сжигая и гора.

О, да, мнѣ нравится, что было такъ и ало
Горѣнье вѣчное земныхъ и горныхъ странъ.
Молиться Пламени сознание не устало,
И для блестящаго мнѣ служить ритуала
Уста горячія, и Солнце, и вулканъ.

Какъ убѣдительно лучей растушихъ чара,
Когда намъ Солнце вновь бросаетъ жаркій взглядъ,
Неисчерпаемость блестятельнаго дара!
И въ красномъ заревѣ побѣдлага пожара
Какъ убѣдительно, въ оправѣ тьмы, закаты!

И въ страшныхъ кратерахъ — молитвенные взрывы,
Качаясь въ пропастяхъ, рождаются на днѣ
Колосья пламени, чудовишно-красивы,
И вдругъ взметаются пылающія нивы,
Уставъ скрывать свой блескъ въ могучей глубинѣ.

Бѣгутъ колосья ввысь изъ творческаго горна,
И шелестѣнья ихъ слагаются въ напѣвъ,
И стебли жгучіе сплетаются узорно,
И съ свистомъ падаютъ пурпуровыя зерна.
Для сна отдѣльности въ той слитности созрѣвъ.

Не то же ль творчество, не то же ли горѣнье,
Не тѣ же ль ужасы, и та же красота,
Кидають любящихъ въ безумныя сплетенья,
И заставляютъ ихъ кричать отъ наслажденья,
И замыкають имъ безмолвіемъ уста.

Въ порывѣ бышества въ себя принявши вѣчность
Въ блаженствѣ сладостномъ истомной слѣпоты,
Они вдругъ чувствуютъ, какъ дышетъ Безконечность,
И въ ихъ сокровищахъ, сквозь ласковую млежность,
Молніеносные рождаются цвѣты.

О непоклонникомъ Судьба мнѣ быть велѣла,
Мечтѣ молитвенной ни въ чемъ преграды нѣтъ.
Единымъ пламенемъ горятъ душа и тѣло,
Глядимъ въ бездонность мы въ узорностяхъ предѣла,
На вѣчный праздникъ снова зоветь безбрежный Свѣтъ.

2.

Огонь въ своемъ рожденнѣ малъ,
Безформенъ, скудеетъ, хромъ,
Но ты взгляни, когда она, ахъ,
Красивымъ исполнимомъ всталъ,
Когда онъ сталъ Огнемъ!
Огонь обманчивъ, словно духъ: —
Тотъ можетъ встать какъ тѣнь,
Но вдругъ заполнить взоръ и слухъ,
И ночь измѣнить въ день.
Вотъ былъ въ углу онъ, на полу,
Кривился, дымно-сѣрь,
Но вдругъ блестящей сбѣлалъ мглау,
Удвоилъ свой размѣръ.
Размѣръ мѣняя, опьянилъ
Всѣ числа, въ сонъ ихъ сливъ,
И въ блескѣ смѣха, полонъ силъ,
Внезапно сталъ краснѣть.
Ты слышишь? Слышишь? Онъ поетъ,
Онъ славить Красоту,
Вотъ-вотъ, до неба достаетъ,
И вѣтся наесту!

Огонь приходит съ высоты,
Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
Своей растушей темноты,
И порождающей черты
Молниеносныхъ содроганий.
Огонь приходит съ высоты,
И, если онъ въ землѣ таится,
Опъ лавой вырваться стремится
Изъ подземельной тѣноты,
Когда жъ съ высотъ лучомъ струится,
Онъ въ хороводъ зоветъ нѣтъ.

Вонъ лотосъ, любимаецъ стихии тройной,
На свѣтъ и на воздухъ, надъ зыбкой волной,
Поднялся, покинувши пьлъ,
Онъ рай общаетъ намъ съ вѣчной весной,
И съ блескомъ побѣдныхъ свѣтелъ.
Вотъ пышная роза, Персидскій цвѣтокъ,
Душистая греза Ирана,
Предъ розой исполненъ влюбленныхъ я строкъ,
Волнуетъ уста лепестковъ вѣтерокъ,
И сердце отъ радости пьяно.
Вонъ чамакъ, цвѣтушій въ столѣтне разъ,
Но грезу лѣвѣшій — вѣкъ,
Онъ тоже отсюда прѣмѣта для насъ,
Куда убѣгаютъ, въ волеенья свѣтѣсь,
Всѣ воды намъ вѣдомыхъ рѣкъ.

Но что это? Дрогнувъ, мѣняются чары,
Какъ будто бы смѣхъ Соблазнителья-Мары,
Сорвавшись къ долинамъ съ вершинъ,
Мнѣ шепчетъ, что жадны, какъ звѣри, растенья,

И сдавленность воллей я слышу сквозь пѣнье,
И если мечтѣ драгоцѣнныя каменья,
Кровавы гвоздики и страшенъ рубинъ.

Мнѣ страшенъ утаръ ароматовъ и блескъ расцвѣта,
Все смѣшалось во мнѣ,
Я горю какъ въ Огнѣ,
Душное лѣто,
Цвѣточный кошмаръ овладѣть раставленной мечтой,
Синие пляшутъ огни, пляшетъ Огонь золотой,
Страшною стала мнѣ даже трава,
Вижу, какъ въ маревѣ, стебли нѣмые,
Пляшутъ и мысли кругомъ и слова.
Мысли — мои? Или, можетъ, чужія?

Закатное Небо. Костры отдаленные,
Гвоздики и маки, въ своихъ сновидѣнныхъ бессонныхъ
Волчды подъ Луной, привидѣнья она,
Обманные бредить огни
Пустьярями умывами.
Георгины тупые, съ цвѣтами застылыми,
Точно ихъ создала не Природа живая,
А измыслилъ въ безжизненный мигъ человѣкъ.
Одуванчиковъ стая съдая.
Милліоны раздавленныхъ красныхъ цвѣтовъ,
Клокотанье кроваво-окрашенныхъ рѣкъ.
Гнегъ пустыни надъ выжженной ширью песковъ.
Кактусы, цѣпкіе, хищные, сочные,
Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
Не по цвѣточному прочные.
Что-то пауچه ѣсть въ кактусѣ зломъ,
Мысль онъ пугаетъ, хоть манитъ онъ взглядъ,
Этотъ ликующій цвѣтъ,
Смотришь — растение, а можетъ, быть — нѣтъ,

Алою кровью напившийся гадь?
И много, и много отвратностей разных,
Красивых цвѣтовъ, и цвѣтовъ безобразныхъ,
Нахлынули, тнутса, вь мысляхъ — прибор,
Рожденный самою Судьбой.

Болитоговъ, наркозъ съ противнымъ духомъ,
Воронковидный вѣнчикъ бѣлены,
Затерто-желтый, съ сѣтью синихъ жилокъ, —
Вь отгѣнкахъ буро-красныхъ заразиа,
Съ покатою шлемовидною губой, —
Подобный пауку, офрясь, съ губою
Широкой, желто-бурою, и красной, —
Колочее созданіе татарникъ,
Какъ бы вь бронѣ крылоподобныхъ листьевъ,
Зубчатыхъ, паутянисто-шерстистыхъ, —
Дурманъ воиочій, — мертвенный морозникъ, —
Цвѣты отравы, хищности, и тьмы, —
Мыльнянка, съ корневищемъ ядовитымъ,
Валюбившая края дорогъ, опушки
Лѣсныя и рѣчные берега,
Мѣста, что вь самой сущности предѣльны,
Цвѣтокъ любимый бабочекъ ночныхъ, —
Вороній глазъ, съ приманкою изъ ягодъ
Отливноцвѣтныхъ, синеваго-черныхъ, —
Пятнадцатилучистый сложный зонтикъ
Изъ ядовитыхъ бѣленькихъ цвѣтковь,
Зовущихся, такъ памятно, цикутой, —
И лилія исчадія Земля,
Ужасная растеня полузвѣри, —
Вь лѣвивыхъ водахъ, медленно текущихъ,
Вь затокахъ, гдѣ стоячая вода,
Вся полная сосудцевъ, пузырчатка,
Капканъ для водной, мелочи животной,

Предъ жертвой открываетъ тонкій клапанъ,
Замкнетъ его вь тюремномъ пузырькѣ,
И уморить, и лакомится гниаю, —
Росыака ждетъ, какъ воръ, своей добычи,
Орудіемъ уродливыхъ желѣзковъ
И красныхъ волосковъ, такъ липко клейкихъ,
Удавливаетъ мухъ, ихъ убиваетъ,
Удавливаетъ медленнымъ сжиманьемъ, —
О, крабъ-цвѣтокъ! — и сокъ изъ нихъ сосетъ,
Болотная причудливость, растеніе,
Которое цвѣткомъ не хочетъ быть,
И хотъ имѣеть гроздь расцвѣтовъ бѣлыхъ,
На гада больше хочетъ походить.
Еще, еще, косматыя, сѣдые,
Мохлягыя, жестоки видѣныя,
Изымышленныя дьявольской мечтой,
Чтобъ сердце вь достовѣрїишемъ, вь послѣданемъ
Убѣжищѣ, среди цвѣтовъ и листьевъ,
Убить.

Кошмаръ! уходи, я рожденъ, чтобъ ласкать и любить!
Для чаръ безпредѣльныхъ раскрыта душа,
И все, что живетъ, расцвѣтая, спѣша,
Привѣтствую; каждому — хочется быть,
Кѣмъ хочешь, тѣмъ будешь, будь вольнымъ, собой,
Ты черный? Будь чернымъ, мой цвѣтъ — голубой,
Мой цвѣтъ булетъ бѣлымъ на вышнихъ горахъ,
Вь вертепахъ я весель, я страшенъ вьпотмахъ,
Все, все я приѣмлю, чтобъ сдѣлаться Всѣмъ,
Я слѣпъ былъ — я вижу, я глухъ былъ и нѣмъ,
Но какъ говорю я — вы знаете, люди,
А что я услышалъ, застывши вь безжалостномъ Чудѣ,
Скажу, но не все, не теперь,
Нѣтъ словъ, нѣтъ развѣтровъ, ни знаковъ,

Чтобъ таинство блесковъ и мраковъ
Явить въ полночь, только мигъ — и закроется дверь,
Песчинокъ блестящихъ я нѣсколько брошу,
Желанень мяѣ ликъ Человѣка, и Боги, растение, и
птица, и звѣрь,
Но свѣтлую нощу,
Что въ сердцахъ храню,
Я долженъ пока сохранять, я покаялся, я клялся — Огню.

4.

Буря прончалась,
Конченъ кошмаръ,
Солнце есть вѣчный пожаръ,
Въ сердцахъ горячая радость осталась,
Ждите. Я жду.
Если хотите,
Темными будьте, живите въ бреду,
Только не лгите,
Самъ я въ вертепы насъ всѣхъ поведу.
Если хотите,
Мысли сплетайте въ лучистыя нити,
Свѣтлая ткань хороша, хороша,
Только не лгите,
Къ Солнцу идите, коль Солнца восстину хочеть душа.
Все совершится,
Кругъ неизбѣженъ,
Люди, я нѣженъ,
Сладко забыться.
Пытки я вѣдалъ. О, ждите. Я жаду.
Рѣчь отъ Огня я и Духа веду!

5.

Лучи и кровь, цвѣты и краски,
И искры въ пляскѣ вокругъ костровъ —

Слова одной и той же сказки
Разсвѣтовъ, полдней, вечеровъ.

Я съ вами быть, я съ вами буду,
О, многоликости Огня,
Я умъ зажечь, отдался чуду,
Возможно счастье для меня.

Въ темнотѣ кузницъ неустанныхъ,
Гдѣ горнъ и молотъ, жаръ и чадъ,
Слова нагбововъ звѣздоткаинныхъ
Неумолкаемо звучать.

Съ Огнемъ неразлучимы думы,
Но горючѣйшій блескъ углей
Поеть, что свѣтлы Серафимы
Надъ тѣсной зѣлностью моею.

Есть Духи Пламени въ Незримомъ,
Какъ здѣсь цвѣты есть изъ Огня,
И пусть я самъ развѣюсь дымомъ,
Но пусть Огонь войдетъ въ меня.

Горѣть хотя одно мгновенье,
Свѣтитъ хоть краткій часъ звѣдой —
Въ томъ радость вѣрнаго забвенья,
Въ томъ праздникъ ярко-молодой.

И если въ Небѣ Солнце властно,
И свѣтлы звѣздные пути,
Все жъ искра малая прекрасна,
И можетъ алый цвѣтъ цвѣсти.

Гори вулканъ, и лейся лава,
Сіяйте, звѣзды, въ вышинѣ,
Но пусть и адъсъ — да будетъ слава
Тому, кто сжегъ себя въ Огнѣ.

СТРАСТЬ.

Страстью зачался мѣръ,
Страсть—въ ясновидѣнны глаза,
Страсть—въ многозвонности лиръ,
Въ страсти—костерь для насъ!

Страсть—волшебство сапфировъ,
Не боящейся въ пропасть упасть,
Страсть это жаущая ты,
Славьте слѣпую страсть!

ЛЮБОВЬ.

Любовь есть свѣтъ, который жжеть и задѣваетъ,
Онъ самъ идетъ, къ себѣ идетъ, но насъ касается
И какъ цвѣтокъ красивъ и свѣжъ отъ капель свѣтлаго
Такъ мудро счастливы и мы, на мигъ, когда въ насъ
дышетъ тайна.

ДО РОЖДЕНЬЯ.

Еще до рожденья, къ намъ въ нѣжное ухо
Нисходитъ съ лазурнаго неба эвѣръ,—
Оттуда имѣемъ сокровище слуха,
И съ дѣтства до смерти мы слушаемъ мѣръ.

Еще до рожденья, отъ Солнца нисходитъ
Утонченный лучъ въ сокровенный зрачокъ,—
И ищетъ нашъ глазъ, и часами находитъ,
Небесное въ буквахъ всѣхъ временныхъ строкъ.

Еще до рожденья, влелѣяны свѣтломъ
И мглами и снами различнѣйшихъ лунъ,—
Мы стройно проходимъ по разнымъ планетамъ,
И въ звѣздныя ночи адъсъ разумъ нашъ юнкъ.

Земные, небесны мы въ сказочной мѣрѣ,
Но помнимъ лишь рѣдко тотъ видѣнный соль,—
Еще до рожденья, еще на Венерѣ,
Въ тебя я, о, сердце, былъ звѣздно влюбленъ.

ПРЕДЪИЗБРАННЫЕ.

Я солнце, ты мѣсяцъ. Я серпъ новолунный, а ты золо-
тая звѣзда.
Съ луною я солнце. Съ звѣздой я мѣсяцъ. Такъ было
и будетъ всегда.
Я разумъ, ты сердце. Я сердце, ты нѣжность. Я птица,
ты птица вдали.
Я буду стремиться. Ты будешь скрываться. Иначе мы
быть не могли.
О, милое счастье. Я жажда, ты сказка. Ты тайна и сладь-
самодѣять.
Ты полночь, я утро. Мы зори въ юнкѣ. Мы ленивъ и пѣсня
и бредъ

ЛѢСТНИЦА ЛЮБВИ.

Только бы встрѣчаться.
Только бы глядѣть.
Молча сердцемъ пить.

Вздоргнуть и признаться.
Вдруг поцѣловаться.
Ближе быть, обняться.
Сномъ однимъ горѣть.
Двумъ въ одно смѣшаться.
Безъ конца сливаться.
И не разставаться.
Вмѣстѣ умереть.

СЧАСТЬЕ.

Счастье! въ желанномъ себя потерявъ,
Будешь любить.
Нѣжно за волосы взявъ,
Будешь ротъ его пить,
Цѣлющій ротъ его пить,
Какъ росу испиваютъ по каплѣ расцвѣтности травъ.
Счастье! Себя потерявъ,
Снова себя находить
Въ этомъ другомъ,
Въ нить золотую его перевить свою тонкую нить,
Быть лепесткомъ съ лепесткомъ,
Чашей двойною расцвѣтшихъ купаъ,
Чашей одной, затанвиной вино,
Слѣтно упасть на завѣтное дно,
Быть между забытыхъ травъ,
Сердце до милого сердца прижавъ,
Знать, что Судьбой это все рѣшено,
Въ звѣздахъ, давно.

ДОЧЬ ЗЕМЛИ.

Есть слово. Древле духи-исполины
Изъ областей заоблачныхъ ушли,

И заселили пышныя долины,
Влюбившись въ чару дочерей земли.

Мнѣ снилось. Со стремнинъ горы сбѣгая,
Пробивъ журчаньемъ вышніе снѣга,
Кипѣль ручей, рѣка, еще, другая,
Они стремились въ глубь ложбинъ, въ луга.

Мнѣ снилось. Облаковъ скрѣпились кручи,
Имъ любо было мѣрять вышину,
Не грянулъ громъ, и дождь возникъ пѣвучій,
Чтобъ брызнуть внизъ, поцѣловать весну.

Мнѣ снилось. Ястребъ въ себя рѣялъ сизый,
Круги, круги, полетъ его высокъ,
И вдругъ, упавъ сквозь облачныя ризы,
Онъ въ воздухѣ добычу сжалъ въ комокъ.

Мнѣ снились—долго снились—сновидѣнья,
Въ томъ маревѣ былъ талисманъ вдали,
И оттого весь полонъ былъ я пѣнья,
Что я хотѣлъ, влюбленный въ дочь земли.

ЖРИЦА.

Ты похожа на жрицу забытыхъ религій,
Гдѣ какальницы, струны, Луна, и шѣты,
И зазывныя строки невидимой книги,
Чьи страницы упали какъ снѣгъ съ высоты.

Она дурманитъ мечту, синеватый тотъ ладанъ,
Искурясь язъ чаши, звенящей въ ночи,
Въ немъ ликующимъ богомъ навѣки угаданъ
Нескончасмый даръ пламенѣть лучи.

И дурманять мечту отдаленныя струны,
Перезвонный, уклонный, и сонный напѣвъ,
А по небу идутъ многоликія луны,
Неземной хороводъ отдающихся дѣвъ.

И надъ ними одна, возлесеиный и краше,
Серебристымъ серпомъ мнѣ сияеть луна,
А цвѣточныя, пріяныя, бѣлыя чаши
Говорятъ, что любить и лобзать—ты должна.

Черезъ дымы проходить забытыя лица,
Есть такія, что къ нимъ принимаю я, любя,
Но лишь ты мнѣ желанна, о, странная жрица,
И, ужаленъ тобой, я цѣлую тебя.

ТКАНЬ.

Твоя пѣвучая рука,
Твои поющія движенія,
Во мнѣ рождаютъ облака,
Въ которыхъ буря и стремленье.

Твои двѣ вставшія волны,
Которыя зовутся груди,
Меня всегда уводятъ въ сны,
И я горю въ томящемъ чудѣ.

Въ два голубые василька,—
А въ сумеркахъ они фіалки,—
Замкнулась тайная рѣка,
Чей ходъ подобенъ ходу прядки.

И вотъ ты ткешь, и вотъ мы ткемъ
Непрерываемыя ткани,
Гдѣ полночь смѣшана съ огнемъ,
На стеблѣ ночи цвѣтъ сверканій.

ОДНА.

Твои глаза—какъ тихая вода въ зарѣ вечерней.
Твоя душа—какъ свѣтлая загалка той воды.
Все въ жизни—въ измѣненіи, и каждый часъ—невѣрній.
Твое прикосновение—какъ бѣлый лучъ звѣзды.

Мерцаеть лишь зарницами—далекой праздникъ грома.
Замедленные сумерки—лишь просвѣтленный день.
Я долго былъ въ изгнаніи—съ тобой я вѣчно дома.
Я видѣлъ много призраковъ—твоя отдавлена тѣнь.

И если чарой полночи—раскинется завѣса,
И тамъ въ лазури матовой—воцлѣдетъ серпомъ Луна,
Одна березка стройная—нѣжкій всей чаши дѣса,
Одна купава бѣлая—восходитъ вверху со дна.

СЕРЕБРЯНЫЯ ТУФЕЛЬКИ.

У нея серебряныя туфельки,
Золотыя серьги въ ушахъ,
Золотые густые волосы,
Пожаръ въ высокихъ каблукахъ.
Она бѣгаетъ, бѣгаетъ, бѣгаетъ,
Какъ бѣлая мышка на кругу,
Она прыгаетъ, мелькаетъ, и прыгаетъ,
Какъ бѣлка, очутившись на лугу.

Кто ее увидитъ, погонится,
Поймать никакъ нельзя,
Сейчасъ же она гдѣ-то схоронится,
Лишь зарницами свѣтитъ стезя.

Я видѣлъ ее въ Благовѣщенье,
Когда я маленькимъ мальчикомъ былъ,
Она была тогда еще босоножкою,
И я ножки ея полюбилъ.

Такія бѣленькія, такія озябшія,
Вѣдь только что начиналась весна,
Такія розовыя, точно тюльпанчики,
Переминалась, переминалась она.
Переминалась, какъ птичка перелетная,
Въ тонкой ручкѣ голубой подснежничкѣ цвѣтъ,
Я пошелъ къ ней, но въ небо взвился жаворонокъ,
А ея на томъ мѣстѣ я не нашель.

Я видѣлъ потомъ ее, когда была юношей
И стыдился малыхъ усиковъ своихъ,
Я не зналъ, ее вижу или не вижу я,
Но я пропѣлъ ей свой первый стихъ.

Въ тотъ день всѣ смѣющіяся дѣвушки
Завивали многоцвѣтные вѣтки,
Одна приглянулась мнѣ особенно,
На ней были необычныя башмачки.
Точно сорвала она двѣ бѣлыя ялики,
И въ нихъ спрятала малыя ножки свои,
Я къ ней, ея нѣтъ, смѣются всѣ дѣвушки,
Въ сердцѣ брызнули алые ручьи.

Я ищу ее съ тѣхъ поръ, какъ ищу счастье,
На опушкахъ, на расцвѣтшихъ рубежахъ,
Узнаю серебряныя тувельки
По каплямъ росы на лепесткахъ.
Чуть верба золотыми сережками
Приманить захмѣлѣвшихъ пчелъ,
Я съ нѣжнымъ ощущаю отчаянствѣмъ,
Что желанную почти я нашель.
Вотъ тутъ она разсыпала яютки,
Гдѣ-то тамъ ея единая краса,
Золотые убѣдительныя волосы,
Уводящіе къ Солнцу въ небеса.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
Они дрожать, они алмазы,
Какъ въ часъ предугревной звѣзда.
Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
Съ начала міра и донинѣ,
И будутъ первыми всегда.
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безпредѣльны,
Легки, какъ всплески въ тростникахъ,—
Какъ взмахи птицы опьяненной,
Съ другою птицею сплетенной
Въ лучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

ВСЕЯ ВЕСНА.

Мой милая!—ты сказала мнѣ.—
Зачѣмъ въ душевной глубинѣ
Ты будишь бурныя желанья?
Все, что въ тебѣ, влечетъ меня.
И вотъ въ душѣ моей, звеня,
Ростеть, ростеть очарованье!

Тебя люблю я столько лѣтъ,
И нѣженъ я, и я поэтъ.
Такъ какъ же это, совершенство,
Что я тебя своей не звалъ,
Что я тебя не цѣловалъ,
Не задыхался отъ блаженства?

Скажи мнѣ, счастье, почему?
Пойми: Никакъ я не пойму,
Зачѣмъ мы стали у предѣла?

Зачѣмъ не хочешь ты любить,
Себя въ восторгѣ позабыть,
Отдать и душу мнѣ и тѣло?

Пойми, о, нѣжная мечта:—
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я въ страсти звѣзды создаю
Я весь—весна, когда пою,
Я—свѣтлый богъ, когда пѣлую!

ДРЕВНІЙ ПЕРСТЕНЬ.

Въ ночахъ есть чара искони,
Издравле любятся впотѣмахъ.
Закрой глаза. Усни. Усни.
Забудь, что въ мірѣ дышетъ страхъ.

Я древній перстень снялъ съ перста,
Имъ мысль скрѣпляю какъ вѣнцомъ.
Ужъ ты не та. Не та. Не та.
Мы вмѣстѣ скованы кольцомъ.

Мерцаетъ въ перстнѣ каменьонъ,
И холодѣешь ты во снѣ.
Въ тебѣ чуть внятный звѣздный звонъ.
Предайся мнѣ. Лишь мнѣ. Лишь мнѣ.

Завѣтный камень, волкоокоъ,
Въ себя вобрала всю власть Луны.
Люби. Люби. Твой сонъ глубокъ.
Люби. Мы всѣ любить—должны.

ЗАКЛИНАНІЕ ВОДЫ И ОГНЯ.

Я свѣтъ зажгу, я свѣтъ зажгу,
На этомъ берегу.
Или тихонько.
Слѣди, на камнѣ есть вода,
Иди со мной, съ огнемъ, туда,
На бѣломъ камнѣ есть вода.
Иди тихонько.

Рука съ рукой, рука съ рукой,
Завѣсь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тотъ кто-то, можетъ, слышитъ насъ.
Слѣди, чтобъ свѣтъ нашъ не погасъ,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свѣтъ несемъ, мы свѣтъ несемъ,
Рабы намъ Ночь со Днемъ.
Или тихонько.
Слѣди, рука съ рукой тверда,
На бѣломъ камнѣ есть вода,
Свѣти, идемъ съ огнемъ туда.
Иди тихонько.

ЛЮБИ.

„Люби!“ поютъ шуршащія березы,
Когда на нихъ сережки расцвѣли.
„Люби!“ поетъ сирень въ лѣтней пыли.
„Люби! Люби!“ поютъ, пылая, розы.

Страшисъ безлюбья. И бѣги угрозы
Безстрастія. Твой полдень вмигъ—ваали.

Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.

Кто не любить, не выполнять законъ,
Которымъ въ мирѣ движутся созвѣзды,
Которымъ такъ прекрасенъ небосклонъ.

Онъ въ каждомъ часѣ слышитъ мертвый звонъ,
Ему никакъ не избѣжать возмездья.
Кто любитъ, счастливъ. Пусть хоть распяты онъ.

ОТЧЕГО? XX

Отчего душа болить, а уму не говорить?
Я люблю. Я люблю.
Отчего огонь въ крови, хоть зови, хоть не зови?
Я люблю. Я люблю.
Отчего на Небесахъ звѣзды ясныя въ вѣнцахъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего изъ темноты дышутъ пьяные цвѣты?
Я люблю. Я люблю.
Отчего въ журчаньи струй такъ и бьется поцѣлуй?
Я люблю. Я люблю.
Отчего къ ивѣтку цвѣтокъ посылаешь лепестокъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего въ твоихъ глазахъ и желаніе и страхъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего жъ ты, отчего, не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

ВЪ РАКОВИНѢ.

— Ты гдѣ была, Жемчужина, когда я ждалъ тебя?
— Я въ раковинѣ пряталась, и тамъ ждала,—любя.
— О чемъ же ты, Жемчужина, тамъ думала въ тиши?

— О радости, о сладости, о счастьи души.
— И въ чемъ же ты, Жемчужина, то счастье нашла?
— Въ дрожаніи сознанія, что высь взойду—свѣтла.
— А знала ль ты, Жемчужина, что теремъ твой сломяю?
— Онъ темень былъ, я свѣтлая, я только свѣтъ люблю.
— А знала ль ты, Жемчужина, что послѣ ждешь тебя?
— Я отсвѣтъ лунъ, я отблескъ солнца, мой путь—
свѣтить, любя.

ЗВѢЗДНОЕ ПРИЧАСТІЕ

Если послѣ поцѣлуя
Темной ночью выхожу я,
На тесовое крыльцо
Освѣжить свое лицо,
Звѣзды искрятся, ликуя,
По небесной вышинѣ,
Словно въ жаждѣ поцѣлуя
Расцвѣщаются онѣ.

И въ молитвенной истомѣ,
Въ пробужденности и въ дремѣ,
Въ сердцѣ чувствуя зарю,
Слитно съ небомъ я горю,
Словно въ свѣтломъ водоемѣ
Брызги—здѣсь, и брызги—тамъ,
Мы въ молитвенной истомѣ
Сопричислены къ звѣздамъ.

БЕЗЪ УПРЕКА.

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
— Какъ темное Море глубоко,
Какъ дышутъ края облаковъ!

Она не твердила: „Не надо“,
Обътовъ она не ждала.
— Какъ сладостно дышать прохлада,
Какъ таетъ вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утраты.
— Какъ сказочно свѣтать созвѣзды,
Какъ звѣзды безсмертно горять!

ТОЛЬКО ТЫ.

Только ты меня можешь вести по путямъ,
Гдѣ горячая молнія—тама.
Только ты мнѣ отрада и правый мой судъ,
Если обручъ я выкую—тутъ.

Дниъ одна есть рука, и въ ночи, и средь дня,
Для горячаго въ бѣгѣ—копя.
Дниъ одинъ есть стрѣлецъ, что умѣетъ въ мету
Безъ ошибки попасть—налету.

Дниъ съ тобой мой полетъ чрезъ просторъ тѣмноты,
Хоть за край, если въ пропасти—ты.
И съ хоругвью въ вѣтрахъ, за тобой я лечу,
Громъ готовится встрѣтить насъ—чу!

НЕ ВЪ ЭТИ ДНИ.

Не въ эти дни вечеровые
Паденья капель дождевыхъ,—
Не въ эти дни полуживые,
Когда мы душу прячемъ въ стихи,
Чтобъ озарить себя самихъ,—

О, нѣтъ, тогда, когда впервые,
Какъ капли жаркаго дождя,
Струились звѣзды, нисходя
На доли Неба голубые,—
Тогда, какъ въ первый разъ, въ ночи,
Средь звѣздъ, какъ межъ свѣженокъ—льдина,
Жерло могучаго Рубина,
Соткавъ кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исподина
Ваметнуло въ вышній небосклонъ,
И Хаосъ древній былъ пронзень,—
Тогда, какъ рушашіе громы,
Бросая миллионный свѣтъ,
Качали новыя хоромы,
Гдѣ даяся ливнемъ самоцвѣтъ,
И свѣтъ былъ звукъ, и звукъ былъ свѣтъ,—
Тогда, Тебя, кого люблю я,
Съ кѣмъ Я мое—цвѣтъкъ спелось,
Взнести хотѣлъ-бы на утѣсъ,
Въ струяхъ разматанныхъ волось,
Яря, качая, и волнуя,
Тебя, касаньемъ поцѣлуя,
Сгорая, смеетъ бы въ блескъ грозь.

ОСТРИЕ.

Я жизнью и смертью играю.
Прохожу по блестящему краю.
Острие.
И не знаю, кого погублю я,
Ту, кого обожаю, цѣлуя,
Или сердце мое.

Вот порвется. Такъ, бьется, такъ бьется.
А она, наклоняясь, смѣется.

Говорить:—

Что съ тобой? Ты бѣжалъ очень скоро?
Ты боишься—за что-то—укора?
Тутъ—немножко болить?

Я знаю развязтую рану.
Прикоснись же. Мѣшать я не стану.
Все стерплю.
Только помни, пока повторяю.
Только вѣрь мнѣ, пока я сгораю.
Я люблю. Я люблю.

ВЪ МОЕМЪ САДУ.

Въ моемъ саду мерцаютъ розы бѣлыя,
Мерцаютъ розы бѣлыя и красныя,
Въ моей душѣ дрожатъ мечты несмыслы,
Стыдливыя, но страстныя.

Тебя я видѣлъ только разъ, любимая,
Но только разъ мечта съ мечтой встрѣчается,
Въ моей душѣ любовь непобѣдимая
Горить и не кончается.

Лицо твое я вижу поблѣднѣвшее,
Волну волосъ, какъ пряди снѣгъ согласнымъ,
Въ глазахъ твоихъ признание потемнѣвшее,
И губы, губы красныя.

Съ тобой позналъ я только разъ, любимая,
То яркое, что счастьемъ называется,
О, тѣнь моя, безплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь—пьяна, какъ гроздья спѣлыя,
Въ моей душѣ—звучатъ призывы страстные,
Въ моемъ саду—сверкаютъ розы бѣлыя
И ярко, ярко-красныя.

МАНТИЛЬЯ.

Твой черный вѣтеръ медленно провѣялъ,
Какъ птица возвѣщающая ночь.
И взоръ слѣдилъ, хотѣлъ, любилъ, лелѣялъ.
Я видѣлъ сонъ. Онъ былъ такой точъ въ точъ.

Въ садахъ мечты, заморожены тобою,
Я знаю, что предадутъ меня Судьбѣ
Лицо-видѣнье, съ тонкою рѣзбою,
И черная мантилья на тебѣ.

Журчалъ непрерываемымъ впушеньемъ,
До озера поющей, водометъ.
И озарились розы освѣженьемъ,
И сребропыль стремилась къ нимъ полетъ.

На зеркалѣ дремотствующей влаги
Былъ черный лебедь, странно-недвижимъ,
Являя знакъ воздушной Южной саги,
Узоромъ крыль, всѣмъ кружевомъ своимъ.

На изгородь—кусты цвѣтовъ и терній
Всходили, выростая въ тонкій лѣсъ.
И Ночь, въ плащѣ изъ многозвѣздной зари,
Неслышнно шла на землю къ намъ съ небесъ.

Зарокъ Судьбы раскрылся длиннымъ свиткомъ,
И клинопись была мнѣ въ немъ ясна:—
Чертогъ души назначенъ страстнымъ пыткамъ.
Кто жилъ, тотъ знаетъ: Любовь какъ Смерть сильна.

НАШЪ ТАНЕЦЪ.

Нашъ танецъ, нашъ танецъ — есть дикая пляска,
Смерть и любовь.
Качанье, завязка—шептанье, развязка,
Нашъ танецъ, нашъ танецъ, когда жъ ты устанешь, и
будетъ безмолвіе вновь?
Несказанность словъ, неизношенность чувства, теченье
мгновений безъ скрипа минутъ,
Цвѣтовъ нераскрытость, замкнутыя очи, краснота рѣс-
ницъ, и отсутствіе пути.
Завѣсы безшумныя бархатной Ночи, бездонность зато-
новъ, и свѣжесть глубинъ,
И тихая, тихая нѣжность, нѣжность, чѣмъ стоишь свирѣли
и плачешь мандолины.
Нашъ танецъ, нашъ танецъ—отъ края до края, нашъ
залъ сновидѣнный—небесная твердь,
Любовь насъ уводитъ,—о злая, о, злая!—и манитъ насъ
добрая, добрая Смерть.

ХВАЛИТЕ.

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжныя нити,
Крути золотоцвѣтность—и вновь,
Отъ сердца до сердца, до Моря, до Солнца, отъ Солн-
ца до мглы отдаленнѣйшихъ звѣздъ.
Сплетенья влияній, воздушныя струны, протяжность хо-
раловъ, ритмической ностъ,
Изъ точки—планеты, изъ искры—пожары,
Цвѣты и расцвѣты, отвѣтныя чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встрѣчаясь,

И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свѣчасъ, расцвѣчаясь, поющая кровь
Всемирно проводить вугистыя нити,
Хвалите же Вѣчность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ПЛАМЯ МРА.

1.

Мы говоримъ, но мы не знаемъ,
Что есть воистину любовь.
Но если ты оцѣнишь раемъ,
Свое блаженство славословъ.

И если взять ты поцѣлуемъ,
Что вотъ поеть въ твоей мечтѣ.
Ликуй,—мы все свѣтло ликуемъ,
Скользя на призрачной чертѣ.

И та черта двоянѣй прекрасна,
Затѣмъ, что таетъ, чуть представъ.
Весна—пожаръ, душа—всезластна,
Красивы воры въ морѣ травъ.

2.

Помню я, въ моей счастливой дѣтской
Пѣла птичка, не синичка, канареечка.
Я простой мальченка былъ не свѣтскій,
Былъ звѣренкомъ, у звѣренка есть лазеечка.

Я смотрѣлъ на лучъ на половицѣ,
Какъ въ окнѣ отъ по иному паутинится,
Какъ лампадка теплится въ божницѣ,
Какъ въ углу ручной мой ежъ лежитъ, щетинится.

Цѣлый міръ мнѣ—малая кровать,
Я зажмурюсь—свѣтъ въ глазахъ играетъ красками,
Пляшутъ искры, все во мнѣ загадка,
Каждый шорохъ шепчетъ тайну, манитъ сказками.

Тамъ въ саду жужжать не перестанутъ,
Точно струны, шмель тяжелый, пчелы съ осами.
Въ кладезь вѣчный миги эти кануть,
Мѣсяць страсти встанетъ красный надъ утесами.

Правать міромъ страшныя Старухи,
И давно ужъ не звенитъ мнѣ канареечка.
Но любилъ я такъ—какъ любить духи,
Ахъ ты птичка солнышечка, златофеечка!

3.

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Ужели это много?
Звучитъ напѣвъ, играетъ свѣтъ.
Узнать любовь въ тринадцать лѣтъ!
Скажите, ради Бога.

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Ужели это мало?
Вѣдь вдвое—жизнь, когда—нозѣть,
И вдвое мысль, и вдвое—свѣтъ,
И пѣнье крови—ало.

Товарищъ разъ пришелъ хмѣльной,
И не одинъ, а съ нею.
Ее оставилъ онъ со мной,
Уйдя, зажегъ весну весной,
И вотъ я пламеню.

Но кто-жь та странная была,
Кого я обнялъ сладко?
Она была какъ мысль свѣтла,
Хоть прямо съ улицы пришла,
Гуляшая солдатка.

Но вотъ хоть мной утраченъ счетъ,
Всѣхъ дрогнувшихъ со мною,
Все-жь стихъ мой вѣрный воспоесть
Того, съ кѣмъ первый пилъ я медь,
Кто далъ припасть мнѣ къ зною.

О, страхъ и сладость—вдругъ упасть
Съ горы кругой, робѣя!
Восторгъ—впервые вѣдать страсть,
И цѣльнымъ быть, и быть какъ часть,
Тѣснѣй, еще тѣснѣй!

Достонитъ любящій—вѣнца,
И волею соколенокъ.
И съ вѣжной блѣдностью лица
Она цѣптала безъ конца:—
„Мой милый! Мой миленокъ!“

Тринадцать лѣтъ! Тринадцать лѣтъ!
Мы въ это время дѣти.
Но вотъ, чтобъ вѣдать зготъ свѣтъ,
Готовъ я встрѣтить пытку бѣды
Тринадцати столѣтій!

4.

Я узналъ твой тонкій очеркъ въ дни плѣнительные,
Дни юныя, мгла расцвѣта вѣжной рощи и сердець,—
Въ наши Сѣверныя сумерки медлительные,
Я любилъ тебя, былъ юный, обожалъ, и быть пѣвецъ.

Кѣмъ была ты, чѣмъ была ты, чаровательница?
Тонкой дѣвушкой невинной, и блудницею ночей.
Что ты пѣла? Что ты смѣла, пламедательница?
Поцѣлуй въ твоёмъ былъ взорѣ, поцѣлуй горячій, чей?

Вешній лѣсъ, еще застывшій, живъ подсыжниками,
Снѣгъ растаетъ, съ днища праховъ пламя выброситъ цвѣты.
Намъ Судьба въ любви велѣла быть мятежниками,
Гдѣ бы ты мнѣ ни явилась, счастье можешь дать лишь ты.

Я изревле плавать въ безднахъ за сокровищами,
Уплывавшими въ мечтанье, въ посмѣянье кораблю.
Слава, смѣлый, путь взбравшій—быть съ чудотворцами!
Слава тайнѣ всѣхъ совѣданій! Слава той, кого люблю!

5.

Лишь между скаль живетъ орелъ свободный,
Онъ долженъ быть свирѣпъ и одинокъ.
Но почему ревнивецъ благородный
Убилъ любовь, чтобъ, сокративъ свой срокъ,
Явивши міру дикъ страстей и стона,
Ножомъ убить себя? О, Дездемона!
Пусть мнѣ о томъ расскажетъ стебелекъ.

А если нѣтъ,—пускай расскажетъ Этна!

Палеть въ соломѣ искра незамѣтно,
Рубиномъ заиграетъ огонекъ,
Сгорятъ дома, пылаетъ вся столица,
Что строилъ миллионъ прялежныхъ рукъ,
И, въ заревѣ, все—шабашъ, ряны лица,
Тысячелѣтье—лишь напрасный звукъ,
Строительство людей—лишь тѣнь, зарница.
Есть въ Книгѣ книгъ завѣтная страница,
Прочти,—стрѣла поетъ, ты взявъ свой лукъ.

Убийство и любовь такъ близко рядомъ,
Хоть двое иногда десятки лѣтъ
Живутъ, любя, и ни единымъ взглядомъ
Не предадутъ—въ нихъ сторожащій—себя.
И такъ умрутъ. И гдѣ всей таймы сядь!

Въ лучисто-длинномъ списокѣ тѣхъ любимыхъ,
Которыя умѣли цѣловать,
Есть Клеопатра. На ея кровати
Прилежъ герой, чья жизнь—въ огнѣ и дымахъ
Сожженныхъ деревень и городовъ.
Еще герой. Мигъ страсти вѣчно новъ.
Еще, еще. Но кто же ты—волчица?
И твой дворець—игравшійся вертепъ?
Кто скажетъ такъ, тотъ слабъ, и глухъ, и слѣпъ.
Коль въ мірѣ всею была когда царица,
Ея имя—Клеопатра, знакъ судьбы,
Съ кѣмъ ходъ столѣтій губащихъ содруженъ.
Ея лучшая блеснула изъ жемчужинъ,
И съ милымъ растворилъ ее въ винѣ,
Она сожгла на медленномъ огнѣ
Два сердца,—въ дымахъ нѣжныхъ благовоній,
Любовникъ лучшій, былъ сожженъ Антоній.

Но гдѣ, въ какомъ неистовомъ законѣ
Означено, что дьяволъ есть во мнѣ?
Вѣдь ангела люблю я при Лунѣ,
Для ангела сплетаю маргаритки,
Для ангела стихи сваяю въ свитки,
И ангела зову въ моемъ бреду,
Когда звѣздой въ любви пою звѣзду.
Но жадный я, и въ жалности упоренъ.
Неумолимъ. Всѣ хищники сердець—
Во мнѣ, во мнѣ. Мой ликъ ночной повторенъ,
Хотя изъ звѣздъ мой царственный вѣнецъ.

Гдѣ нѣтъ начала, не придетъ конецъ,
Разбѣгъ двухъ душъ неравенъ и неровенъ.
Но тамъ, гдѣ есть разорванность сердецъ,
Есть молнія, и въ срывахъ струнъ—Бетковенъ.

6.

Ты видалъ ли дождь осенній, ты слышалъ ли, какъ
шуршитъ онъ, какъ змѣится безъ конца?
Темной ночью намъ не спится, ты слышалъ ли темной
ночью, какъ струится дождь небесъ?
Ты считалъ ли, Расскажи мнѣ, ты считалъ ли слезы
сердца, что не знаютъ слезъ лица?
Темной ночью ты узналъ ли, темной ночью, сколько въ
сердцѣ жгучихъ словъ и тьмы завѣсть?

7.

Я былъ на охотѣ въ родимомъ болотѣ,
И высѣдилъ пару я птицъ.
Красивы всѣ птицы въ веселомъ полетѣ,
Красивы и падая ницъ.

И вотъ я намѣтилъ, и въ жаднѣ добычи
Красивую птицу убилъ.
И тотчасъ же вздрогнулъ отъ жалобъ птичьей,
Къ повторности не было силъ.

А быстрая птица, той птицы подруга,
Совсѣмъ не боясь палача,
И все сокращая очерченность круга,
Летала, забвенно крича.

Мнѣ стало печально отъ жалобы птичьей,
И дважды я поднялъ ружье.
Но сердце той птицы, излитое въ кличъ
Сцѣпило все сердце мое.

И вотъ, не воззавши крылатога друга,
Понявъ, что убита любовь,
Красавица вѣтра, любимица Юга,
На кровь опрокинула кровь.

Внесенная птица съ пронзительнымъ крикомъ
Сложила два бѣлыхъ крыла,
И пала близъ друга,—въ молчаньи великомъ,—
Свободна, мертва, и свѣтла.

8.

Видѣте, похожее на сказку:—
Въ степяхъ стада поспѣвшихъ антилопъ,
Съ волками вмѣстѣ, позабывъ опаску,
Бѣгутъ,—и мчатъ ихъ бѣшеный галопъ.

И между нихъ проворно вытоса змѣи,
Но жалить—нѣтъ, не жалить никого.
Есть часъ—забудешь все свои заги,
И рядомъ врагъ—не чувствуешь его.

Превыше же зѣренъ несущая птицы,
И тонеть въ дымъ—Солнца красный шаръ.
Кто гонитъ эти числа, вереницы?
Вся степь гудитъ. Въ огнѣ. Въ степяхъ—пожаръ.

Забывъ себя, утративъ ликъ всегдашній,
Живое убѣгаетъ отъ Огня.
Но брошу домъ, прощусь съ родимой пашней,
Лишь ты приди, лаской и жги меня.

Насъ гонитъ всѣхъ Огонь неизмѣримый,
И всѣ бѣгутъ, увидѣвъ страшный цвѣтъ.
Но я вступлю и въ пламени и въ дымы,
Но я люблю всемирный пересвѣтъ.

Его постычь пытаться я не стану:—
Чтобь былъ Огонь, онъ долженъ пѣть и жечь.
Я вѣрю солнцеликому обману,
Въ немъ правда дней, въ немъ божеская рѣчь.

И снова зло, и снова—звѣздность блага,
Отъ грома бурь до сказки ручейка.
Во мнѣ прошла огненная влага,
Во мнѣ поютъ несчетные вѣка.

Земля съ Луной, въ неравномъ устремленьи,
Должны въ мірахъ любиться безъ конца.
Влюбленный, лишь въ томленьи и влюбленнѣи,
Пѣвецъ высоту узнаеть жизнь пѣвца.

И я опять—у кратера вулкана,
И я опять—близъ нѣжнаго цвѣтка.
Сгорю, сожгу, сгорѣлъ. Въ душѣ—багряно.
Есть Фаеиксъ дней, что царствуетъ вѣка!

ХОЧЕШЬ ЛИ?

Свита моя—альбатросы морей,
Волны—дорога моя.
Солнце, редимаго сына согрѣи,
Солнечный я.

Низко летать альбатросъ и глядитъ,
Чертить могучимъ крыломъ.
Весь его четкій, захватистый видъ
Рѣзкій изломъ.

Это крыло—не крыло, ятаганъ,
Клювъ его силенъ, какъ мечъ.
Птицу такую родилъ—Океанъ.
Хочешь съ ней встрѣчь?

Хочешь ли, хочешь ли, мѣръ будетъ твой?
Грезу въ себѣ затаи.
Крылья хотѣнья дружатъ съ снѣговой.
Зори—твой.

ЕГИПЕТЪ.

Заснула земля.
Фиаль переполненный выпить,
Задремавшіе Боги ушли въ Небосводъ,
Гребны корабли,
На которомъ Египеть
Сквозь вѣчность скользить по зеркальности Нильскихъ
водъ.

Ушли Фараоны.
Ихъ нарядныя муміи спятъ
Предъ глазами людей восхищенными,
Всѣ пирныя звонны
Смѣшились напѣвомъ цикады.
Лишь звѣзды блестять и блестять надъ песками, саму-
момъ взметенными.

И Сфинксъ все глядитъ.
И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный,
Въ зыби вѣкавъ, что бѣгутъ и бѣгутъ вперебой.
И вокругъ пирамидъ
Жизнь живетъ, вѣшній воздухъ весь ладанный,
Ниль течеть, и папируса нѣтъ, но лотосъ расцвѣлъ голубой.

ЗАКАТНАЯ ПИРАМИДА.

Улетѣли священные ибисы,
Не албютъ озера фламингами,
Пронесли Австрайлійскіе лебеди,
Апокалипсисъ птицій свершень.

И не скажут о Духѣ намъ голуби,
Не расскажутъ намъ дѣтскаго ясточки
Только гдѣ-то поютъ пересмѣшники,
Перепѣвъ, перезвукъ, перезвонъ.

Не восходить надъ Ниломъ папирусы,
Не приветствуютъ Горуса лотосы,
Только пепельно-черные присы,
Расширяютъ испуганный глазъ.
Да кровавятся тѣни закатныя,
Расцвѣчаютъ пустыню вечернюю,
И о Сфинксѣ, когда-то вѣщательномъ,
На пескахъ вышивають рассказы.

ТРИ СТРАНЫ.

Строить зданья, быть въ гаремѣ, выходить на львовъ,
Превращать царей сосѣднихъ въ собственныхъ рабовъ,
Опьяняться повтореньемъ яркой буквой я,—
Вотъ, Ассирія, дорога истинно твоя.

Превратить народъ могучій въ восходящестъ плоть,
Быть создателемъ загадокъ, сфинксомъ Пирамидъ,
И, достигши граней въ тайнахъ, обратиться въ пыль,—
О, Египетъ, эту сказку ты явилъ какъ былъ.

Миръ опутать свѣтлой тканью мыслей-паутинь,
Слатъ душой жужжанье мошки съ грохотомъ лавинъ,
Въ лабиринтахъ быть какъ дома, все понять, принять,—
Свѣтъ мой, Индія, святаня, дѣвственная мать.

Много есть еще созданий въ мирѣ бытія,
Но прекрасна только слитность разныхъ ты и я,
Много есть еще мечтаній, сладко жить въ бреду,—
Но оставши, лишь къ родимой, только къ ней приду.

МАЙЯ.

Тигры стояли въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, кѣвтушій въ етольгіе разѣ,
Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ
Мѣсяць за скалы проплыль и погасъ.

Въ темной ящерѣ, задумчивый юги,
Магъ-заклинатель, блѣдный мертвецъ,
Что-то шепталъ, и властительно-строги
Были черты сверхъестественнаго лица.

Мантру читалъ онъ, свѣтлое моленье.
Только прочелъ—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
Стали качаться, носиться видѣнья,
Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
Время, пространство, причина, и цѣль,
Пышность восторга, и сумракъ потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
Сонны враждебныхъ безчисленныхъ я,
Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брамы,
Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ гуломъ утесъ на утесъ,
Топотъ и ролотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Мая! О, Мая! Лучистый обманъ!
„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для юги,
„Мая—безданный иѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ.
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталь.
Тигры стонали въ глубокыхъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отдавталъ.

ТАНЕЦЪ ИСКРЪ.

Лунный свѣтъ, расцвѣтшій надъ водою,
Златоокихъ полныхъ огоньковъ,
Онъ горитъ звѣздою молодою,
Бѣлый лотосъ въ тридцать лепестковъ.

На зарѣ приходитъ Индианка,
Нѣжить тѣло смуглое въ волги,
А позанѣй крылатая свѣтляка
Танецъ искръ ведетъ какъ по струнѣ.

Но струнѣ извилистой и странной,
Какъ въ ножѣ Малайскомъ лезвѣ,
Какъ извивы губъ моей желанной,
Какъ любовь, гдѣ все мое—твое.

Переливы, срывы, и отливы,
Погасить, чтобъ вновь сейчасъ зажечь,
Это-ль, въ часъ, когда всѣ сны красивы,
Не души къ душѣ живая рѣчь.

Бѣлый лотосъ тридцать бѣлыхъ крылій
Развернулъ и смотреть въ волосѣ,
Расцвѣти же, лучшая изъ лилій,
Въ танецъ искръ мы два огня сольемъ.

ВЪНЧАНІЕ ВЪ СТРАНѢ ЛОТОСА.

Когда нареченную
Должны отвести къ жениху въ предназначенный домъ,
Ее омываютъ душистой водою, чтобъ отдать совершенною,
Настой изъ цвѣтовъ заправляютъ пахучимъ и нѣжнымъ
плодомъ.

Чуть сумракъ отвѣтси,
Какъ пчелы обляпять цвѣтокъ, къ ней подруги спѣшать,
Надъ юною плотью душистое таинство ркеть и дѣтси.
Да къ нѣжности нѣжность на праздникъ любви прине-
сегъ ароматъ.

Ее пристыженную
Потомъ облакають въ нетронутый свѣжій покровъ,
Сажаютъ ее у огня, чтобъ онъ озарилъ благовоною,
И чуть прикоснется огня, ублажаютъ высокихъ боговъ.

Горятъ возлюбленія
Веселому Агни, и Сомъ, что луино нѣжныи,
Гремучему Индрѣ, и Митрѣ, что мечутъ по небу снѣги,
И каждый уваженъ здѣсь богъ, что въ напѣвныхъ вѣкахъ
именитъ.

И дѣвами юными
Женихъ окруженный навстрѣчу желанной насть,
Два сердца поютъ и звенятъ переливными звонкими стру-
нами,
И, зеркало въ руку ей давъ, говоритъ онъ, что въ тра-
вахъ есть медъ.

Надъ ними сверканіе,
Мечъ старшіе держать, и смотреть женихъ на Востокъ,
И смотреть невеста на Западъ, и въ этомъ завѣтъ пред-
вѣщанія,
Что видятъ они двѣ зари и въ одинъ сочетаютъ ихъ срокъ.

И млеешь влюбленная.

И млеешь влюбленный, вбчнанные въ счастье идя,
„Я—ты“, говорить, „ты же—я“, „Небо—я, ты—земля
    благовонная“.

И сыплются зерна на нихъ, какъ весенняя пляска дождей.

КОЛИБРИ.

Туй! — Идемъ!

Мексиканское Слово.

Колибри, птичка-мушка, безстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца нарядъ цвѣтистый данъ.
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смѣлыхъ бросить родимый ихъ Ацтлань.

Веселымъ пиннымъ утромъ, когда Весна багряная
Роситъ цвѣты какъ солнца, какъ луны межъ вѣтвей,
Летунья щебетнула: „Туй, туй“, — румяная,
Какъ бы цвѣточно-пьяная, — „Туй, идемъ, скорѣй!“

Въ тотъ мигъ жрецы молились, и пѣніе жемчужное
Лазурно-алой фенъ услышали они,
Пошелъ народъ безстрашный, все дальше въ царство Южное,
И красной лентой крови свои обвиль онъ дни.

И Мексика возникла, видѣнье влохновенное,
Страна дѣтловъ, и Солнца, и плясокъ, и стиховъ,
Безжалостность и нѣжность, для грезы—сердце плѣнное,
Смыль Бога—жертва Богу, земной—среди боговъ.

Дабы въ чертогахъ Солнца избранникъ зная забвение,
Ему исторгнуть сердце агатовымъ ножомъ:—
Разбей земныя лютни, забудь напѣвъ мгновения,
Тамъ въ Небѣ—Дѣвы Солнца, Богъ Семицвѣтникъ въ немъ.

Богиня Бѣлой Жатвы, Богиня Звѣздохканиости,
Богъ Пламя, Богъ Зеркальности, Богиня Сердце Горъ-
Колибри, птичка-мушка, въ безжизненной туманности
Ты сердце научила звать красочный узоръ!

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА.

Что мы? А! Зарю спроси, спроси дѣсь...

Манскія Письмена.

Въ Паленке, межъ ручьей, гдѣ Майская парна
Велѣла извѣять безсмертныя слова,
Я грезилъ въ яркій зной, и мнѣ приснилась птица
Тѣхъ дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, съ хвостомъ нарядно-длиннымъ,
Какъ грезы—крылышки, ее зовуть Кветцаль.
Она живетъ какъ сонъ, въ горахъ, въ лѣсу пустыннымъ,
Чуть взглянешь на нее—въ душѣ поеть печаль.

Красива птица та, въ ней вѣшній цвѣтъ наряда,
Въ ней тонко-нѣжно все, въ ней сказочень весь видъ.
Но какъ колодець—грусть ея нѣмого взгляда,
И чуть ей скажешь что—сейчасъ же улетитъ.

Я грезилъ. Сколько дѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій,
Сказать бы я не могъ—и для чего считать?
Мнѣ мнилось, межъ могилъ, рѣзаясь, играютъ дѣти,
И изумрудъ Кветцаль не устаетъ блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Изъ края въ край Земли, войной росла трава.
Варушь дрогнувъ изумрудъ, и на стѣнномъ узорѣ
Прочелъ я скрытыя въ ваяніи слова:—

„О, ты грядущихъ дней! Коль умъ твой разумѣть,
Ты спросишь: Кто мы?—Кто? Спроси зарю, поля,
Волну, раскаты бурь, и шумъ вѣтровъ, что вѣетъ,
Лѣса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы—Земля!“

ИСЛАНДІЯ.

Валуны, и равнины, залитыя лавой,
Сонмы глетчеровъ, брызги горячихъ ключей,
Скалы, полная грусти своей величавой,
Убѣленная холодомъ блѣдныхъ лучей.

Тѣли чахлахъ деревьевъ и Море... О, Море!
Волны, пѣна, и чайки, пустыня воды!
Здѣсь забыты скалды, на влажномъ просторѣ,
Пѣли пѣсни при свѣтѣ вечерней звѣзды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормолды, Гуннары,
Съ именами желѣзными, духъ морей,
Отъ вѣтровъ получили суровыя чары
Для угрюмой томительной пѣсни своей.

И въ строкахъ перепѣвныхъ донынѣ хранится
Ропотъ бури, и громъ, и ворчанье волны,
Въ нихъ кричатъ альбатросъ, длиннокрылая птица,
Изъ воздушной, изъ мертвой, изъ вольной страны.

АГИ.

Скандинавскія саги, желѣзныя саги,
Вы обрызганы пѣной шумящихъ морей,
И мерцаютъ въ васъ слезы, и капли той влаги,
Что горѣнями красными мучитъ людей.

Пробѣгая въ ихъ жилахъ скорѣй, все скорѣй,
Навѣвая имъ жажду открытій сокровищъ,
Прогоняя ихъ вдалѣ отъ родимыхъ домовъ,
Научая сердца не бояться чудовищъ,
Подучая ихъ жечь всякій домъ, каждый кровъ,
Говоря имъ, что нѣтъ имъ иного закона,
Чѣмъ движеніе волны, устремленіе вѣтровъ,
И качанье лавы, рокового дракона,—
Черный дубъ, что позналъ остріе топоровъ,—
Сага Эйрика, сага Сигурда, Нјаля,
Бормотаніе Норигъ, черезъ клетку въ рѣчь,
Кругозвучность морей, что ликуеть, печалю,
Преархаичный ножаръ, и рѣшающій мечъ.

СНѢЖНЫЕ БОГИ.

Я вижу ихъ въ сѣмькахъ утреннихъ,
Суровыхъ боговъ Скандинавіи,
Въ дыханіи воздуха зимняго
Всѣ влудъ они на коняхъ.
Вонъ конь Двѣебыстрый, весь въ яблокахъ,
Вонъ конь Златоверхій, весь въ золотѣ,
Конь Грузный, копыто туманное,
Конь Вихрь, легконогіи размахъ.

Двѣнадцать коней огнедышащихъ,
У всѣхъ имена означительныя,
Конь Блескъ между яркихъ блистательныхъ,
Острийный межъ скорыми скорыя,
У каждого бога есть пламенный,
Скакунъ, знакомый съ усталостью,
Лишь Бальдера конь весь былъ пламенемъ,
Лишь пѣшииъ громовникъ былъ Торъ.

Куда они блудть могуче?
Куда устремляются, строгие?
Что манитъ къ себѣ ослѣпительныхъ,
Огнемъ удвоя ихъ блескъ?
Кто скажетъ? Но льдины ломаются,
Утесы гремятъ переключками,
Пещеры откликнулись звонами,
Въ деревьяхъ послышался трескъ.

Три корня у Древа всемірнаго,
Одинъ до Боговъ устремляется,
Другой къ Исполннамъ драконится,
А третій идетъ въ Дымосводъ.
Подъ третьимъ змѣиная ямина,
Оттуда родникъ пробивается,
Тамъ влажная мудрость качается,
Кипитъ, и горитъ, и течетъ.

Кто этой воды прикасается,
Тотъ мелодъ и мигъ и стойбіе,
Онъ бросится свѣжимъ въ сраженіе,
Онъ любить все въ первой любви.
Самъ Одинъ такъ жаждаетъ той мудрости,
Что отдалъ свой глазъ за глотокъ ея.
Двѣнадцать боговъ устремительныхъ
Желають омыться въ крови.

БРЕТАНЬ.

Затянуть мглой свищовой небосводъ,
Угрюмы волны призрачной Бретани.
Семь острововъ Ари-Гентилесъ-Руссотъ
Какъ звѣри притаилися въ туманѣ.

Они какъ бы подвижны въ Океанѣ,
По прихоти всегда невѣрныхъ водъ.
И, подлый изумленья, въ видѣ дани,
На нихъ свой свѣтъ неясный Мѣсяць льетъ.

Какъ сонмы лицъ, глядять толпы утесовъ,
Сѣдыхъ, застывшихъ въ горечи тоски.
Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ магросовъ.
Они идутъ. Гляди. Въ тиши ночной
Идутъ туманы блѣдной пеленой.

ТОЛЕДО.

Городъ-крѣпость на горѣ,
Городъ-храмъ,
Гдѣ молились торжествующимъ богамъ,—
Я тебя хотѣлъ бы видѣть на зарѣ!

Въ часъ, когда поетъ свирѣль,
И зоветъ,—
Въ часъ, когда, какъ будто, ласковый апрѣль
Дышетъ въ зеркалѣ дремотствующихъ водъ.

Въ дни, когда ты былъ однимъ
Изъ живыхъ,
И разбрасывалъ кругомъ огонь и дымъ,
Вмѣстѣ съ криками призывовъ босвыхъ.

Городъ зримый въ высотѣ,
Между скалъ,
Безупречный въ совершенной красотѣ,
Ты явилъ свой гордый ликъ—и залречалъ.

Ты, сказавъ свое, затихъ,

Навсегда,—

Но поють въ тебѣ отшедшіе года,

Ты—исѣченный на камнѣ мощный стихъ.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ Испанецъ, ослѣвленный вѣрой въ Бога и любовью,
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ,
Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подѣ Сьеррою-Невадой,
Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ, и рубиновъ,
Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
Мной отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И, стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по
океанамъ,

И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
Чтобы съ жадной быстротою Аравійскаго коня
Всюду мчаться за врагами подѣ багряной вѣпанкой дня.

И, быть можетъ, черезъ годы, сосчитавъ свои владѣнья,
Я ихъ самъ же разбросаю, разгону, какъ привидѣнья,
Но и въ часъ передремотный, между скалъ роди-
мыхъ вновь,

Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

ВѢРНЫЙ.

Все въ мірѣ безгранномъ едино.
Вы любите торжища, шумы.
Люблю я въ пустынѣ самумы.
Но вамъ не понять бедунія.
Вамъ нужны и блески и звоны.
Мнѣ конь и оазисъ дороже
Всѣхъ царствъ и земныхъ придорожій.
И ключъ мнѣ желаннѣ студеныи.
Вы блѣдны, минутны, и слабы.
Но вѣрной куду я дорогой.
И путь мой молитвенно-строгий —
До чернаго камня Каабы.

КЪ ГРУЗИИ.

1.

Горы учатъ смѣлой силѣ,
Быть безстрашнымъ на чертѣ,
Гдѣ легко, стремясь къ мечтѣ,
Оступиться въ темнотѣ.
Горы Солнце заслонили,
Все же Солнце въ высотѣ,
Показавшись на хребтѣ,
Вдвое ярче въ красотѣ.
Горы—храмъ въ снѣжной пыли,
Эти скалы, тѣ и тѣ,
Восходя, верста къ верстѣ,
Мчатъ стрѣлою духъ къ мечтѣ.
Горы—сонъ и сказка въ были,
Въ полноправьи, въ полнотѣ,
Правда въ Божьей наготѣ,
Мертвый воинъ на щитѣ.

Слышишь шорохъ вѣщихъ крылий?
Видишь росы на листьѣ?
Это духи въ слѣпотѣ
Ищутъ слова о Христвѣ.

2.

Въ объѣмѣ Мира, въ душѣ поэта,
Есть радость ночи, и счастье свѣта,
И завязь милій, и вязь созвѣздій
Цвѣтутъ содружно и безъ возмездій.

Въ охватѣ Солнца, въ очахъ поэта,
Христосъ проходить близъ Магомета,
И оба слышать, какъ вторять струны,
Что вѣрные звѣзды, и правы думы.

3.

Сердцу вольно въ тѣсной утѣ,
Если уза есть любовь.
Мысль моя, не прекослови,
Скуй любовью вьювь и вьювь.
Съ милой я навѣсь въ союзѣ.
О, любовь, ты сладость сна,
Ты невѣста и жена,
Взлеть къ звѣздѣ, провалъ безъ дна.
Сердце бьется въ нѣжной утѣ.
Я въ глаза твои смотрю,
Самъ зарю, твою зарю
Разжигая и горю.
Нѣтъ двухъ Солницъ, и нѣтъ двухъ Грузій.
Чтобъ была межъ странъ страна,
Гдѣ всегда въ сердцахъ весна,
Въ мирѣ Грузіи—одна.

ДАЛЕКОЕ.

Когда весь міръ какъ-будто за горой,
Гдѣ все мечта и все недостоверно,
Подводный я любилъ романъ Жюль-Верна,
И Нэмо капитанъ былъ мой герой.

Когда предъ фортепяно, за игрой,
Онъ тосковалъ, хоть нѣсколько манерно,
Я въ Океанѣ съ нимъ качался мѣрно,
И помню, слезы хлынули струей.

Потомъ я страстно полюбилъ Майнъ-Рида,
Но быть ручно отвергнуть Вальтеръ-Скоттъ.
Пронши года. Быть-можетъ, только годъ?

Мнѣ грезится Египетъ, Атлантида.
Далекое. И мой Сіамскій котъ
„Плавн въ Сіамъ!“ мурлыка мнѣ поетъ.

ЦВѢТА ДРАГОЦѢННАГО.

Онъ жертву облекалъ, ее сжимая,
У дикаго плѣнника козла
Предсмертная въ глазахъ мерцала мела,
Покорность, тупость, и тоска нѣмая.

Онъ жертву умертвилъ. И, обнимая,
Всю размягчилъ ее. Полусвѣтла,
Слюна изъ пасти алчущей текла.
А міръ кругомъ былъ весь во власти мая.

Насытился. И, сладко утомлень,
Свой двухсаженный ростъ раскинулъ иглистый.
Мерцаютъ въ кожѣ пятна-аметисты.

Его къ покою клонитъ нѣжный сонъ.
И спалъ. Голубовато-пепелистый,
Яванскій аметистовый питонъ.

ЯВАНСКАЯ ПЛЯСУНЬЯ.

Жужжанье осы.

Дрожаніе желтой вуали.

И будто бы пальцы надъ полемъ въ чертѣ полосы
Незримыхъ растений нѣмыя красы
Срывали.

Гдѣ быть я? Не знаю теперь.

Въ чемъ быть я? Что зналъ я? Не знаю.

Раскрылось все сердце. Закрылась блестящая дверь.
И въ пѣсни и въ страсти мы ходимъ по краю.
Лишь музыкѣ вѣрь.

Мгновеніе знаетъ.

Мгновенье играетъ.

Мгновеніе зерна въ колосья собираетъ.

Но мертвы мгновенья, ступившись въ часы.

Вотъ рыбка сорвалась

Съ дрожащей лезы.

Качалась.

И гдѣ?

Качнулась, умчалась,

И только въ водѣ,

Гдѣ спряталась тайна,

Завѣса золотая, горя чрезвычайно,

Явила узоры коралловыхъ рукъ,

И въ самое сердце, гдѣ воля безкрайна,

Скользнула змѣя,

Трепещущій звукъ,

Въ лучахъ чешуя,

Растаявшій звукъ.

Но гдѣ же быть я?

Но въ чемъ же быть звукъ?

Чьи пальцы? Чье тѣло? И воля загни?

Касаніе острой и быстрой косы.

И жало и шелестъ и крылья осы

Предъ ртомъ золотой орхидеи.

ПЛЯСКА КОЛДУНА.

Одинъ, ничьи не ощущая взоры,
Въ ложбинѣ горной, вокругъ огня кружась,
Онъ въ пляскѣ шель, волшебный Папуасъ,
Изображая танцемъ чьи-то споры.

Онъ вель съ огнемъ дрожащимъ разговоры.
Курчавый, темный, съ блескомъ черныхъ глазъ,
Сплеталъ руками длительный рассказъ,
Ловилъ себя, качалъ свои уборы.

Хвостъ райской птицы въ пышности волосъ
Взметался какъ султанъ незримой битвы.
Опять кружась, онъ дилъ свои ловитвы.

Я видѣлъ все, припавши за утесъ.
И колдовскія возмogli молитвы.
Какъ жезлъ любви, огонь до тучъ возрость.

САМОАНСКАЯ ПЛЯСКА.

Говорятъ, что пляска есть молитва,
Говорятъ, что просто есть круженье,
Можетъ быть, ловитва или битва,

Разныхъ чувствъ—движеньемъ—отраженье.
Говорять... Сказалъ когда-то кто-то,—
Пляшешь, такъ окончена забота.
Говорять...

Но говорить,
Что дурманъ есть тонкій ядъ.
И коль пляшутъ мнѣ Испанки,
Счастливъ я,

И коль пляшутъ Богоданки,
Дѣвы, жены, Самоанки,

Тутъ зѣбя.
Вся хотѣнье. Впередъ.
Вся томленья. Воздухъ бьетъ.
Убѣгаетъ. Улетаетъ,
Отдается. Упадаетъ.

Вся движеніемъ поеть
Птицы раненой полеть.
Ближе, ближе. Вотъ смѣется.
Нижке, нижке. Отдается.
Убѣганьямъ конченъ счетъ.

Я зѣбя.
Четъ и нечетъ. Нечетъ, четъ.
Я твоя.

ЗАВОРОЖЕННЫЕ.

Тонга-Табу, Югъ священный, край замороженный,
Я люблю тебя за то, что ты лучисто-сонный.

Я люблю тебя за то, что всѣ Тонганки рады
Пить душой напитокъ счастья, смѣхи и улады.

Я люблю тебя за то, что всѣ Тонганцы дѣти,
Всѣхъ блаженнѣй, простодушнѣй, всѣхъ свѣтлѣй на свѣтѣ.

Я люблю тебя за то, что вотъ тебя люблю я,
Потому что Тонга-Табу—счастье похѣлая.

ТКАНЬ.

Склонившись, Китайка молодая
Любовно ткеть узорчатый коверъ.
На немъ Земли и Неба разговоръ,
Греза прошла, по высямъ пропадая.

Цвѣтные хлопья тучекъ мѣтють, тая,
Заря готовить пламенный костеръ.
А очеркъ скаль отчетливъ и остеръ,
Но лучше садъ прѣя домикомъ Китая.

Что можетъ быть прекраснѣй, чѣмъ Китай.
Здѣсь живописна даже перебранка,
А греза мига свѣтитъ какъ свѣтлника.

Сидѣть вѣка и пить душистый чай.
Когда передо мною Китайка,
Весь миръ вокругъ одинъ цвѣточный рай.

КИТАЙСКАЯ ГРЕЗА.

Вэй-Као полновластная царица.
Ея глаза нѣжнѣй, чѣмъ миндали.
Сравнятся въ чарахъ съ дивной не могли
Ни звѣрь, ни рыбка, ни цвѣтокъ, ни птица.

Она спала. Она была дѣвица.
Съ двойной звѣзды, лучившейся вдали,
Два духа легкокрылые сошли.
Душистая звѣздилась ложница.

И съ двухъ сторонъ къ дремавшей подояя,
Калилиницу и хучую качали,
Цвѣты на грудь легли, ихъ расцвѣчали.

И зачала отъ этого дождя,
И, сына безболѣзненно рождая,
Она и въ немъ была звѣздой Китая.

ВЪ ЧАЙНОМЪ ДОМИКЪ

На цыновкахъ тонкотканыхъ
Мы сидѣли и курили,
Межъ цвѣтовъ, по цвѣту странныхъ,
И пившихъ въ пышной силѣ.

Быть расцвѣтъ махровыхъ вишенъ,
Были гроздья тамъ глициній,
Алый въ бѣловъ быть утишень,
И смягченъ былъ вѣжно-синій.

Чарованье измѣненны
Было въ ладѣ всѣхъ движений,
Въ свѣтѣ красокъ было пѣнье
Трехъ тамовъ стихотвореній.

Были косвеннымъ очи
Хороши въ уклонной силѣ,
Точно дрогнувшія ночи
Мракъ свой къ зорямъ наклонили.

Взоры гейши, изящныхъ крошекъ,
Были точно свѣчи крама,
Какъ глаза священныхъ кошекъ
Отдаленнаго Сиамъ.

Гдѣ-то въ даяхъ, невозвратно,
Мѣсть родныхъ лѣса и склоны.
И дымился ароматно
Въ малой, чашкѣ чай зеленый.

САМУРАЙ.

Изъ вѣка въ вѣкъ цвѣты и тишь
Въ твоей отчизнѣ вырѣзной,
И память предковъ ты хранишь,
И сердцемъ любишь край родной.

Въ тысячелѣтыяхъ ты тилъ
Свои рѣзные берега,
И былъ вулканомъ сжатыхъ силъ,
Готовыхъ смѣть огнемъ-врага.

Когда сибирядъ ты въ сибѣри бой
Весной, исполненный огня,
Увида вишно прехъ собой,
Къ ней не привязывалъ коня.

Но въ самыхъ пламенныхъ бояхъ
Хранилъ ты своей старинной мечъ,
Чтобы сталь узнала весь размахъ,
И весь восторгъ безстрашныхъ встрѣчь.

А въ рукояткѣ вырѣзной, —
Картины малой талисмана,
Картина страсти, сонъ хмельной,
И ты видѣемъ страсти пѣань.

Въ бою чувствуя слабость рукъ,
Усталость сердца ощутивъ,
Въ ликъ страсти глянешь ты, и варугъ
Ты силенъ, молодецъ, и красенъ.

Любовь и жизнь. Горячъ пожаръ.
Сполна твой пламень разоженъ.
И Солнца ярко-алый шаръ
На зыби всёхъ твоихъ знаменъ.

И свистъ звенящій лезвѣя
Твой голось, древній самурай.
Ты тигръ, ты коршунъ, ты змѣя.
Банзай!

БУДДИЙСКИЙ ХРАМЪ

1.

Бамбуковыя роши,
Буддѣйскій храмъ.
О, что же, сердце, проще?
Прелай себя богамъ.

Свѣтло журчить источникъ,
Горитъ свѣча.
Здѣсь грезы непорочны,
Молитва горяча.

Утихнувшія страсти,
Какъ дальнѣй звонъ.
И не придуть напасти
Въ зеленогласный сонъ.

2.

Зеленогласная,
Зеленошумная,
Мечты согласная,
И сны бездумные.

Къ чему стремленіе,
Во вѣкъ безцѣльное?
Здѣсь только млѣніе,
Столь колыбельное.
Нѣтъ колебанія,
Нѣтъ духа плѣннаго,
Когда есть знаніе
Близъ Совершеннаго.

3.

Никто не лишній
Въ садахъ Владыки.
И чары вишни
Въ цвѣту велики.
Въ волшебныхъ чашахъ
Ея расцвѣта
Есть сновъ не нашихъ
Весна и лѣто.
Средь той природы,
Гдѣ Фуджи-Яма,
Есть переходы
Нѣмого храма.
Отъ тучекъ дымныхъ
До мѣсть, гдѣ воды,
Въ безгласныхъ гимнахъ
Весь ликъ природы.
Отъ самурая
До земледѣла,
Все сердце края
Здѣсь нѣснь пролѣло.
Та нѣснь—созданье
Страны красивой,

И расцвѣтанье
Деревъ надъ нивой.
Въ размѣрной жизни
Не страшно смерти.
О, лишь Отчизнѣ
Всѣмъ сердцемъ вѣрять.
Нипочто въ беземныхъ
Вѣкахъ сіяеть,
Иноплеменныхъ
Ярма не знаетъ.
Да слышать внуки:—
Рѣшала дѣды,
Чтобъ въ этомъ звукѣ
Быль вскрикъ побѣды.
Въ людскихъ кочевьяхъ
Онъ сердцу слышенъ.
И онъ въ деревьяхъ
Цвѣтущихъ виденъ.
Онъ зрима и ваонокъ
Въ нарядѣ стройномъ,
Въ лицѣ Японокъ
Всегда достойномъ.
Въ странѣ Японца,
Гдѣ люди—пчелы,
Гдѣ ярко Солнце
Въ свой часъ веселый.

4.

А если страсть остыла,
И сердце спитъ,
Приди, здѣсь все такъ мило,
Кругомъ широкой видъ.

Размѣренного гонга
Гудить призываетъ.
Тотъ звонъ глухого гонга
Мечты смываетъ срывъ.
И все уходитъ страны
Къ одной странѣ:—
Къ безгранности Нирваны,
Гдѣ свѣтитъ свѣтъ во снѣ.

САДЪ.

Въ начальныхъ дняхъ сирень родного сада,
Съ жужжаніемъ вокругъ нея жуковъ,
Шмелей, и осъ, и яркихъ мотыльковъ,
Есть цѣлый міръ, есть звѣздная громада.
Увита въ хмѣль садовая ограда,
Жасминъ исполненъ лунныхъ огоньковъ,
А лѣто съ пересвѣтомъ сѣтляковъ
Какъ служба ночью въ храмахъ Китежъ-Града.
Онъ нашимъ былъ, весь этотъ дружный ладъ
Сплетеній, пѣній, красокъ, очертаній,
Гдѣ былъ пѣвучъ и самый звукъ рыданій.
Въ хрустальной глубинѣ музыка усладъ,
Ушла въ затонъ созвонность стройныхъ зданій,
Но счастливъ тотъ, кто въ дѣтствѣ видѣлъ садъ.

ИОНЬ.

Ионь, неостановимо короткая ночь,
Все прозрачная, вся просвѣтленная,
Что родится въ Ионѣ, никакъ одному не сумеетъ помочь:—
Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза влюбленная,
Душа его будетъ безсонная.

Въ зеленомъ Юнѣ цвѣтуть всѣ цвѣты,
Густѣетъ осока прохладными свитками,
Бѣлѣетъ купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
Дрема навѣваетъ вѣщательность сонной мечты,
О маленькомъ счастьи безмолвную рѣчь съ маргаритками
Ведетъ незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь ли ты
Цвѣтеть и влюбляеть ночная фиалка пахучая,
И рдѣють сердечки гвоздикъ луговыхъ.
Кто въ Юнѣ войдетъ въ этотъ миръ, каждый цвѣтъ, е
сладостно мучая,
Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
Эти сны, лепески, и дуна его станутъ вѣвучая,
Расцвѣченная, жгучая.

И въ Юнѣ, въ Иванову ночь,
Онъ искать будетъ папороть-цвѣтъ,
На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
На вопросъ, что, мелькнувъ, ужь не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Дастъ, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
Чтобъ улвоить, за мигомъ сяннйя, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папороть-цвѣтъ, излучившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣснь задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала бесопная.

НОЯБРЬ.

Божій кузнецъ,
Дороги и рѣки куетъ,
Зимѣ изо льда онъ готовитъ ларецъ,
Алмазы вбиваетъ въ холодный вѣнецъ.
Разсылавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,

Звонко куетъ.
Бѣлая кузница—миръ,
Весь оковаль.
Въ иней не разъ и не два одѣваль
Поле и лѣсъ,
Кличеть мятели на пиръ,
Смотритъ на яркія звѣзды небесъ,
Словно и имъ онъ дороги моститъ,
Звѣзды по снѣгу, и звѣзды вонъ тамъ,
Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвинтить,
Вичится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
Снова—ковать, и гвоздить, и гвоздить,
Гробъ, что ли, намъ?
Саваномъ бѣлымъ въ ногахъ шелеститъ,
Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть въ Русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность гори, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.

Приди на разсвѣтъ на склонахъ косогора,—
Надъ звѣлкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.

Недвижный камышь. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомленѣ, глухое, нѣмое.

Войди на закатъ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,—
Деревя такъ сумрачно странно-безмолвим,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ-будто душа о желанномъ проснула,
И слѣзали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачешь, и плачешь, и плачешь неволью.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спитъ. Молчить вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится, печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачешь лебедь умирающей,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говорить,
А на небѣ вечеръ догорающей
И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грусны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чѣмъ жила съ тревогой, съ наслажденьемъ,
Все, на что надвѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ свидѣньемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чьемъ печатѣ непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слился,
Точно онъ у озера родимаго
О прощеньи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающей,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертныя часы,
Что предъ смертью, вѣчной, примиряющей
Видѣлъ правду—въ первый разъ.

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно, шуршать камыши.

О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?

Мелькаютъ, мигаютъ,—и снова ихъ нѣтъ.
И снова забрезжитъ бауждающей свѣтъ.

Полночной порою камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожить умирающей лики.
То Мѣсяцъ багровый печально поникъ.

И тивой запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманить, сожметъ, засосетъ.

„Кого? Для чего?“—камыши говорятъ.
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“

Но Мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.

И, вздохъ повторяя погасившей души,
Тоскливо, безшумно, шуршать камыши.

КУКУШКА.

На вершинѣ высокаго древа
Тосковала на вѣткѣ кукушка,
Позабывая другомъ подружка.
Она направо, она же налѣво
Разлетѣлись, и ей одинокой
Нужно грезить въ пустынѣ глубокой,
На вершинѣ высокаго древа.

Куковала она, куковала,
Было звучно ея кукованье,
Но для тѣхъ, кто узналъ разставанье,
Кукованія было все мало.
И грустила весна молодая,
Восклицанья пѣвуны считая,
Утончая незримое жало.

Я стоялъ на забытой опушкѣ,
И въ душѣ серебрились печали,
Тѣ печали, что вѣчно звучали
Въ кукованьи весенней кукушки,
Въ шелестѣннѣ высокаго древа,
Въ возрастаньи родного напѣва,
Въ ожиданьи тайнъ на опушкѣ.

ТКАНЬ.

Думный, дымный, темный, томный, дремлетъ лѣсъ.
Тотъ ли? Ждетъ ли? Ту же вѣсть ли ткань чудесъ?

Чады куренья, млѣныя, прѣныя глубины.
Шелестъ, шорохъ, шумы, шопотъ, лепетъ, сны.

Струйны листья, стройно свѣявъ листь къ листу.
Бабы страхи, охи, ахи заплету.

Бѣлка, заяка, пріутайка дѣвчихъ думъ.
Кто тамъ? Что тамъ? По высотамъ зрѣть шумъ.

Выше, тише, ниже, ближе, разнозвукъ.
Въ свѣткѣ вѣтки дрожь объятья, сжатые руки.

Травка сбоку жметъ къ травкѣ впереди.
Цвѣтикъ гнется. Милый свѣтикъ. Ахъ, приди.

Жаръ дымится, всходитъ, бродитъ по кустамъ.
Гуще, рѣже. Гдѣ жь онъ? Гдѣ же? Все отдамъ.

Мохъ умялся. Скоро полдень. Жду съ семи.
Вся я рада. Всей мнѣ надо. Всю возьми.

БѢЛЫЯ БЕРЕЗЫ.

Эти бѣлыя березы
Хороши.

Хороши.

Гдѣ жь мой милый? Въ сердцахъ слезы
Утиши.

Поспѣши.

Или больше онъ не хочетъ?

И алмазь

Мой погасъ?

Вотъ кукушка мнѣ пророчить

Близкай часть.

Смертнѣй часть.

Или нѣтъ мнѣ поцѣлузъ?

Милый мой!

Милый мой!

Если изъ лѣсу пойду я, —
Не домой.
Не домой.
Быть съ тобою, или въ землю.
Тамъ, въ сырой,
Пламень скрой.
Тамъ въ могилѣ, тайну скрой,
Милый мой!
Милый мой!

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Свѣтлодогнѣ лѣтня нощи надъ пространствами Бѣлаго моря
Перелетные призраки чаекъ, упاداющихъ къ сонной
волнѣ.

Эти густо лѣвивыя воды въ ихъ бормочущемъ медлен-
номъ слорѣ.
И по воздуху мысль уплываешь къ той приснившейся въ
дѣтствѣ странѣ.

Гдѣ она, окруженная садомъ? Расписной возвышается
теремъ.

У воротъ роковая колдунья, и отравное яблоко съ ней.
Я бы взялъ это яблоко смѣло. Я бы сразился со ска-
зочнымъ звѣремъ.

Я бы дѣвушку спасъ отъ напасти. Я отъ искуса только
сильнѣй.

Но они за сельмою горою, посвященные счастью хоромы.
Но она за тринадцатой бездною, что скуизеть по мнѣ
безъ меня.

И напрасно закину я сѣти, только рыбѣ въ нихъ ереб-
ристые комы.

И тоскую я ночью безнощной въ ожиданьи бездневнаго дня.

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратныя!
Повнели гирлидами облака просвѣтленныя
Равнины туманятся, и лѣса необъятныя,
Какъ-будто не живныя, навсегда утомленныя

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
На доли печальныя, на селеня бѣдныя,
Глядятъ съ состраданьемъ, на безвѣстныхъ — без-
вѣстныхъ,
Поникшя, скорбныя, безответныя, блѣдныя!

ЗА ГАЕМЪ ЗЕЛЕННЫМЪ.

За гаемъ зеленымъ,
По срывамъ и склонамъ,
Пѣвуче вела ты, тоска.
Но видно, что дважды
Для жалкой жажды
Не дваетъ прохладой рѣка

Здѣсь некогда юнымъ
Я былъ Гамаюномъ,
Въ свирѣльности дисковыхъ словъ.
Но юность лишь эхо
Далекаго смѣха.
Лишь отзвукъ далекихъ шаговъ.

Зеленаго гаю
Листва монолая
Роизеть съ зарею росу.
И юность — лишь лодка,
Уплывшая ходко,
Ведя по водѣ полосу.

За гаемъ зеленымъ,
Со смѣхомъ и звономъ,
Промчались въ ночи бубенцы.
Горячая тройка
Уносится бойко
Во всё мировые концы

ОСЕНЬ.

Осень. Мертвый просторъ. Углубленные грустныя дали.
Завершительный ропотъ шуршащихъ листовъ вѣтровъ.
Для чего не со мной ты, о, другъ мой, въ ночахъ, въ
ихъ печали?
Столько звѣздъ въ нихъ сияетъ, въ предчувствіи зим-
нихъ снѣговъ.

Я сижу у окна. Чуть дрожать беспокойныя ставни.
И въ трубѣ, безъ конца, безъ конца, звуки чьей-то мольбы.
На лицѣ у меня поцѣлуй,—о, вчерашній, недавній.
По лѣсамъ и полямъ протянулась дорога Судьбы

Далеко, далеко, по давишной пробитой дорогѣ,
Заливаясь, поетъ колокольчикъ, и тройка бѣжитъ
Старый домъ опустѣлъ. Кто-то блѣдный стоитъ на по-
рогѣ,
Этотъ плачущій—кто онъ? Ахъ, листъ пожелтѣлый
шуршитъ.

Этотъ листъ, этотъ листъ... Онъ сорвался, летитъ, упа-
даетъ...
Бьются вѣтки въ окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпѣть. Кто же тамъ такъ безумно рыдаетъ?
Замолчи. О, молчи! Не могу, не могу я помочь.

то ты говоришь? Самъ съ собой—и себя отвергая?
олокольчикъ, вернись. Съ привилѣйными страшно мнѣ
быть.
, глубокая ночь! О, холодная осень! Нѣмая!
споспѣвность Судьбы:—Разставаясь, страдать, и лю-
бить.

СКИФЫ.

ы блаженные сны свободно кочующихъ Скифовъ,
олько воля одна намъ превыше всего дорога,
росивъ замокъ Ольвийскій съ его изданными трифонамъ,
тъ врага укрываясь, мы всюду настигнемъ врага.

ѣтъ ни капища у насъ, ни боговъ, только зыбкія туманъ
тъ востока на западъ молитвеннымъ свѣтять лучомъ.
олько богу война темный хворостъ слагаемъ мы въ кучи,
верину тѣхъ кучъ украшаемъ желѣзнымъ мечомъ.

дранчей мы летимъ, саранчей на чужое нагнемъ,
безстрашно насытимъ мы алчныя души свои.
всегда на врага тетиву безъ ошибки натянемъ,
запятавши стрѣлу смертоносною желѣзо змѣи

залетимъ, прошумимъ, и врага полечемъ на арканѣ,
въ отгадки стремимся къ другой неясчатой странѣ.
наше счастье—война, наша вѣрная сила—въ колчанѣ,
наша гордость—въ незнающемъ отдыха быстромъ конѣ.

ВЪ ГЛУХІЕ ДНИ.

Преданье.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
Во мнѣ Россійской пасмурной страны,

Толпы людей скитались безъ крова,
И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтили съ неба,
Съ свирбостью на дольний мѣръ смотря.
И вонь протяжный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!“
Изъ тьмы ябсовъ стремились до царя.

На улицахъ наскохнѣе скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Какъ скорь, — озвѣрены и неодолены,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, озябелѣвшіе отъ гнили,
Живымъ давали сырадный адскій хлѣбъ,
Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь межъ тучъ тройныхъ,
Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиланные лица прилетали,
Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,
На перекресткахъ, молча, старцы ждали,
Какая посвѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Ухвѣвъ комету, дрогнула земля,
И въ эти дни Дмитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьева свой духъ переселя.

ПРЕВОЗМОЖНАЯ.

Хочеть меня Господь взять огъ этой
жизни. Не подобно тѣлу моему въ не-
чистотѣ одежды возлечь въ нѣдрахъ
матери своей земли.

Болгарина Морозова.

Омывъ свой ликъ, весь обликъ свой тѣлесный,
Я въ бѣлую сорочку облеклась,
И жду, да закружится должный часъ,
И отожду изъ этой кельи тѣсной.

Нѣтъ, не на басняхъ подвигъ проходиль,
Нѣтъ, полностью узнала плоть митарства.
Но, восхотѣвъ небеснаго боярства,
Я жизнь созила, какъ ладанъ для кадила.

Отъ нищихъ, коровыхъ, прокаженныхъ,
Не тѣхъ, кто здѣсь въ нарядной лѣпотѣ,
Отъ твоинныхъ, но родимыхъ во Христѣ,
Я научалась радости сожженныхъ.

И пламень свѣтъ въ моемъ дому не гасъ,
Не медлила я въ пыльных вереницахъ,
Но сиротамъ витать въ моихъ ложницахъ
Возможно было каждый мигъ и часъ.

Но встала я за старину святую,
За правило ночное, за Того,
Къ Кому всю роспись дѣла моего
Вотъ-вотъ снесу, какъ чаю я и чую.

За должное сложеніе перетовъ,
За вѣрное несломанное слово,
Миръ ярость огнелальная царева
Какъ свѣтъ, чтобъ четко видѣть путь Христовъ.

Въ вѣкахъ возникши правильной обѣдней,
Здѣсь въ земляную ввержена тюрьму,
Я всю дорогу вижу черезъ тьму,
И я уже не та въ свой часъ послѣдній.

Минуты службы полностью прошли.
Въ острогѣ, и обернута рогожей,
Зарыта буду я. О, Сыне Божій!
Ты дашь мнѣ встать изъ Матери-Земли.

КАПЛЯ.

Семьдесятю горлами,
Въ то море, во Хвалынское,
Втекаетъ Волга водная,
Что съ капли зачалась.
Семьдесятю вѣтками,
Древа въ лѣсу могучи
До неба умудряются,
Да небо не про насъ.

По небу только молнии
Прорвутся и сокруются,
По небу только съ тучами
Пронесется орлы.
А мы съ землею связаны
Семьдесятю связями,
И лишь слезой любовною
Какъ дымъ взойдемъ изъ млы.

СТРАНА, КОТОРАЯ МОЛЧИТЬ.

Страна, которая молчитъ, вся въ бѣломъ-бѣломъ,
Какъ новобрачная, одѣтая въ покровъ,

Что будетъ тронуть имъ, любующимся, сибѣлымъ,
Несушимъ солнечность горячихъ лепестковъ.

Страна, которая вѣкъ дольше знаетъ зиму,
И гулкую тюрьму сибѣпляющего льда,—
Гдѣ нѣтъ конца огнямъ и тающему дыму,
Какъ полнѣй разговоръ вестеть съ звѣздой звѣзда.

Страна, которая за праздниствами манъ
Чуть лѣго планеты ей, спѣшитъ сказать „Я спляю“,
Страна великая, несчастная, родная,
Которую, какъ мать, жалѣю и люблю.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Я на краю Земли, я далеко на Югѣ,
Не югъ разныхъ странъ,—на югъ всей Земли.
Моя заря горитъ на предполярномъ кругѣ,
Въ моихъ моряхъ встанутъ не часто корабли.

Мой свѣточъ—Южный Крестъ. Мой свѣточъ—отблескъ
льдины.

Здѣсь горы лядяныи олинъ пловучий храмъ.
Но за чертой мечты, мой поимсель единый
Ведеть мой духъ назадъ, къ моимъ роднымъ полямъ.

И сколько бы пространство какая бы стихія
Ни развернула мнѣ, въ огнѣ или въ водѣ,—
Плывя, я возглашу единый кличъ: „Россія!“
Горя, я пропою: „Люблю тебя—вездѣ!“

СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Чистъ, рѣчиствъ языкъ Славянскій былъ всегда,
Чистъ, рѣчиствъ, пѣвучъ, какъ звучная вола.

Чутко-нѣженъ, какъ надъ влагою камыше,
Какъ ковыль, когда въ степи ты спишь не спишь.

Сладко-долго, словно свѣтлая мечта,
Въ утро мая, въ часъ, когда цвѣтутъ цвѣты.

Поцѣлуйно онъ, лелѣно онъ лукавъ,
Какъ улыбка двухъ влюбленныхъ въ мигъ забавъ.

А порой, какъ за горою гулкой громъ,
Для врага угроза вѣрной мести въ немъ.

А порой, для тѣхъ, чья жизнь одинъ разбой,
Онъ какъ Море, что рокочетъ вперевой.

Онъ какъ Море, онъ какъ буря, какъ пожаръ,
Разъ проснется, рушитъ все его ударъ.

Онъ проснулся, въ рднномъ гнѣвѣ сны зажелись.
Кто разгнѣвалъ? Прочь съ дороги! Берегись!

ЗОРЯ-ЗОРЯНИЦА.

Заговоръ.

Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Красная Дѣвица, полуночица,
Красныя губы,
Бѣлыя зубы,
Свѣтлыя кудри, свѣтлоочица.
Всѣ ли вы, Зори,
Въ красномъ уборѣ,
Съ кровавыми лентами, рднными?
Вѣчно ли крови,

Ветари и внови,
Розами быть надъ туманами?
Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Будь ты моею защитою,
Отъ враждей силы,
Довременной могилы,
И отъ жизни, тоскою повитою.
Но какому нитю,
Рудож-лтою нитю,
Ты, иглой золотою, проворною,
Вышиваешь со славой,
Пеленю кровавою,
Свой узоръ надъ травиною черною?
Чудо-дѣвица,
Зоря-Зоряница,
Зоря-Зоряница, прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости въ краскѣ,
Будеть ужъ, нескрилась красна.
Нить, оборвись,
Кровь, занемись,
Будеть намъ, ужъ, будетъ этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Такъ и не узнаешь нѣжной жалости?

ПРОЩАНІЕ СЪ ДРЕВОМЪ.

Я любилъ вознесенное сказками древо,
На которомъ звѣзли всегда соловьи,
А подъ древомъ раскинулось море дѣсѣва,
И шумѣли колосья, и пѣли ручьи.

Я любил переключки, от ветки до ветки,
Легкокрылыхъ, цвѣтистыхъ, играющихъ птицъ
Были древнѣ горы ему однолѣтки,
И ровесницы степи, и прѣжа зарницы.

Я любилъ въ этомъ древѣ тотъ говоръ вершинъ,
Что вѣщаетъ пришествіе близкой грозы,
И шуршанье листьевъ перекатно-лавинной,
И паленье заоблачной первой слезы.

Я любилъ въ этомъ древѣ съ рѣсницами Вѣт,
Между вѣхами, стариннаго лѣснаго взоръ
Это древо въ вѣдахъ называлось Россія,
И на стволѣ его—острый наочень топоръ.

ВОЗДУШНЫЙ ОСТРОВЪ

1.

Воздушный островъ, зеленый островъ, въ моряхъ лавныхъ живыхъ планетъ
Въ тебѣ я видѣлъ, въ притихшей дѣтской, моей лампѣ
начальный свѣтъ
Когда, покрыта густой парчю, скликала Полночь
свѣтъ
Предъ трономъ Божьимъ ты, проплывая, была изумрудомъ
среди надил
Въ моряхъ созвѣзій, гдѣ дышетъ вѣчность, предъ
жался въ ряды минутъ
Рубинный островъ, сапфирный островъ, и бирюза
равно плывутъ
И самый нѣжный, аквамаринный, ведетъ, сияя, хрустальный
звонъ
Я всѣ ихъ видѣлъ ребенкомъ малымъ, они проплывали
сквозь дѣтскій сонъ

Но самый близкій, но самый милый, гдѣ я, какъ слѣдуетъ,
бѣлъ, выдѣлялъ цвѣтъ
Зеленый островъ плыветъ смарагдомъ, въ лазурныхъ
безднахъ родныхъ примѣтъ.

2.

Я не могъ учиться у веселья,
Конченъ былъ мой вѣшній день всеяны,
Отвѣтѣли золотыя пчелы,
Хмель отцвѣлъ, и сѣрый цвѣтъ похмелья
Затянулъ сады, дуга и доли.

Все же и у тоски своя наука.
Обнимаясь, долгій часъ, съ тоскою
Какъ съ сестрой печально-дорогою,
Я узнала, что мудрая и мука
Но склонилась вся душа къ покою.

Я прилегу на землю у обѣдѣн,
Гдѣ когда то, въ сладкій мигъ лобзанья,
Я шептала, что радостно касанье
Чуть расцвѣтшей и росистой вѣтки.
Я заснула. Вотъ первое сказанье.

3.

Листокъ упалъ мнѣ на лицо.
Я шевельнулся въ сновидѣнны,
И обручальное кольцо
Скатилося съ пальца. Въ отдаленнѣ
Замкнулось наглухо крыльцо.
И въ звонахъ, въ похоронномъ пѣньи,
Мелькнула бѣлая парча.

И тѣнь того, чѣмъ, горяча,
Жизнь увяляла и свѣтила,
Подъ звукъ пахучаго кадила,
Преобразилась какъ свѣча.
Раскрылась быстрая могила.
Не открывая спящихъ глазъ,
Я такъ второй мой кончить сказъ.

4.

Какъ долго сонъ мой длился третій,
Не знаю. Близко надо мной
Склонился призракъ, мнѣ родной,
Не тотъ, не первый, но иной.
Мы были счастливы какъ дѣти.
Въ очахъ фиалки расцвѣли.
И грани дальняя Земли
Насъ увлекали, вводили.
Смѣшались правда и обманъ.
Въ златисто-изумрудной пыли
Гудѣлъ окружный Оксанъ.
Но все видѣнья сильной были
Чужихъ столпившихся вѣковъ
Мой духъ восторгомъ ослѣпили,
Не разрѣшивъ моихъ оковъ.
И я возросъ какъ Мѣсяцъ въ силѣ,
И волны сердце возвратили
Къ чертѣ родимыхъ береговъ.

5.

Для чего звучишь ты, рогъ пастушій?
Или разбрелся твой стада?
Дымны дали, степи, глуби, глуши.
Бродить—ахъ, должна бродить—бѣда.

Для чего поешь ты, заунывный?
Душу манишь, мучаешь—зачѣмъ?
Я какъ ты былъ звонкій и призывный,
Но въ нѣмой пустынѣ сталъ я нѣмъ.

Не сдержатъ травинки вѣтра въ полѣ,
Не удержитъ бурю малый цѣвтъ.
Мы въ неволѣ видимъ сонъ о волѣ,
Но на волѣ въ вольномъ волн нѣтъ.

Для чего жъ ты плачешь, звонъ свирѣли?
Будемъ вѣрить въ то, что впереди.
Нужно спать. Все птицамъ нѣсеню сѣбак.
Рогъ пастушій, сердце не буди.

6.

Четвертый сонъ такимъ невыразимымъ
Пронзилъ все сердце тонкимъ лезвиемъ,
Что пробудилъ. Закатъ струился дымомъ.
Горѣлъ пожаръ въ сознаниі моемъ.

Мой садъ былъ островъ. Островомъ во вѣки
Пребудетъ онъ. Весь мѣръ кругомъ течеть.
Лука, моря преобразились въ рѣки.
А рѣки въ Море. Ярче капель счетъ.

Обостровленъ, одинъ въ безбрежномъ мѣрѣ
Я вижу, какъ окрестный темный лѣсъ
Сталъ поясомъ на вѣ тучъ. Все гуще, шире
Но въ громъ вступившій—иного разъ воскресъ.

7.

Полночь можетъ надъ былинкой
Колдовать, взростить ростки.

Полночь может паутинкой
Прикоснуться до щеки.
Въ глубинѣ морей подводной
Много сказокъ, много дивъ.
Тамъ коралль, съ коралломъ сродный,
Тихъ и цѣнокъ и красивъ.
Серебромъ мелькають рыбы,
Дремлютъ клалы давнихъ поръ
А коралль свои изгибы
Въ снѣ о выси ткеть въ коверъ.
Наростаемъ многосложнымъ
Четко льнетъ черта къ чертѣ.
Чтобы сонъ о невозможномъ
Стая неложнымъ въ высотѣ.
Чьи поютъ такъ нѣжно струны?
Дышетъ влажный изумрудъ.
Круговой размиръ лагуны
Взнесъ подводность. Островъ—тутъ.

8.

Въ синевѣ безграничной, на ковръ самолетъ,
Выше царствъ и людей,
Я лечу озаренный, весь въ ночной позолотѣ.
Я во снѣ? Я ли севѣ? Сонъ и—чей?
Я плыву въ неоглядномъ, я въ сверкающемъ челнѣ.
Я стою у руля.
Кто доверится грому, тотъ воскреснетъ изъ молній.
Какъ мнѣ свѣтитъ родная, гдѣ-то снизу, земля.
Въ безпредѣльной надеждѣ, что найду я добычу,
Что жива красота,
Слѣва Мѣсяцъ зову я, справа Солнце я кличу.
Мнѣ въ бездонномъ два круглые свѣтятъ щита.

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ!

1.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и много много.
Въ этой душѣ создалось первозданное Слово!
Гдѣ, какъ не въ ней,
Замыслы встали безмѣрной тучей,
Нѣжность возникла услалой пѣвучей,
Совѣсть, свѣтальникъ опасный и жгучий,
Вспылки и блески различныхъ огней,—
Гдѣ, какъ не въ ней,
Бури переносятся мысли могучей!
Небо не тамъ,
Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
Гдѣ создаю я и снова создамъ
Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
Пламенный знакъ моего постоянства.
Небо—въ душевной моей глубинѣ,
Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ
Дивно и жутко—уйти въ запредѣльность,
Страшно мнѣ въ пронасть души засягнуть,
Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.
Все въ ней слилось въ безконечную пѣяность,
Только душѣ я молитвы пою,
Только одну я люблю безпредѣльность,
Душу мою!

ПОЛНОЧЬ И СВѢТЬ

Полночь и свѣтъ знаютъ свой часъ.
Полночь и свѣтъ радуютъ насъ.
Въ сердцѣ моемъ—призрачный свѣтъ.
Въ сердцѣ моемъ—полночи нѣтъ.

Вѣтеръ и громъ знаютъ свой путь.
Къ яону земли смѣютъ прильнуть.
Въ сердцѣ моемъ буря мертва.
Въ сердцѣ моемъ гаснутъ слова.

Вѣчно ли я буду рабомъ?
Мчитесь ко мнѣ, буря и громъ!
Сердце мое, гибни въ огни!
Полночь и свѣтъ, будьте во мнѣ!

ГАРМОНИЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
Были грома пѣвучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
И гармонія красочныхъ словъ?

Почему въ языкѣ современныхъ людей
Стукъ сыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательность словъ, точно эхо молвы,
Точно рожокъ болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скалъ возникла вода,
Не боялась она прорываться впередъ,
Если станешь предъ ней, такъ убѣгать.

И убѣгать, и зальется, и прозрачно бѣжить,
Только волей своей дорожить.
Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

СВѢЧА ГОРИТЬ.

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй,
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.

Гори же, разгорайся, пока еще ты юна,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ.

Чтобъ было что припомнить на склонахъ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтила негнѣивый свѣтъ—

Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ—и святыхъ.

ЗАВѢТЬ БЫТІЯ.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:—
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“

Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное Море:—
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Соянна,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе вара.
Ничего не отвѣтило Соянне,
Но душа услышала: „Гори!“

ЛЛЕТИ.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,

Отъ напрасныхъ разговоровъ,—
Улети.

Птицей вольной, птицей бѣлой,
Изъ темницы застарѣлой,
Унесись на подвигъ смѣлый,
Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
И свободно и красиво
Засияетъ лугъ и нива,—
Захоти.

Плавнымъ—крыльямъ, пыльнымъ—пальямъ,
Но мечтой умножь усилья,
Вотъ растутъ, бѣлѣютъ крылья,—
Что жь, лети.

Камень тяжкій отвалился,
Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
Прахомъ твой порогъ затмился,—
Отмети.

Будь же съ нами, голубями,
Въ голубомъ, воздушномъ храмѣ,
Мы помчимся облаками,—
Улети.

БОЛЬ.

Мы должны бѣжать отъ бои,
Мы должны любить ее.
Въ этомъ правда высшей Воли,
Въ этомъ счастье мое.

Самъ себя изъ вѣчной сферы
Устремилъ я съ высоты,
Въ область времени и мѣры
Въ царство мысли и мечты.

И отнашин отъ начала,
Полновольная душа
Затомилась, заскучала,
И бѣжитъ, къ концу спѣша.

Но конца не будетъ сердцу—
Гдѣ моря безъ береговъ,
Какъ не встрѣтить шовтрцу
Въ чуждыхъ снахъ—своихъ боговъ.

Тотъ, кто бросился въ скитанья,
Не увидетъ тяготъ пути,
Отъ страданья на страданье
Будетъ вынужденъ пасть.

Но за то онъ встрѣтитъ страны,
Гдѣ увьется онъ мечтой,
Гдѣ взмѣны и обманъ
Поражаютъ красотой.

И затлупый въ взмѣны,
Гдѣ обманчивы огни,
Онъ вскипитъ, какъ бризги пѣны,
И погаснетъ, какъ они.

И опять, опять застонеть
Легкимъ ропотомъ челнока.
Рано ль, поздно ль, онъ потонетъ.
Такъ плывемъ же. Путь далека.

Путь далекъ до Вѣчной Воли,
Но вернемся мы въ нее.
Я хочу стремиться къ боли,
Въ этомъ счастье мое.

МАЛО КРИКОВЪ.

Мало криковъ. Нужно стройно
Грамматически рыдать.
Надо дѣйствовать спокойно
И красивый ликъ создать.

Мало искреннихъ мученій,
Ты же въ Мирѣ не одинъ.
Если ты разумный геній,
Дай намъ чудо звонкихъ льянъ.

Силой мѣрнаго страданья
Дай намъ храмы изъ льда.
И тогда твои рыданья
Мы полюбимъ навсегда.

СЪ ВЫСОКОЙ БАШНИ.

Съ высокой башни
На мѣрѣ гляжу я.
Съ желѣзной башни
За нѣмь слѣжу я.
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Кругомъ бушуетъ.

Что мигъ текущій,
Что день вчерашній,
Что вихрь бѣгущій,
Какъ звѣрь, надъ пашней,
Бѣгущій мимо,
Неудовимо,
Какъ гроздь дима,
Вкругъ стройной башни.

На мѣрѣ всегдашній
Свѣтло гляжу я.
Съ высокой башни
За нѣмь слѣжу я.
И злится Вѣтеръ,
Кружится Вѣтеръ,
И мчится Вѣтеръ,
Кругомъ бушуетъ.

ЗАПОВѢДЬ.

Не убивай. Не отнимай. Не соблазжай—несоблаженный,
Не завлекай въ веселый гай, коль самъ не взять тоской
безсонной.

Но если ты взлюбилъ мечты, какъ любимъ сердцемъ близость Бога,
Или, куда зоветъ звезда, и пусть велесть тебя дорога.

И пусть убьешь. Быть можетъ, лажь, что ты убилъ—убивал.
Вѣдь въ битвѣ есть восторгъ и честь, и есть призывъ
Родного края.

И если взять чрезъ быстрый взглядъ, весь мѣрѣ другой—
душа пѣвческой,
Возьми меня рукой огня, блаженнымъ буду в сожженный.

КЛЮЧЬ.

Волшебница дала мнѣ ключъ блестящій,
Отъ замка, въ чьемъ саду все сны Земли
Безсмертными цвѣтами расцвѣли:
Она была окутана благовоною чинцей,—

Она была украшена тинискою летящей,
Зарей, разлившейся алый блескъ вдали,
Какъ будто духи сокъ рубиновъ жгли.
И подходила къ загадкѣ настоящей.

Предъ замкомъ мостъ. Подъ нимъ течеть рѣка.
Въ водѣ свѣтилась бездна голубая.
Вдругъ, быстринъ кругомъ птицу огибая,

Другая птица пала съвысока.
Я видѣла кровь. Разжалась вмгъ рука.
И ключъ упалъ, чуть всхлипнувъ, утопая.

УХОДЯЩАЯ ТѢНИ.

Я мечтою ловила уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шель, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вокругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ Небесъ и Земли.

Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сияньемъ пронзальнымъ какъ будто ласкали,
Словно ибжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огненное свѣтило догорало вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шель, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ снѣговъ,
Подъ холоднымъ сияньемъ Луны,
Хорошо намъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
Обитатели призрачной свѣтлой страны,
Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны.

Какъ отрадно въ глубокой полуночной часъ
На мигновенно все скорби по-дѣтски забыть,
И, забывая, что любовь невозможна для насъ,
Какъ отрадно мечтать и любить,
Безъ улыбки, безъ словъ,
Средь ночной тишины,
Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны.

ПОДО ЛЬДОМЪ.

Надъ окованной льдомъ глубиной я вижу,
И гляжу, и скольжу я на льду.
Лучезарна поверхность холоднаго льда,
Но темна подо льдами вода.

Тамъ въ студеныхъ садахъ, въ тишинѣ темноты,
Цвѣтенья, бѣлѣютъ цвѣты.
Дотянулся до льда несвободный цвѣтокъ,
Но на воздухъ онъ выйти не могъ.

И въ душѣ у меня хорошо и свѣтло,
Что-то къ сердцу отъ сердца дошло.
О, ледяной цвѣтокъ, ты дожделешься весны,
Подожди въ тишинѣ глубины.

Если даже теперь и пронзятъ бы ты ледь,
Этотъ воздухъ расцвѣтъ твой убьетъ.
О, прекрасный цвѣтокъ, подожди до весны,
Ты увидишь всѣ лучшіе сны.

СНѢЖИНКА.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая
Какая чистая,
Какая смѣлая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользить, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ
Сохранно-бѣлая.

Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожить, взмечтается,
На цѣпь, дельюшемъ,
Свѣтло качается.

Его качелями
Она утѣшена,
Съ его мятежами
Кружится бѣшено.

Но вотъ кончается
Дорога дальная,
Земли касается
Звѣзда кристальная.

Лежитъ пушистая,
Снѣжинка смѣлая.
Какая чистая,
Какая бѣлая!

ШЕЛКОВИНКА.

Изъ тонкой шелковинки я ниточку пряду.
По тонкой шелковинкѣ тебя я поведу.

Кусочек перламутра—лампадочка моя.
Въ жемчужные покои войдемъ мы, ты и я.

И тамъ тебѣ открою атласную кровать,
И бабочки намъ будутъ воздушно тапцовать.
И тонко такъ, хрустально, подобные ручью,
Намъ часики смѣшные сплутъ: „Баю-баю“.

ГОЛУБОЙ СОНЪ.

Отъ незабудокъ шелъ чуть слышный звонъ.
Цветочный гулъ летѣя надъ круглыми
Холмами, васильки, какъ въ синемъ дымѣ,
Въ далекий уходили небосклонъ.

Качался въ легкомъ вѣтрѣ локмай день.
Вьюнокъ лазурилъ змѣйками витыми
Стволы деревъ съ цвѣтами молодыми.
И каждый стволъ былъ свѣтомъ обрамленъ.

И свѣтъ былъ синь. Кипѣла въ перебоѣ
Волна съ волной. Лазурь текла въ лазурь.
Павлины спали въ царственномъ покоѣ.

Весь мѣръ въ пространство перешелъ морское.
И въ этомъ снѣ, не знавшемъ больше бурь,
По небу влило Солнце голубое.

АЛЫЙ ИЗУМРУДЪ.

Птичка алый изумрудъ
Распѣваетъ, да не гудъ,

Не надъ нашими полями,
А за теплыми морями.

Почему ее зовутъ.
Птичкой алый изумрудъ?
Вся она—какъ листъ зеленый,
Голось—ангельскіе звонны.

Вся зеленая она,
А на груди двѣ пятна,
Въ честь востока и заката
Два зажженные граната.

Легкокрылая она,
Запоетъ, дрожитъ струна,
Точно лунный духъ печальный
Въ церкви молится хрустальной.

Если алый изумрудъ
Люди въ клѣтку закуютъ,
Въ мигъ погаснетъ безъ возврата,
Нѣтъ листка, и нѣтъ граната.

ЧЕРТОГЪ.

Изъ пламеней и лепестковъ червонныхъ,
Изъ быстрыхъ искръ отъ скака конскихъ ногъ,
Изъ тѣхъ боевъ, гдѣ бьется рязь о рогу,
Изъ рева бурь, и гласа гудовъ звонныхъ,—

Изъ енимамовъ сине-благонныхъ,
Изъ словъ, которыхъ вымолвить не могъ,
Я принималъ вѣсть, и выстроилъ чертогъ
Изъ тайновѣстей этихъ раскаленныхъ.

Въ чертогѣ, гдѣ прядеть моя мечта,
Сидѣются несчетные покои.
Въ намѣкъ скрестилась въ немъ съ чертой черта.

Огнями соарѣваетъ темнота.
Въ углахъ сосуды, гдѣ въ густомъ настоѣ
Хиляеть сказка, и цвѣтегъ алоэ.

ПѢСНЯ АРАБА.

Есть странная пѣсня Араба, чье имя—ничто.
Мнѣ сладко, что этотъ поэтъ межъ людей неизвѣстенъ.
Не каждый изъ насъ такъ правдивъ, и спокоенъ и честенъ,
Намъ хочется жить—ну хоть тысячу лѣтъ, ну хоть сто.

А онъ, сладкозвучный, одну только пѣсню пропѣлъ,
И, выразивъ лайно свою одинокую душу,
Какъ валь Океана, домчался на блѣдную сушу,
И умеръ, какъ пѣна, въ иной удаляясь предѣль.

Онъ пѣлъ: „Я любилъ красоту. А любила ль она,
О томъ никогда я не зналъ, никогда не узнаю.
За первую встрѣчу къ иному умчался я краю
Такъ Небо хотѣло, и такъ повѣляла Луна.

„Прекрасная дѣва на лотнѣ играла, какъ духъ,
Прекрасная дѣва смотрѣла глазами газели.
Ни слова другъ другу мы съ нею сказать не успѣли,
Но слышало сердце, какъ былъ зачарованъ мой слухъ.

„И взглядъ мой унесъ отраженье блистающихъ глазъ.
Я прожилъ нить лѣтъ близъ мечетей Валата-Могита.
Но сердцемъ влалычица думъ не была позабыта.
И волей созвѣздей второй мы увидѣлись разъ.

„Я встрѣтилъ другую. Я долженъ спросить быть тогда,
Она ли вотъ эта. Все жъ сердце ее разглядѣло
И счастливъ я былъ бы, когда бы она захотѣла.
Но, слова не молвивъ, она отошла навсегда.

„Мнѣ не въ чемъ ее упрекнуть. Мы не встрѣтнмся вновь.
Но мнѣ никогда обѣщанья она не давала.
Она не ягала мнѣ. Такъ развѣ же это такъ мало?
Я счастливъ. Я счастливъ. Я знаю, что такое любовь!“

РЪЗЬБА ПО КАМНУ.

Только лебедь, гордый образъ, бѣлый лебедь на волѣ.
Дать сапфира: Вышній вечеръ. И звезда плыветъ къ звѣздѣ.

Только сонные смарагдамъ чащей слившихся осякъ.
На прибрежья золоченый и серебряный песокъ.

Бирюза, и лунный камень, къ небо вѣзанный серпогъ.
Надъ опаловой водою въ дымномъ краѣ спящій громъ.

Безглагольная бесѣдка изъ бѣлосовыхъ ракинъ
Грани лясъевъ обращаетъ въ привидѣнный хризолитъ.

Свѣтять яхонты хотящнкъ, ждущихъ счастья, вѣщихъ глазъ.
Вотъ онъ, волею созвѣздей, ласкъ любви алмазный часъ.

ПОРТРЕТЬ.

Газель, и конь, и молнй, и птица,
Въ тебѣ слились и ворожатъ въ глазахъ.
Колдуетъ полночь въ черныхъ волосахъ,
Въ послѣшней рѣчи зыбится зарница.

Есть свидѣнно намъ родныя лица,
Въ восторгъ любви въ нихъ проскользаетъ страхъ.
И я тою въ расширенныхъ зрачкахъ,
Твоихъ, о, Византійская царица.

Съ учтивостью и страстью руку взявъ,
Что дополняетъ весь твой зримый нравъ
Пыльнѣтельными длинными перстами, —

Смотрю на перстни, въ нихъ носятъ алмазь,
Рубинъ, опаль. Дордѣлъ закатный часъ.
И править Ночь со звѣздными мечтами.

ЗОЛОТО-МОРЕ.

Есть Золото-Море.
На Золотъ-Морѣ,
Которое молча горитъ,
Есть Золото-Древо,
Оно одиноко
Въ безбрежномъ горѣнии стоитъ.

На Золотъ-Древѣ
Есть Золото-Птица,
Но когти желѣзны у нея.
И рветъ она въ клювъ
Того, кто ей нелюбовь,
Межъ краснахъ и желтыхъ огней.

Есть Золото-Море
На Золотъ-Морѣ,
Бѣль-Камень, бѣлья, стоитъ.
На Камнѣ на бѣломъ,

Сидитъ Красна Дѣва,
А Море безбрежно горитъ.

На Золотъ-Морѣ,
Подъ Камнемъ, подъ бѣлымъ,
Подъ яты желѣзны врата.
Сидитъ Красна Дѣва,
Подъ нею — глубина,
Подъ камнемъ ея — темнота.

И Золото-Море
Сверкаетъ безбрежно.
Но въ глубь опускается трупъ.
То Красная Дѣва
Въ бездонности топить
Того, кто ей впрямую быть любя.

КОЛДУНЯ.

*She who must be obeyed.
R. Haggard.*

— Колдунья, мнѣ странно такъ видѣть тебя.
Мнѣ люди твердили что ты
Живешь — безпощадно живое губя,
Что старья страшны черты: —
Ты смотришь такъ нѣжно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты. —

«Кто такъ говорилъ, можетъ, быть онъ и правъ.
Жила я не годы, — всегда.
И много безумцевъ, свой умъ потерявъ,
Узнали всѣ нытки, — о, да!
Но я какъ цвѣтокъ расцвѣлаю межъ травъ,
И я навсегда — молода!»

— Колдунья, Колдунья, твой взоръ такъ глубокъ,
Я вижу столѣтья въ зрачкахъ.
Но ты мнѣ желанна. Твой выкики намекъ
Въ душѣ пробуждаетъ не страхъ.
Дай счастье съ тобою хоть на малый мнѣ срокъ,
А тамъ — пусть терзаюсь въ вѣкахъ. —

„Вотъ это откроетъ блаженство для насъ,
Такія слова я люблю.
И если ты будешь безсмертнымъ въ нашу часъ,
Я счастье наше продаю.
Но, если увижу, что взоръ твой погасъ,
Я тотчасъ тебя утоплю“.

Я снился съ Колдуньей, всегда-молодой,
Съ ней счастливъ былъ счастьемъ боговъ.
Часы ли, вѣка ли прошли чередой?
Не знаю, я въ безднѣ былъ сновъ.
Но какъ рассказать мнѣ о сладости той?
Не въ силахъ. Нѣтъ власти. Нѣтъ словъ.

— Колдунья, Колдунья, ты ярко-свѣтла,
Но видишь, я свѣтелъ, какъ ты.
Мнѣ вѣдомы таинства Блага и Зла,
Не знаю лишь тайны Красоты.
Скажи мнѣ, какъ ткани свои ты сплелъ,
И какъ ты загляла въ нихъ цвѣты? —

Колдунья взглянула такъ странно-свѣтло.
„Гляди въ этотъ полный стаканъ“.
И что-то, какъ будто, предъ нами пронло,
Прозрачный и быстрый туманъ.
Вино золотое картины загляло,
Правдивый возникъ въ немъ обманъ.

Какъ въ зеркалѣ мертвомъ, въ стаканѣ вина
Возникъ упопительный залъ.
Колдунья была въ немъ такъ четко видна,
На ткани весь мнръ оживалъ.
Сидѣла она за станкомъ у окна,
Узоръ за узоромъ вставалъ.

Не знаю, что было мнѣ страннаго въ томъ,
Но только я вдругъ поблѣднѣлъ.
И страшно хотѣлось войти мнѣ въ тотъ домъ,
Гдѣ залъ этотъ пышный блеснѣлъ.
И быть какъ Колдунья, за страннымъ станкомъ,
И тотъ же извѣдать удѣлъ.

Узоръ за узоромъ живой красоты
Мѣнялся все снова и вновь.
Слагались, горѣли, качались цвѣты,
Быль страхъ въ нихъ, была въ нихъ любовь.
И между мгновеньями въ ткань съ высоты
Пурпурная падала кровь.

И вдругъ я увидѣлъ въ томъ свѣтломъ винѣ,
Что въ залѣ ковры по стѣнамъ.
Они измѣнились, почудилось мнѣ,
Подобно причудливѣмъ снамъ.
И жизнь всемъ владыла на лѣвой стѣнѣ,
Мнръ справа былъ данъ мертвецамъ.

Но, что это, что тамъ за сонъ бытня?
Войною захваченный станъ.
Я думалъ, и мысль задрожала моя,
Рой смертныхъ былъ гибели данъ.
Тамъ были и звѣри, и люди, и я —
И я опрокинулъ стаканъ.

Что сбывалось потом? Что думал тогда?

Что было, что стало со мной?

Объ этом не знать никому никогда

Во всей этой жизни земной.

Колдунья, как прежде, всегда — молода,

И разум мой — вечно съ весной.

Колдунья, Колдунья, раскрой твой обман!

Мир страшную тайну твою.

И красные ткани, среди призрачных стран!

Сплетае, узоры я вижу.

И весело полный шипящий стакан!

За жизнь, за Колдунью я пью!

ЗАКОНЪ ПРИРОДЫ.

Природа — прихотливѣйшій твердь.

Отъ простоты всегда уходитъ въ сложность.

Ей побуждать желанно невозможность.

Повсюду разсыпаетъ дожди колеи.

Нигдѣ не говоритъ она: Конечъ.

Чуть сотворить, и тотчасъ, осторожность

Съ мечтой слязетъ, крѣпнѣть свой храмъ Всебожнсть,

Играя миллионами сердецъ.

По клавишамъ несчетныхъ ощущений

Бѣгутъ персты, легчайшіе, чѣмъ сонъ.

Гудитъ отъ звѣзды дрожащихъ небосклоновъ.

Еще цвѣтешь, звѣрѣй, и снова, и рдѣннй.

И лѣтнница всечѣрныхъ расхожденій

Ростеть, а прихоть — строгій здѣсь законъ.

УМЪИ ТВОРИТЬ.

Умѣи творить изъ самыхъ малыхъ крохъ.

Иначе, для чего же ты кулесникъ?

Среди людей ты Божества намѣстникъ,

Такъ помни, чтобъ въ словахъ твоихъ былъ Богъ.

Въ лугахъ расцвѣтѣе кустомъ чертополохъ,

Окъ жестокъ, но въ лиловомъ окъ предестникъ.

Одинъ толкачикъ знойныхъ сутокъ вѣстникъ,

Судьба въ одинъ вмѣстится можетъ вздохъ.

Маэстро Итальянскихъ колдованій

Приказывалъ своимъ ученикамъ

Провидѣть полный пышной славы храмъ

Въ обломкахъ камня и въ обрывкахъ тканей.

Умѣи хотѣть, и силою желаній

Господень духъ промчится по струнамъ.

СООТНОШЕНЬЯ.

Алмазы скрѣпы всехъ соотношеній,

Вездѣ узоръ ихъ музыки люблю.

Какъ волны льнутъ къ своему кораблю.

Умъ ластится къ теченіямъ внушеній.

Медуза въ Океанѣ — пышный геній,

Казкихъ въ людскихъ свершеніяхъ я люблю.

Когда дорогу къ ней отъ низшихъ дяю,

Я вижу, какъ въ ней много достиженій.

Я научился зодчеству у птицъ,

Въ тѣ дни Земли, какъ вѣдать лишь охоты.

Я за звѣрьми вступилъ въ глухіе гроты.

Я переняла съ растения листъ страницъ.
И, напитавшись духомъ медунницъ,
За головою свои расчислила ноты.

ТАЙНА.

Среди древнѣйшихъ землеописаній
Забить одинъ могучій Океанъ,
Межъ тѣмъ какъ самый яркій въ немъ обманъ,
И самый нѣжный свѣтъ, какъ въ зыбкой ткани.

Безумна водокруть его рыданій.
Звенящей мглы пьянительный калянъ
Въ вѣкахъ тоски Землѣ отъ Неба данъ,
И звѣздный смыслъ сквозить въ священной дани.

Единое изъ всѣхъ земныхъ морей,
Гдѣ можно пить. И нѣмъ мы ненасытно.
Вселенная глядитъ въ него. И слитно

Съ бездонностью, нашъ разумъ, какъ ручей,
Ляисъ изъ тайнъ, втекаетъ въ Тайну, льется.
Тотъ Океанъ здѣсь Музыкой зовется.

РОЖДЕНІЕ МУЗЫКИ.

Звучало Море въ грани береговъ.
Когда всѣ вещи Мира были юны,
Слагались многопѣвныя буруны,
Въ нихъ былъ и гудъ струны и ревъ роговъ.

Быль музыкою льсъ и каждый ровъ.
Цвѣли цвѣты, огромные какъ луна,

Когда въ сознаніи прозвучали струны.
Но звонъ иной былъ первымъ въ ладѣ снова.

Повѣявъ вѣтеръ въ тростники навѣвно,
Черезъ нихъ отвѣрстья ожили дуга.
Такъ первая свирѣль была царевна

Вѣтровъ и волн, смывшей берега.
Еще, чтобъ мечь и мечъ запыли гнѣвно,
Я сблала флейты изъ костей врага.

МУЗЫКА.

Кто шепчетъ черезъ музыку съ сердцами.
Что говорить въ ней волею съ душой?
Мы грезой зачарованы чужой,
И тотъ чужой—родной, онъ плачетъ съ нами.

Преходягъ тѣни прошлаго струнами.
Душа заворожилась глубиной.
Ты тайный—за прозрачною стѣной,
Недосажимо-близко, и съ крылами.

Что въ музыкѣ? Восторгъ, неожиданность, боль.
Звукъ съ звукомъ—обручившіяся струн.
Слѣнья въ Волю сонма разныхъ волю.

О, всѣ живые были въ поцѣлѣхъ.
Съ очей слѣзныхъ вдругъ отопили чешуй.
Еще побить въ прозрачій дозволь.

ПОЭТЬ.

Рѣшаетъ мигъ, но предрѣшаетъ часъ
Три дня, недѣля, мѣсяцы, и годы.
Художникъ въ мигъ—взрывъ въ жерлъ природы,
Просвѣтлый взоръ во-внутрь Господнихъ глазъ

Поэты. Братья. Увѣчали насъ
Не люди. Мы древнѣй людей. Мы свои
Иныхъ планетъ. Мы Духа переходы.
И грань—секунда, тамъ гдѣ нашъ алмазь.

Но если я поэтъ, да не забуду,
Что въ творчествѣ подземное должно
Вращать, вращать, вращать веретѣно.

Чтобъ вырваться возможно было чуду.
Чтобъ духъ пѣвка на версты лился всюду
Чтобъ въ душу стихъ глядѣлъ и палъ на дно.

ЛАРЕЦЬ.

Скованъ черную сѣтку стѣволовъ и вѣтвей,
И рѣдкое кружево листьевъ зеленыхъ,
Я вижу, какъ сѣрый поэтъ соловей,
И вижу я пѣсно въ чутъ, зримыхъ уклоняхъ.

Всѣмъ тѣломъ въ пафѣвъ—какъ изванье, какъ влитѣ,
Приводилъ головку флейтисть затвонной,
То шире, то уже онъ горломъ свиститъ,
Ручьяся журчанья свирѣли влюбленной.

Онъ странно мнѣ близокъ, угадчикъ-пѣвецъ,
Я помню столѣтій минувшихъ апрѣли,

Близъ пины въ себѣ ощущать я ларецъ,
Въ влюбленномъ сокровища звуковъ звенѣди.

Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вмѣстѣ съ Л во влюбленномъ,
Сливались,—тебѣ закричалъ я „Ау!“
И мы цѣловались, узявъ себя въ пѣны.

Я ИЗЫСКАННОСТЬ

Я—изысканность Русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи.
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклонъ,
Перелѣвные, гнѣвные, ибжевые звоны.

Я — внезапный изломъ,
Я — играющій громъ,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многоцѣпный, разорванно-слитный,
Самоцѣпные казны земли самобытной,
Переключки лѣсная зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я — изысканный стихъ.

SIN MIEDO.

Если ты поэтъ и хочешь быть могучимъ,
Хочешь быть бессмертнымъ въ памяти людей,

Порази ихъ въ сердце вымысломъ пѣвучимъ,
Думу заками на пламени страстей.

Ты видалъ книжалы древняго Толедо?
Лучшихъ не увидишь, гдѣ бы ни искалъ.
На клинкѣ узорномъ надпись: „Sin miedo“.—
Будь всегда безстрашнымъ,—властень ихъ закалъ.

Раскаленной стали форму придавая,
Въ сталь кладутъ по черни золотой узоръ,
И вѣка сверкаетъ красота живая
Двухъ металловъ слитыхъ, разныхъ съ давнихъ поръ.

Чтобъ твои мечты вовѣкъ не отблестили,
Чтобъ твоя душа всегда была жива,
Разбросай въ напѣвахъ золото по стали,
Влей огонь застывшій въ звонкія слова.

СКРУЧЕННОСТЬ.

Птенецъ испытываетъ крылья,
Не отлетая отъ пѣзда.
Изъ нѣдръ щедротныхъ изобиья
Прорвется вспѣвная вода.
Но прежде долгій путь подземный
Пройдетъ во мракѣ взрывной ключъ,
Предъ тѣмъ какъ съ міромъ бой безшлемный
Зачнетъ, дробя граниты кручъ.
И сплавъ руды, предъ коей камень
Смягчитъ свой сплоченный объемъ,
Пройдетъ черезъ упорный пламень,
Чтобъ засвѣтиться лезвемъ.
Не такъ-ли ты, вѣстатель слова,

Что будетъ брошено въ вѣка?
Въ часъ вождельныи святого
Въ тебѣ давшіяся тоска
Поетъ, свивая жуть цвѣтка.

БЕЗГЛАСНАЯ ПОЭМА.

Каждый цвѣтокъ есть изваянный стихъ.
Въ каждомъ растеніи сага.
Въ нихъ очертанія мыслей монхъ,
Слезъ освѣжительныхъ влага.

Стоитъ мнѣ только подумать о чемъ,
Мысли въ пространство стремятся,
Свѣтятся въ немъ достающимъ лучомъ,
Въ гроздьяхъ созвѣдій роятся.

Мыслью мою я все достаю,
Въ царствахъ бездонныхъ эфира,
Въ кузницахъ тайныхъ незримо кую
Звенья богатого міра.

То, что чертѣло, какъ грубый кусокъ,
Было обломкомъ тяжелымъ,
Я превращаю въ горящій цвѣтокъ,
Отданный огненнымъ пчеламъ.

Творческій молотъ стучитъ безъ конца,
Искры сплетаются въ пляскъ.
Звенья растутъ Мирового Кольца,
Неумирающей сказки.

Дальше и дальше уходить мечты,
Нѣтъ для мышленья границы.
Въ новыхъ просторахъ раскрылись цвѣты,
Искрятся ихъ вереницы.

Въ лиліяхъ бѣлыхъ вся нежность моя,
Страсть моя въ кактусахъ красныхъ,
Въ желтыхъ колосахъ покой бытія,
Ласковость въ розахъ атласныхъ.

Арумъ зловѣщій, и старый анчаръ,
Пасть орхидеи тигриной—
Яркая разность тождественныхъ чаръ,
Отблески мысли единой.

Кровью я каждый цвѣтокъ расцвѣтилъ,
Или слезою воздушной,
Дать имъ вкусить отъ сверкающихъ силъ,
Выростить въ безднѣ послушной.

Выростить ихъ и до завтра затихъ,
Лучшія радости нѣмы.
Каждый цвѣтокъ есть изваянный стихъ
Вѣчно-безгласной Поэмы.

СОЗНАНЬЕ, СИЛА, И ОСНОВА.

Сознанье, Сила, и Основа—
Три ипостаси Одного.
О, да, въ началѣ было Слово,
И не забуду я его.
Въ круженьи Солнца мирового
Не отрекись ни отъ чего.

Высоты горныя Сознанья—
Какъ Гималайскіе хребты.
Тамъ вѣчный праздникъ пониманья,
Зачаты новой красоты.
Для нежной радости паянья
Я измѣняю все черты.

Неумирающая сила
Не знаетъ, что такое мель.
Она не помнитъ то, что было,
Родитъ приливы и мятель.
И въ каждомъ атомѣ могла,
Въ пылинкѣ каждой колибель.

Неистребимая Основа—
Неисчерпаемый рудникъ.
Въ ней все возможности живого,
Въ ней иракъ и блескъ и вздохъ и крикъ
Стоять отжилъ я, и снова
Встрѣчаю дѣтски майскій мигъ.

Среди стихійнаго безчиства,
И столкновенья встрѣчныхъ струй,
Я чувю радость материнства,
Я слышу новый прибулуй,
И двустороннее Единство
Въ моей крови поетъ: „Ликуй!“

О, да, въ началѣ было Слово,
И какъ не помнить мигъ его!
Въ движеньи круга мирового
Я прикасался до всего.
Сознанье, Сила, и Основа—
Три солнца духа моего!

ЗВѢРЬ-ЦВѢТОКЪ.

Ведя какъ бы расплавленнымъ металломъ,
Хочу въ стихъ я вывести узоръ.
Есть звѣрь-цвѣтокъ, зовущійся коралломъ.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ, поетъ безгласный хоръ,
Они растутъ согласными чертами,
Слагая титанической соборъ.

На кратеръ потоншемъ, чередами
Въ столѣтїяхъ свою свивая цѣпь,
Восходить звѣри мѣрными рядами.

Ихъ мысль, и хотѣ, и сонъ, и жвь, и дѣль
Сплывлются. Ихъ бѣлые скелеты
Лазурь волны преображаютъ въ степь.

Въ лагунахъ изумрудомъ мѣются свѣты.
Еще усилье тысячи цвѣтковъ,
И островъ всталъ, коралломъ Солнцу спѣтый.

Твердыня встала круглыхъ островковъ,
Въ ихъ кругѣ тишь зеркальная лагуны,
Псаломъ, звѣрями вышпиенныхъ, словъ.

А Оксанъ кругомъ рождаетъ струны,
Бросая волны сонмами лавинъ.
Изваянь перстень, вложены въ немъ руны.

Въ моряхъ міровъ ходъ творчества единъ.

СКАЗЬ О КАМНЯХЪ.

Кто алмазы расцвѣтилъ?
Кто цвѣты далъ? — Звѣздный Геній,
Въ часъ рожденія свѣтилъ,
Горсть сверкающей ухватилъ,
И обжегся отъ горѣній,
Отъ живыхъ воспламененій,
Исходившихъ изъ горнилъ.
Онъ обжегся, усмѣхнулся,
Все-жь, сверкая, содрогнулся,
Пламень взятый уронилъ.
Капли пламени летѣли,
Охлаждаясь въ темнотѣ.
Все-жь храня въ небесномъ тѣлѣ,
Въ маломъ тѣлѣ, въ круглотѣ,
Взрывъ, и дрожь, и зовъ къ мечтѣ,
Брызги радугъ — красотѣ.

Изъ горячихъ водоемовъ
Закипающихъ свѣтилъ,
Звѣздный Геній, въ гулъ громовъ,
Въ блескъ молній и кадилъ,
Много чувствъ поработилъ,
Въ тѣло вольными вмѣстилъ,
И, заикнувъ ихъ въ разномъ тѣлѣ,
Повелѣлъ, чтобъ вспѣвно рѣли,
Чтобы пѣли пѣсни небѣдъ,
А въ иныхъ, какъ въ колибели,
Чтобъ дремотный грезилъ свѣтъ,
Словно ночью отъ планетъ.
И чтобъ ярче было чудо,
Въ ямы горной тѣсноты
Бросилъ стебли и цвѣты,

Вспыхнула пламень изумруда,
И, тая огней раскаты,
Быль рубинъ и жиль гранатъ.
Камни чувство задержали,
Цѣлы разныя скрижали,
Какъ различень цвѣтъ лица.
Лунный холодъ есть въ онахъ,
И кровавятся сердца
Въ сердоликъ безъ конца.

И чтобъ искриваго мира
Быль въ мірахъ протяжный гулъ.
Звѣздный Геній, съ кровли міра,
Синей влаги зачерпнувъ, —
Капли нѣжнаго сапфира,
Голубья, подлились
Съ Моря сверху въ Море внизъ, —
Камни были тамъ слѣпые,
Камни стали голубые,
Синью молнии зажглись,
Мчась высокою твердыней,
И въ онахъ агаты зрачковъ
Окружился сказкой — синей,
Словно небо надъ пустыней,
Или вспинки васильковъ.

Звѣздный Геній, съ грезой дружень,
Вожелавъ свою печать
Въ нашей жизни отпечатать,
Бросилъ намъ еще жемчужинъ,
Уронилъ онъ капли слезы,
Вѣтеръ съ неба ихъ донесъ.
Но, съ волной морей гутори,
Духъ свой къ Морю наклона,

Уронилъ онъ въ бездну Моря
Слезы вышнего огня.
Бездна встала съ кликомъ гула,
Быль тотъ рокотъ говорливъ,
Бездна жадная сверкнула,
Сонны раковинъ раскрыла.
И отпрянула къ хоромамъ
Темнымъ, внизъ, какъ отъ врага,
Закрывая снимъ громомъ
Неземные жемчуга.

Тамъ и будетъ эта ясность,
Та нѣмая полногласность
Слезъ упавшихъ съ высоты, —
Чтобы тѣшила опасность,
Тѣхъ, кто жаждетъ красоты,
И земнымъ бросаться нужно
Въ пропасть Моря съ береговъ,
Чтобъ сверкнула имъ содружно
Нитка круглыхъ жемчуговъ.

МИГЪ БЛАГОВѢСТІЯ.

Я куколка. Я гусеница.
Я бабочка. Не то. Не то.
Одно лицо, и разны лица.
Я три лица, и я никто.

Я точка. Нить. Черта. Янчко.
Я свѣчко. Я мысль. Зерно.
Въ живой душѣ всегда привычка
Въ вѣкахъ вертѣтъ веретено.

Я дѣтка малая. Глядите.
Зеленоватый червячекъ.
Мой часъ пришелъ. Скрутитесь, нити.
Дремать я буду должный срокъ.

Меня не трогайте. Миръ больно,
Когда до люльки червяка,
При видѣ искуса, невольню,
Коснется чуждая рука.

Какъ малый маятникъ, я нраво,
И влѣво, выражу, что сплю.
Не троньте. Сонъ мой не забава,
Но я подобенъ кораблю.

Я храмъ. Въ мой самый скрытый ярусъ
Ударилъ вѣрный лучъ тепла.
Корабль, дрожа, раскрылъ свой парусъ.
Весна красна. Весна пришла.

Крыло есть признакъ властелина.
Быль житнетворческимъ мой сонъ.
Я око синее павлина,
Я желтокрылый махаонъ.

Будя полетомъ воздухъ чистый,
И поникая надъ цвѣткомъ,
Цѣлаю вѣничья золотистый
Я закрошавшимъ хоботкомъ.

Мигъ благовѣсія. Зарница,
Животворящая цвѣтокъ.
Не куколка. Не гусеница.
Я бабочка. Я мотылекъ.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ.

За краткій мигъ существованья
Я сотни лѣтъ готовъ страдать,
И новыхъ—новыхъ пытокъ ждать
За эту сладость упованья,
Что въ тусклой мглѣ небытія
Зажгутся быстрою слезою
Цвѣты, спаленные грозю,
И брызнетъ звонкій влескъ ручья,
И сонъ любви, какъ призракъ, встанетъ,
И вновь и вновь меня обманетъ
Улыбкой блѣднаго лица,
И крикъ души сквозь Вѣчность грянетъ
Восторгомъ жгучимъ безъ конца!

БЛАГОВѢСТІЕ.

Тотъ, кто думаетъ, что человекъ
можетъ быть убійцей, и
тотъ, кто думаетъ, что человекъ
можетъ быть убитымъ, оба не
знаютъ ничего.

Благовѣстити.

Кто думаетъ, что, убивая,
Онъ убиваетъ, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что жизнь живая
Въ предѣльныхъ ликахъ, тотъ слѣпецъ.
На мигъ, напѣвъ свой прерывая,
Я начинаю въ свой конецъ.

Кто думаетъ, что въ Мирѣ слитомъ
Есть пропасть смерти, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что быть убитымъ

Конечъ есть жизни, тотъ сѣнецъ.
Вѣка ходилъ я полемъ взрытымъ,
И изъ колосевъ плелъ вѣнецъ.

Что я, то я, и измѣненъ
Суть только армлица одждь.
Я прерываю праадникъ зрѣнья,
Привѣтъ мой сну сомкнутокъ вѣждь.
Но тьма и ужасъ нисхожденъ
Есть восхожденіе надеждъ.

Что я, то я, не раздѣляетъ
Игра оружія меня.
Вода меня не потовляетъ,
Я цѣленъ въ бѣшенствахъ огня.
Что это правда, сердце знаетъ,
И голосъ мой поетъ, звеня.

Кто думаетъ, что умирая,
Онъ умираетъ, тотъ сѣнецъ.
Кто думаетъ, что жизнь, спорая,
Не возгорится, тотъ сѣнецъ.
Я былъ въ Аду, и въ жаждѣ Раа
Изъ свѣжихъ травъ плету вѣнецъ.

ПРИЧАСТІЕ НОЧИ.

Полюбите слезы, въ насъ воскреснетъ смѣхъ,
Прикоснитесь боли, удалится грѣхъ.

Помолитесь Ночи, вамъ сверкнетъ Заря,
Съ свѣтлымъ, съ темнымъ сердцемъ свѣтомъ говоря.

Прикоснитесь къ Міру мыслію своей,
На касанье мысли—поцѣлуй лучей.

Поцѣлуй безгласный просіявшихъ глазъ,
Посмотрѣвшихъ ясно изъ души на насъ

Причаститесь боли, это вѣрный путь,
Чтобъ на вольной волѣ глубоко вздохнуть.

ЗВУКЪ ИЗЪ ТАИНСТВЪ.

Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ — говорящій
огонь,
Движеніе мысли есть радость всемирныхъ и вѣчныхъ
погонь.
И взглянемъ ли мы на созвѣздыя, разслышимъ ли го-
воры струй,
Мы знаемъ, не знать мы не можемъ, что это одна
поцѣлуй.
И струнъ ли рукой мы коснемся, чтобъ сдѣлать пѣву-
чимъ нашъ ширь,
Мы пѣсней своей отзовемся на пѣсно, чье имя есть
Миръ.
И кто бы ты ни былъ, напрасно—цвѣтка-ль, человѣка-ль—
не тронь:—
Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ — говорящій
огонь.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Весь человѣкъ есть линия волны.
Токъ крови, въ руслахъ жилъ, какъ по ложбинамъ.
Строенье губъ, бровей, зрачокъ съ орлинымъ
Полетомъ къ Солнцу. Волны. Струи. Сны.

Мы влагой и огнемъ воплощены.
И нашу мысль всегда влечетъ къ глубинамъ.

И тотъ же знакъ ведетъ насъ по вершинамъ.
Намъ любо знать опасность крутизны.

Отъ Солица мы, но мы изъ Океана.
Индійскій сонъ. На влагъ мировой,
На вѣчномъ мигу ликъ являя свой,—

Съ зарей, велящей просыпаться рано,
Раскрылся чашей лотосъ голубой.
И богъ въ цвѣткѣ. А жизнь цвѣтка медвяна.

СОНЪ ДѢВУШКИ.

Она заснула подъ слова напѣва.
Въ немъ слово „Мой“, волненіе струя,
Втекало въ слово нѣжное „Твоя“.
И въ жутко-сладкомъ снѣ застыла дѣва.

Ея снилось. Нѣжно у нея изъ чрева
Росла травника. Врызгаль плескъ ручья.
Красивая нестрашная змѣя
Ласкалась къ ней. И стебель выросъ въ древо.

Ушли густыя вѣтви въ небеса.
Въ нихъ золотились яблоки и птицы.
Качались громы, молніи, зарницы.

И выросъ лѣсъ. И выросли лѣса.
И кто-то перстень съ блескомъ огневныи
Надѣлъ на палецъ избранной царицы.

ОНЪ.

Онъ проточилъ и пробуравилъ горы
Разрѣзалъ исполинскій материкъ,
И корабельный караванъ возникъ
Тамъ, гдѣ лѣсные ширились просторы

Онъ звѣзды разбѣстилъ въ ряды и хоры.
Онъ мысль свою, какъ мчащійся двойникъ,
Пошлетъ въ пространство искрой, искра—крикъ,
Черезъ Океанъ ведетъ переговоры.

Задачи нѣтъ, которую бы онъ
Не разрѣшилъ повторностью усилья.
Онъ захотѣлъ—и онъ имѣетъ крылья.

До Марса дотянуть—надменный сонъ.
И сбудется. Но въ безднахъ изобилія
Онъ долженъ гнаться до конца времени.

ОНА ПОКОИТСЯ

Она покоится. Двѣ бѣлыхъ чаши—грудь,
Два неба голубыхъ—закрытые глаза.
Ея ли въ томъ вина, что въ высыхъ бирюза
То дремлетъ въ тинищѣ, то въ грозномъ рдѣть гуаь.

Черезъ нее, въ борьбѣ, съ богами равны люди.
И станеть сказкою, свой мигъ проживъ, гроза,
Безсмертнымъ жемчугомъ — минутная слеза,
И дикая рѣзня — въ напѣвномъ будетъ чудѣ.

Она покоится. До нѣжнаго бедра
Точеная рука чуть льнетъ въ изгибъ стройномъ.
Ея суждено пребыть видѣнимъ спокойнымъ, —

Въ вѣкахъ оправданной, вѣтъ зла и вѣтъ добра.
Она покоится, межъ звѣздъ, гдѣ дышетъ мѣра,
И въ несмолкающихъ гекзаметрахъ Гомера.

МЕДЬ ВѢКОВЪ.

Сперва я увидалъ, что мѣръ есть пѣснопѣнье,
И я дрожа, его пропѣлъ.
Потомъ я нараспѣвъ сказалъ стихотворенье,
То былъ вторичный мой предѣлъ.
Потомъ я начерталъ на камнѣ заклинанье,
Перстообразный взнесъ алтарь.
И круглую Луиу впустилъ въ ограду зданья,
Я былъ пѣвецъ, колдунъ, и царь.
Теперь, когда прошли ряды тысячелѣтій,
И завершился кругъ племени,
Я помню эти дни, когда всѣ были дѣти,
Какъ ясно помнишь яркій сонъ.
Отъ вкрадчивой Луны ушелъ къ инымъ я чарамъ,
Лѣсной я измѣнилъ Луиу.
И былъ какъ во хмѣлю, пьянясь пѣвнымъ пожаромъ,
И было Солнце богомъ мнѣ.
И тамъ, гдѣ взметы горъ, гдѣ кондоръ верхолетный,
И тамъ, гдѣ желтый сонъ пустынь,
Сынъ Солнца, медь вѣковъ я накопилъ несчетный,
Боговъ вѣнчая и богинь.
Еще смѣнился рядъ побѣдныхъ ликованийъ,
И, отойдя отъ Пирамидъ,
Давно плыветъ мой умъ въ колдующемъ туманѣ,

Вновь факель ночи мнѣ горитъ.
Но не Луна, свѣча и блѣдная лампада,
Надъ ветхимъ саваномъ страницъ,
Меня ведутъ туда, откуда силой взгляда
Я вызываю сонмы лицъ.
Алхимику пыльныхъ рудъ, восторгъ пресуществленья
Изъ древнихъ выманилъ я строкъ,
И молнии велѣлъ придти изъ усыпленья,
И въ тяжкій плугъ ее запретъ.
Летаю коршуномъ, взлетаю альбатросомъ,
Предвижу ходъ и нравъ кометъ,
И къ луннымъ, наконецъ, хочу взлетѣть откосамъ,
Всѣ руны разобравъ примѣтъ.

ЖРЕБИЙ.

Сочти мнѣ, надо-ли Солнце на небѣ,
И туча изъ сколькихъ росинокъ повисла,
Сочтя, сопоставъ и помножь эти числа,
Тогда изъяснишь мой единственный жребій.

И итъ, еще мало. Сочти всѣ уклоны
Высотъ Гималайскихъ и горъ позабытыхъ,
Разслышь и запомни всѣ бывшіе звонъ,
Цвѣтовъ благодатныхъ и травъ ядовитыхъ.

Узнай, почему златокудрая Ева
Надъ Библией красной горитъ наумрудно,
И сколько столѣтій плясало налѣво,
И сколько направо, сочти, такъ нетрудно.

И, травки собравши со всѣхъ придорожій,
Сплети и до звѣздъ ихъ добрось ароматно,

Тогда тебѣ будетъ отчасти понятно,
Откуда такой я, на всѣхъ непохожий.

СЪ ВѢТРАМИ.

Душа откуда-то приносится вѣтрами,
Чтобъ жить, свѣтлѣсь въ земныхъ тѣлахъ.
Она, свободная, какъ вихрь владѣть нами,
Въ обманно-смертныхъ нашихъ снахъ.
Она какъ молнія, она какъ буревѣстникъ,
Какъ ускользящій фрегатъ,
Какъ воскрешающій—отшедшихъ въ смерть—худосникъ,
Съ которымъ духи говорятъ.
Душа—красивая, она смѣется съ нами,
Она поетъ на темномъ днѣ,
И какъ приносится, уносится съ вѣтрами,
Чтобъ жить въ безмѣрной вышинѣ.

ТРИ ДУШИ.

Три души блуждали, вольныя отъ жизни,
Въ радости эфирной неземныхъ пространствъ.
Тамъ, гдѣ нѣтъ, не будетъ мѣста укоризнѣ,
Тамъ, въ неизреченномъ, средь живыхъ убранствъ.

Средь живущихъ вѣчно, межъ всегда живого,
Три души блуждали, и спустились внизъ.
Предземное царство было имъ такъ ново,
Три свѣчи на Небѣ новыя зажглись.

Въ трехъ безсмертныхъ душахъ вспыхнуло желанье,
Загорѣлись очи, замигали страхъ.

И у вышнихъ оконъ, въ Домѣ созиданья,
Замелькали руки безглагольныхъ Пряхъ

Для одной души—пернатая сорочка,
Для другой души—осенній волчий мѣхъ,
Ликъ людской—для третьей... „Что ты плачешь, дочка?
Расскажи, повѣдай. Горе? Или грѣхъ?“

Плачутъ, плачутъ, плачутъ очи человѣка,
Волкъ въ лѣсу бонится, пробуждая страхъ,
Безприютна птица въ воздухѣ, отъ вѣка,
Три души забыли о совѣстныхъ дняхъ.

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

Пилой воюшкою подточены яркѣй стволы,
Еще не выжившей свой полный вѣкъ, березы,
На землю наспровергъ ее не произволь,
Не надгѣванія прерывистыя грозы.

Она, прекрасная, отмѣчена была
Рукой сознательной для бытїя иного:—
Зажечься в горѣтье.—блескъ, сгорѣть до дна,—
И въ помыслахъ людей теплою зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ она зардѣется и сгоритъ,
Ей нуженъ долгій путь, ей надо исказиться:—
Расчетвертована, она измѣнить видъ,
Блестящая кора, иссохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она,
И соки жить ей проступить точно слезы,
Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
И огненной листвою одѣлся духъ березы.

Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
 Какъ было ей дано, погибшей, освѣтиться.
 — Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
 И дай мнѣ почернить, иссохнуть, исказиться!

ЗВѢЗДНОЕ ТѢЛО.

Страстное тѣло, звѣздное тѣло, звѣздное тѣло,
 астральное,
 Гдѣ же ты было? Чѣмъ ты горѣло? Что жъ ты такое
 печальное?
 Звѣздное тѣло, съ кѣмъ цѣловалось? Гдѣ лепестки сладострастные?
 Море шумѣло. Солнце смѣялось. Искры ты полосы
 властные.

Чудо-дороги. Къ свѣту отъ свѣта. Звѣзды въ ночахъ
 караванами.

Очи и очи. Губы съ губами, пьяными, жадно-румяными.

Гроздья сяннй, дрожи и смѣха. Слиты всѣ выси съ низинами.

Сердце у сердца. Свѣтлое эхо. Дальше путями змѣиными.

Къ свѣту отъ свѣта. Радость одѣта мглою—игрой многопѣнною.

Пѣсни поются, и пѣсня пропѣта, вѣкъ ли ей быть незамѣнною?

Чась предразсвѣтнй. Мы у предѣла. Ночь такъ кротка въ непреклонности.

Страстное тѣло, звѣздное тѣло, мирно потонемъ въ бездонности.

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня,
 Смерть, наклонись надо мной!
 Въ всѣхъ—предчувствіе дня,
 Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
 Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
 Въ утренней дѣставенной мглѣ,
 Дубъ залепечетъ съ сосной.
 Грустно поникнетъ къ землѣ
 Лазковый ландшафтъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
 Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
 Гдѣ-то проснется, звеня...
 Въ этотъ таинственный мигъ,
 Смерть, убаюкай меня!

УСНИ.

Дымящихся свѣтильниковъ предсмертные огни,
 Дрожащія, скользящія, послѣдніе. Усни.

Мерцающія лиліи, пришедшій къ цѣли путь,
 Пройденности, бездонности грозившій. Забудь.

Развязана запутанность, оконченъ счетъ съ людьми,
 Предсказанность безмолвія идетъ къ тебѣ. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезлъ свѣчи,
 Изъ безгласности горѣнія сожги слова. Молчи.

Возвышенныя лиліи расцвѣтомъ смотрятъ внизъ,
И ждутъ въ благоговѣнности послѣдняго. Молись.

Ни шопота, ни ропота, въ зеркальномъ прошломъ дни.
Подходитъ ночь безслезная, вся звѣздная. Взгляни.

ПРОЩАНІЕ.

Ты прости-прошай, тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, ликъ земной.
Ты лежишь теперь, онѣмѣлое,
Онѣмѣлое подъ Луной.

Я жила въ тебѣ, тебя нѣжила,
Въ тебѣ нѣжила сонъ вѣнца.
Но меня всегда ты мятежило,
Ты мятежило безъ конца.

А теперь пора разставаться намъ,
Разставаться намъ—такъ всегда.
Нужно въ Небо мнѣ, вновь скитаться тамъ,
Вновь скитаться тамъ, какъ звѣзда.

Я отдамъ тебя на съѣденіе,
На съѣденіе злымъ червямъ.
Все же бывшее единеніе,
Единеніе радость намъ.

Ты служило мнѣ—зыбкой лѣстницей,
Зыбкой лѣстницей къ вышнимъ.
Я была тебѣ свѣтлой вѣстницей,
Свѣтлой вѣстницей въ нѣжномъ снѣ.

И когда опять въ мірѣ встрѣтимся,
Въ мірѣ встрѣтимся въ должный часъ,
Другъ во другѣ мы въ мигъ отмѣтимся,
Въ мигъ отмѣтимся блескомъ глазъ.

Но хотя вдвойнѣ возрожденіе,
Возрожденіе приметъ свѣтъ,
Для минувшаго—возвращенія,
Возвращенія больные нѣтъ.

И любя любовь, и любя тебя,
И любя тебя вдвое вновь,
Будемъ счастливы, о быломъ скорбя,
О быломъ скорбя сквозь любовь.

ОТЪ ОЗИРИСА.

Отъ Озириса до Христа
Въ тысячелѣтнихъ дорогахъ.
Но разны въ Радугѣ цвѣта,
И всѣ они во славу Бога.

И разные въ лугахъ цвѣты
Зажглись какъ Божьи свѣчи снова.
Но въ каждомъ отблескѣ красоты
Во славу Солнца золотого.

И тотъ, кто съ громомъ на челѣ,
И тотъ, чье имя въ мірѣ Брама,
Прошли по творческой землѣ,
Чтобъ людямъ дать уютность храма.

Быть Вышнимъ посланъ Магометъ,
Всѣ Богу дѣти дорогія.
Нѣтъ въ Богѣ только слова „Нѣтъ“,
И звонки всѣ слова другія.

ОНЪ.

Онъ полюбилъ дѣтей и женщинъ, цвѣты и бѣдныхъ рыбаковъ,
Крылатыхъ птицъ, крылатость слова, и просвѣтленіе враговъ.
Колосья съ даромъ многозерни, и кровь веселую лозы,
Движенія воли, что вдругъ послушно смирятся въ пламенахъ грозы.

Онъ чтить въ себѣ всю вѣрность слову, во имя правды принять крестъ,
И потому женихъ онъ вѣчный правдиво любящихъ не вѣстъ.
Онъ отдалъ кровь свою, но крови не разрѣшилъ пролиять чужой,
И потому онъ всѣмъ Родимый, Единный съ любящей душой.

И если мы въ вѣкахъ распяты своимъ безумьемъ роковымъ,
Прильнемъ къ ногамъ его пробитымъ, съ мольбой, взносившей свѣтлый дымъ.
Когда опять въ любовь повѣримъ, и всѣ сердца скуемъ въ звено,
Вновь будемъ въ Канѣ Галилейской, и слезы претворимъ въ вино.

ОДИНЪ ИЗЪ ИТОГОВЪ.

Въ концѣ-концовъ я твердо знаю,
Кто мы, что мы, гдѣ я, въ чемъ я,
Всю неразрывность принимаю,
И вся Вселенная — моя.

Я знаю всѣ ея стихи,
Я слышать всѣ ея слова.
И здѣсь являясь не впервые,
Моя душа опять жива.

Изъ тѣхъ планетъ, что были стары,
Я много новыхъ создаю.
Неумирающія чары
И Возрожденіе пою.

Металловъ мертвенные слитки
Бросаю въ нестерпимый жаръ,
И — въ первозданы, и — въ набытки,
И свѣжъ, и юнъ — кто былъ такъ старъ.

Я знаю все. Но есть забвеніе.
И страшно-сладко мнѣ забыть,
И слушать пѣнье, видѣть звеня,
И ненавидѣть, и любить.

Моя заманчивая доля —
Быть вольнымъ даже и въ цѣвяхъ.
О, да, я воля, воля, воля,
Я жизнь, я смерть, я страсть, я страхъ.

Мое пѣвучее витѣйство —
Не только блескъ созвучныхъ силъ.

Разъ захочу, свершу убійство,
Быть можетъ, я ужъ и убилъ.

Но въ должный мигъ припоминанье
Пронзить внезапно темноту.
И приведетъ меня скитанье
Къ весеннеликому Христу.

Къ тому, который не страдаетъ,
Страдая вольно за другихъ,
Но бесконечно созидаетъ
Изъ темныхъ душъ блестящій стихъ.

Онъ убѣдительно и кротокъ,
Онъ упорительно-жестокъ,
И Онъ—въ перебраныи четокъ,
Но больше—въ пѣньи звонкихъ строкъ.

Всечутливъ, многоликъ, цѣльный—
Встрѣчаетъ съ ясностью лица
Всѣхъ тѣхъ, кто въ жаждѣ безпредѣльной
Во всемъ доходить до конца.

Кто говорить, что Онъ—распятый?
О, нѣтъ, неправда, Онъ не трупъ,
Онъ юный, сильный, и богатый,
Съ улыбкой вѣжной свѣжихъ губъ.

Онъ такъ красивъ, такъ мудръ, спокоенъ,
Держа всѣ громы въ глубинѣ.
Онъ притягательнъ и строенъ,
И вѣчно насъ ведетъ къ веснѣ.

Онъ смотритъ, какъ рѣзвятся дѣтя,
Какъ мчится молній череда,

Не двадцать маленькихъ столѣтій,
А сердце говоритъ—всегда.

И былъ ли Онъ сейчасъ въ хитонѣ,
И былъ ли въ панцирѣ—какъ знать!
Но только въ самомъ страшномъ стонѣ
Сокрыта звѣздная печать.

Землѣ, что ярче изумруда,
Сказалъ Онъ, что ей суждено:—
Намъ первое являя чудо,
Онъ воду превратилъ въ вино.

И, весь—бездонное значенье,
Зимѣ уготовая май,
Разбойника за мигъ мученья
Онъ взялъ съ собою въ вѣчный Рай.

И тамъ, гдѣ звѣздъ живыя рѣки,
Звения, не точатъ берега,—
Внемлите слову, человекъ,—
Онъ приметъ худшаго врага.

У Человѣка больше схожества
Съ Христомъ, чѣмъ съ Дьяволомъ, и онъ,
Впадая въ низкое уродство,
Лишь на мгновенье ослѣпленъ.

Впадая въ ярость возмущенья,
Въ Великій Сатанинскій Сонъ,
Желая ужаса и мщенья,
Лишь на мгновенье ослѣпленъ.

Въ горѣни властнаго пожара
Себѣ лишь нанося уронъ,

Впадая въ марево Кошмара,
Лишь на мгновенье ослылень.

И это краткое мгновенье
Продлится миліоны лѣтъ,
Но въ яркій праздникъ Воскресенья
Весь мракъ войдетъ въ безмѣрный Свѣтъ!

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Тотъ, предъ Кѣмъ, Незримымъ, зримо
Все, что въ душахъ у людей,
Тотъ, предъ Кѣмъ проходятъ мимо
Блески дымные страстей,—

Кто, незлышимъ, услышитъ
Каждый ропотъ бытія,
Только Тотъ безсмертьемъ дышитъ,
Въ нераздѣльно-слитномъ я.

Тотъ, въ чьемъ духѣ вѣчно новы
Солнце, звѣзды, вѣтеръ, тьма,
Тотъ, Кому они—покровы
Для сокрытаго ума,—

Тотъ, Кто близко и далеко,
Перель Кѣмъ вся жизнь твоя
Точно радуга потока,—
Только Тотъ есть вѣчно—я.

Всѣ закаты, всѣ разсвѣты
Въ немъ возникли и умрутъ,
Всѣ сердечныя примѣты
Тамъ зажглись, блистая—туть.

Всѣ лучи въ росѣ горячей
Повторяютъ тотъ же ликъ,
Солнца ликъ животворящій,
Въ Солницѣ каждый лучъ возникъ.

Все, что—здѣсь, проходить мимо
Словно тѣнь отъ облаковъ.
Но очамъ незримымъ—зрима
Неподвижность вѣчныхъ словъ.

Онъ живетъ, предъ Кѣмъ проводить
Этотъ міръ всю роскошь силъ,
Онъ, Единный, не уходитъ,
Въ часъ захода всѣхъ святилъ!

СВѢТЕ ТИХІЙ.

Свѣте тихій пречистыя славы негасимыхъ сіяній Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, Свѣте тихій, сіяй безъ
конца.
Мы пришли до закатаго Солнца, свѣтъ вечерній уви-
дѣли мы,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, надъ великимъ раз-
литіемъ тьмы.
Свѣтъ вечерній, увидѣвъ, поемъ мы—Мать и Сына и
Духа—Отца,
Свѣте тихій, ты жизнь даровалъ намъ, Свѣте тихій, сіяй
безъ конца.
Ты во всѣ времена есть достоинъ въ преподобныхъ хва-
леніяхъ быть,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, научи насъ въ сіяньяхъ
любить.
Свѣте тихій, весь міръ тебя славить, ты, сіяя, нисходишь
въ псалмы,

Ты спокойная радуга міра, надъ великимъ разлитіемъ тьмы.
Свѣте тихій, закатное Солнце, свѣтъ вечерній дневного
Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ черезъ ночи, Свѣте тихій, сіяй безъ
конца.

ПОЛНОЧЬ.

Зеленое древо нездѣшняго сѣва, быть можетъ съ Венеры,
быть можетъ съ Луны,
Цвѣло, расцвѣтало, качалось, качало, и птицами пѣло, и
рѣяли сны.
Топоръ былъ веселый, жужжащія пчелы летѣли, бросая
свой улей навѣкъ.
Ударъ былъ упорный, пригвѣно-повторный, и звонкую
пѣсню пропѣлъ дровосѣкъ.
Мы все это знали изъ дыма печали, изъ пѣнья и тѣнь
пылающихъ дровъ.
Такъ будетъ и съ нами, съ горящими въ Храмѣ, такъ
будетъ съ мірами во вѣки вѣковъ.

СТРОИТЕЛЬ.

... Но будетъ часъ, и свѣтлый Зодчій,
Раскрывъ любовь,
Мое чело рукою отчей
Подниметь вновь.

Ю. Балтрушайтисъ

1.

Атлантида потонула,
Тайна спрятала концы.
Только рыбы въ часъ разгула
Заплывутъ въ ея дворцы.

Проплывають вдумленно
Въ залахъ призрачныхъ палатъ.
Рыбий шабашъ водятъ сонно,
И спѣшать къ себѣ назаль.

Лишь свѣтащеся чудо,
Рыба черной солнцестрѣль,
Отъ сестеръ своихъ оттуда
Въ вышній ринется предѣль.

Это странное созданье
Хочетъ съ дна морей донести
Сокровенное преданье,
Объ Атлантахъ спящихъ вѣсти.

Но, какъ только въ зыби увидеть,
Въ чудѣ чуда больше нѣтъ,
Чуть верховный міръ увидитъ,
Гаснетъ водный самопѣтъ.

Выплываетъ диво-рыба,
Въ ней мертвѣетъ бирюза,
Тѣло—страннаго изгиба,
Тусклы мертвые глаза.

И когда такое чудо
Въ Морѣ выловить рыбакъ,
Онъ въ рукѣ горькие зуда
Будетъ знать, какъ вѣщій знакъ.

И до смерти будетъ сказку
Малымъ дѣтямъ возвѣщать,
Чтобы вѣдали опаску,
Видя красную печать.

Детямъ — смѣхъ, ему — обида.
Такъ въ сто лѣтъ бываетъ разъ.
Ибо хочетъ Атлантида
Быть сокрытою отъ насъ.

2

Я долго строилъ башню Вавилона.
Воздвигъ ее, какъ бы маякъ морской,
Однимъ въ ночахъ, по свиткамъ Небосклона,
Прочелъ строку за свѣтлою строкой.

Мнѣ Зодиакъ явилъ сплетенье смысла,
Что скрытъ отъ стѣпихъ, тамъ внизу, людей.
Алмазная внеся въ таблицы числа,
Я магомъ былъ, звезда межъ звездамъ, Халдей.

Унился тайной, властвуя царями,
Народы на народы посылалъ.
И были царства мнѣ въ ночахъ кострами,
И выпилъ я нурпуровый фѣаль.

Когда же царь одинъ хотѣлъ быть выше,
'Възгъ я, къмъ всѣ держалися цари,
Почаровать съ высотъ я въ лунной нишѣ,
И царь палменный умеръ до зари.

Другой же, не понявъ, что перемѣна
Властей — въ умѣ того, кто звѣздочетъ,
Возмнилъ себя скотомъ, и фѣль онъ сѣно,
А я смотрѣлъ, какъ Млечный Путь течетъ.

Но вотъ, но вотъ, хотъ всѣхъ я былъ сильнѣе,
И тайну тайнъ качалъ въ моихъ ночахъ,

Не полюбила вѣщаго Халдея
Истаръ Земли, съ Вселенною въ очахъ.

И какъ горитъ блестящая Денница
Не Солнцу, а себѣ или Лунѣ,
Какъ къ бѣлой птицѣ бѣлая змѣетъ птица,
Лишь трупъ ея былъ чарой преданъ мнѣ.

Подъ Мѣсяцемъ ущербно-наклоненнымъ,
И заострившимъ въ смертный бой рога,
Съ отчаяньемъ, съ восторгомъ изступленнымъ,
Я вить, что Вѣчность бьется въ берега.

Но я-то былъ бездонный и безбрежный,
Лишь Я ночное было мой законъ, —
И я ласкалъ тотъ трупъ нѣмой и ябный,
И, взявъ свое, я проклиналъ Вавилоны.

Я произвелъ смѣшеніе языковъ,
Людей внизу въ звѣрей я превратилъ,
И ваа башня изъ слитномъ гулъ канковъ,
И падалъ въ вышнемъ Небѣ дождь свѣтилъ.

Мой Вавилонъ, съ висимиными садами,
Мой Вавилонъ, въ вѣнцѣ блестящихъ звѣздъ,
Несытый, хотъ пресыщенный, страстями, —
Ты палъ, рѣка бѣлится, — но сорванъ мостъ.

3

Я красивѣ проснулся, выйдя снова изъ могилъ,
По желанью Озириса, тамъ, гдѣ свѣжій дышетъ Ниль.
Я въ веселія охоты устремилъ свой юный духъ,
Мнѣ служили бегемоты, чада творческихъ Старухъ.

Полюбивъ, какъ бога, Солнце, жизнь принявъ, какъ
все—мое,

Я метаю въ вождей враждебныхъ мѣткострѣльное копье.
И отъ Сѣвера до Юга, отъ морей до жаркихъ странъ,
Улыбалась мнѣ подруга, изгибая стройный станъ.

Строя пышные гробницы, такъ я пляску полюбилъ,
Что и въ смерти мнѣ плясуньи говорить о пляскѣ силъ.
Отъ земного скарабея я узналъ, какъ строить домъ,
Я отъ сокола развѣдалъ, мнѣ идти какимъ путемъ.

Я искусству жаркой схватки научился у быка,
И въ любви ли, или въ битвѣ, жизнь казалась мнѣ легка
И предъ тѣмъ какъ низойду я вмѣстѣ съ милой въ
вѣрный гробъ,
Я помчусь за быстрымъ стадомъ легконогихъ антилопъ.

Такъ сказать я, — такъ и сдѣлать. Вѣренъ въ словѣ
Фараонъ.

Сыну Солнца свѣтитъ Солнце. Тотъ, кто любитъ, сча-
стливъ онъ.

Чары мумій служатъ міру. Смерть до жизни свѣтъ
стремить.

Въ вѣщей думѣ спитъ Пустыня. Вѣсть идетъ отъ Пи-
рамидъ.

4.

Ибисъ вѣрный улетѣлъ къ истокамъ рѣкъ
Измѣненъ пожаромъ мыслей человекъ.
Но повсюду, гдѣ онъ бродитъ безъ конца,
Въ самой смерти сынъ находитъ ликъ Отца.

И смиренный, съ умиленіемъ приравъ
Къ чернымъ глыбамъ, что даютъ намъ зелень травъ,

Ты услышишь,—слышите, братья, мой завѣтъ,—
Всѣ слышать вѣсть Земли, что Смерти нѣтъ.

Лишь любите, полюбите сказку дня,
Полюбите хоть случайность, хоть меня,
Въ глубин глянувъ, я вамъ правду говорю,
Ночь всегда ведетъ румяную зарю.

До Египта наши ласточки летать,
А весной опять ихъ встрѣтите ждущій взглядъ.
Наши жизни—это игры въ честь Творца,
Сыну Солнца свѣтитъ Солнце безъ конца.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Я въ этотъ міръ пришелъ. (Будемъ какъ Солнце).	5
Будемъ какъ Солнце. (Будемъ какъ Соянце).	7
Къ Солнцу. (Литургія Красоты).	7
Соянце. (Птицы въ Воздухѣ).	8
Разсвѣтъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	9
Соянце встало. (Бѣлый Зодчій).	9
Подсѣжники. (Бѣлый Зодчій).	10
Бронзовка. (Сонеты Солнца, Меда и Луны).	10
Павлинъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	11
Радуга. (Бѣлый Зодчій).	12
Что ео мной. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	12
Полдень. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	13
Часть Поадня. (Тропикой Огня).	13
Зеленый Змѣй. (Тропикой Огня).	14
Оно прекрасно. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	14
На старыхъ клнатахъ. (Бѣлый Зодчій).	15
Голось Закага. (Будемъ какъ Соянце).	16
Для чего? (Хороводъ Времени).	17
Солнечный Лучъ. (Только Любовь).	17
Геродъ Золотыхъ Воротъ. (Литургія Красоты).	18
Гимнъ Солнцу. (Только Любовь).	19
Къ Ночи. (Только Любовь).	21
Масенный Путь. (Въ Безбрежности).	29
Небесная Роса. (Въ Безбрежности).	29
Звѣзда Вечерняя. (Зарево Зорь).	29
Пять Звѣздъ. (Бѣлый Зодчій).	30
Вселенскій Стихъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	31
Причастіе. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	32
Тиншина. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	32

	<i>Стр.</i>
Къ Звѣздамъ. (Бѣлый Зодчій).	33
Отчий Домъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	33
Постель. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	34
Страда. (Бѣлый Зодчій).	35
Звѣздолкій. (Зеленый Вертоградъ).	35
Осаина (Зеленый Вертоградъ).	36
Звѣздная Пляска. (Ясень).	36
Къ Луиъ. (Ясень).	40
Серпъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	41
Обелискъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	42
Вѣтръча (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	42
Въичаннне. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	43
Лунный Лучъ. (Въ Безбрежности).	43
Лунная Соната. (Только Любовь).	44
Въ Лучъ. (Тропикой Огня).	47
Чары Мѣсяца. (Горящая Зданія).	48
Мѣсяць встаетъ. (Тропикой Огня).	51
Чара. (Тропикой Огня).	52
Луна. (Горящая Зданія).	53
Южный Полюсъ Луны. (Горящая Зданія).	54
Лунное Безмолвіе. (Будемъ какъ Солнце).	54
Восхваленіе Луны. (Будемъ какъ Солнце).	55
Цвѣтокъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	60
Зерно. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	60
Наука. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	61
Миръ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	61
Жужжанье Мухъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	62
Древостужкѣ. (Ясень).	62
Я Вольный Вѣтеръ. (Тышина).	63
Осень. (Горящая Зданія).	64
Стѣна. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	64
Лебяжій Пухъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	65
Шалая. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	66
Весь Кругъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	66
Вѣтеръ. (Бѣлый Зодчій).	67
Поющее Дерево. (Ясень).	67
Земля. (Литургія Красоты).	70
Влага. (Будемъ какъ Солнце).	85
Воззванье къ Океану. (Будемъ какъ Солнце).	85
Струя. (Сборникъ Стихотвореній).	86

	<i>Стр.</i>
Ручеекъ (Только Любовь).	86
Зарожденіе Ручья. (Въ Безбрежности).	88
Звуки Прибоя. (Въ Безбрежности).	88
Лучезаломъ. (Зарево Зорь).	89
Золотистымъ Аметистомъ. (Ясень).	90
Песокъ. (Только Любовь).	90
Дождь. (Будемъ какъ Солнце).	91
Межь Подводныхъ Стеблей. (Только Любовь).	93
Сребецъ. (Птицы въ Воздухъ).	93
Вода. (Литургія Красоты).	94
Костеръ. (Зарево Зорь).	102
Что мнѣ нравится. (Только Любовь).	103
Огненный Миръ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	104
На Огненномъ Пирѣ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	104
Жертва. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	105
Пиръ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	106
Огнебагрянка. (Зарево Зорь).	106
Пламя. (Зарево Зорь).	107
Ворожба. (Только Любовь).	107
Три Коня. (Птицы въ Воздухъ).	110
Гимнъ Огню. (Будемъ какъ Солнце).	111
Агни. (Зарево Зорь).	115
Парча. (Тропикой Огня).	116
По Тропикъ. (Тропикой Огня).	116
Серебро или Золото? (Тропикой Огня).	117
Верховные Коня. (Тропикой Огня).	118
Кони Бурь. (Зарево Зорь).	119
Небесный Быкъ. (Хороводъ Времени).	119
Перунъ. (Жарь-Птица).	121
Богиня Громоваица. (Жарь-Птица).	121
Заклинательница Грозь. (Жарь-Птица).	122
Погоны. (Зеленый Вертоградъ).	123
Рыцарь. (Зарево Зорь).	123
Громовымъ Свѣтомъ. (Ясень).	124
Огонь. (Литургія Красоты).	125
Страсть. (Бѣлый Зодчій).	134
Любовь. (Ясень).	134
До Рожденья. (Птицы въ Воздухъ).	134
Предъизбранные. (Тропикой Огня).	135
Лѣсница Любви. (Только Любовь).	135

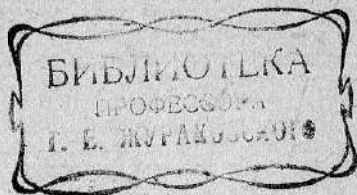
	<i>Стр.</i>
Счастье. (Зарево Зорь)	136
Дочь Земли. (Тропинкой Огня)	136
Жрица. (Тропинкой Огня)	137
Ткань. (Тропинкой Огня)	138
Одна. (Тропинкой Огня)	139
Серебряный Туфельки. (Тропинкой Огня)	139
Слова Любви. (Въ Безбрежности)	140
Весъ Весна. (Будемъ какъ Солнце)	141
Древній Перстень. (Ясень)	142
Заклинанье Воли и Огня. (Птицы въ Воздухъ)	143
Люби. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны)	143
Отчего? (Зеленый Вертоградъ)	144
Въ Раковинѣ. (Зеленый Вертоградъ)	144
Звѣздное Причастіе. (Зеленый Вертоградъ)	145
Безъ Упрека. (Будемъ какъ Солнце)	145
Только Ты. (Бѣлый Зодчій)	146
Не въ Эти Дни. (Зарево Зорь)	146
Остріе. (Зарево Зорь)	147
Въ Моемъ Саду. (Будемъ какъ Солнце)	148
Маньяка. (Тропинкой Огня)	149
Нашъ Танецъ. (Птицы въ Воздухъ)	150
Хвалите. (Птицы въ Воздухъ)	150
Пламя Мира. (Бѣлый Зодчій)	151
Хочешь-ли? (Бѣлый Зодчій)	158
Египеть. (Хороводъ Времени)	159
Закатная Пирамида. (Ясень)	159
Три Страха. (Литургія Красоты)	160
Майя. (Горящая Зданія)	161
Танецъ Искръ. (Ясень)	162
Вънчаніе въ Странѣ Лотоса. (Ясень)	163
Колибри. (Литургія Красоты)	164
Наумрухная Птица. (Птицы въ Воздухъ)	165
Ислаидія. (Горящая Зданія)	166
Саги. (Ясень)	166
Сибъные Боги. (Ясень)	167
Бретань. (Горящая Зданія)	168
Толедо. (Будемъ какъ Солнце)	169
Какъ Испанецъ. (Горящая Зданія)	170
Вѣрный. (Тропинкой Огня)	171
Къ Грузіи. (Тропинкой Огня)	171

	<i>Стр.</i>
Далекое. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны)	173
Цвѣта Драгоцѣннаго. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны)	173
Яванская Плясущая. (Тропинкой Огня)	174
Пляска Колдуна. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны)	175
Самоонская Пляска. (Бѣлый Зодчій)	175
Завороженные. (Бѣлый Зодчій)	176
Ткань. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны)	177
Китайская Греза. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны)	177
Въ Чайномъ Домикѣ. (Тропинкой Огня)	178
Самурай. (Тропинкой Огня)	179
Буддѣвскій Храмъ. (Тропинкой Огня)	180
Садъ. (Ясень)	183
Июль. (Хороводъ Времени)	183
Ноябрь. (Хороводъ Времени)	184
Лебедь. (Въ Безбрежности)	185
Безглагольность. (Литургія Красоты)	186
Камыши. (Въ безбрежности)	187
Кукунка. (Тропинкой Огня)	188
Ткань. (Тропинкой Огня)	188
Бѣлые Березы. (Бѣлый Зодчій)	189
Бѣлой Ночью. (Тропинкой Огня)	191
Закатные Цвѣты. (Горящая Зданія)	191
За Гаею Зеленымъ. (Бѣлый Зодчій)	191
Осень. (Литургія Красоты)	192
Сквыи. (Горящая Зданія)	193
Въ Глухіе Дни. (Горящая Зданія)	193
Превозможная. (Ясень)	195
Капля. (Бѣлый Зодчій)	196
Страна, которая молчатъ. (Бѣлый Зодчій)	196
На краю Земли. (Бѣлый Зодчій)	197
Славянскій Языкъ. (Пѣсни Мстителя)	197
Зоря Зорянина. (Злая Чары)	198
Прощаніе съ Древомъ. (Пѣсни Воли и Гнѣва)	199
Воздушный Островъ. (Тропинкой Огня)	200
Въ душахъ есть все. (Горящая Зданія)	205
Полночь и Свѣтъ. (Горящая Зданія)	205
Гармонія Словъ. (Будемъ какъ Солнце)	206
Свѣча горитъ. (Въ Безбрежности)	207
Завѣтъ Бытія. (Будемъ какъ Солнце)	207
Улети. (Зеленый Вертоградъ)	207

	<i>Стр.</i>
Болѣ (Только Любовь).	208
Мало Криковъ. (Литургія Красоты).	210
Съ Высокой Башни. (Бѣлый Зодіи).	210
Заповѣдь. (Бѣлый Зодіи).	211
Ключъ. (Ясень).	212
Уходящія Тѣни. (Въ Безбрежности).	212
Безъ Улыбки, безъ Словъ. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ).	213
Подъ Льдомъ (Только Любовь).	214
Слѣжинка. (Только Любовь).	214
Шелковинка. (Фейныя Сказки).	215
Голубой Союзъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	216
Алый Изумрудъ (Ясень).	216
Чертогъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	217
Пѣсня Араба. (Только Любовь).	218
Рѣзба по Камню. (Тропикой Огня).	219
Портретъ. (Ясень).	219
Золото-Море. (Злая Чара).	220
Колдунья. (Только Любовь).	221
Законъ Природы. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	221
Умѣй творить. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	225
Соотношенія. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	225
Тайна. (Ясень).	226
Рожденіе Музыки. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	226
Музыка. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	227
Поэтъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	228
Ларетъ. (Ясень).	228
Я Измыканность. (Будемъ какъ Солнце).	229
Sin Miedo. (Будемъ какъ Солнце).	229
Скрученность. (Тропикой Огня).	230
Безгласная Поэма. (Только Любовь).	231
Сознанье, Сила, и Основа. (Только Любовь).	232
Звѣрь-Цвѣтакъ. (Ясень).	234
Сказъ о Камняхъ. (Бѣлый Зодіи).	235
Мигъ Благовѣсія. (Ясень).	237
Переволощеніе. (Въ Безбрежности).	239
Благовѣсіе. (Зарево Зѣрь).	239
Причастіе Ночи. (Птицы въ Воздухъ).	240
Звукъ изъ Тайнствъ. (Птицы въ Воздухъ).	241
Человѣкъ. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	241
Союзъ Дѣвушки. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	242

	<i>Стр.</i>
Онь. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	243
Она покоится. (Сонеты Солнца, Меда, и Луны).	243
Медъ Вѣковъ. (Ясень).	244
Жребій. (Тропикой Огня).	245
Съ Вѣтрами. (Птицы въ Воздухъ).	246
Три Души. (Птицы въ Воздухъ).	246
Молитва о Жертвѣ. (Горящія Звѣнія).	247
Звѣздное Тѣло. (Птицы въ Воздухъ).	248
Смерть, убавкай меня. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ).	249
Усни. (Хороводъ Времени).	249
Прощаніе. (Зеленый Вертоградъ).	250
Отъ Оазиса. (Тропикой Огня).	251
Онь. (Тропикой Огня).	252
Одинъ изъ Итоговъ. (Только Любовь).	253
Молитва Вечерняя. (Горящія Звѣнія).	256
Свѣте Тихій. (Зеленый Вертоградъ).	257
Полночь.	258
Стрелетъ. (Бѣлый Зодіи).	258

ЛОМОНОСОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Собрание общедоступных книг для чтения по всем отраслям знания; вышли:

ДЕПЕРЕ Ш. Превращения животного мира. Перев. Ю. Жемчужниковой подъ ред. и съ предисловіемъ А. Борисяка.

НЕЙМАЙРЪ М. Корни животного царства. Перев. М. Павловой съ предисловіемъ А. Павлова.

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Собрание избранныхъ произведеній изящной словесности; вышли:

ДОЛГОРУКІЙ КН. И. М. Изборникъ 1764—1823.

ПОЭТЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ. Подъ ред. и со вступит. статей Ю. Верховскаго.

Издательство М. и С. Сабашниковыхъ.

Москва, Никитскій бульваръ 8, кв. 7.